

Михаил НЕБОГАТОВ

**«ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ
СТРОКОЮ...»**

СВОДНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Неизданное

Кемерово, 2012-2021

Поэт Михаил Александрович Небогатов

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

**«ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ
СТРОКОЮ...»**

СВОДНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Неизданное

Автор-составитель –
Нина Инякина

КЕМЕРОВО, 2012-2021

От автора-составителя

Настоящий сводный сборник составлен из семи самостоятельных тематических сборников. Они были подготовлены мною на основе шестнадцати авторских поэтических книжек Михаила Александровича Небогатова к 50-летию Союза писателей Кузбасса и представленных в выступлении на секции № 3 «Литература Кузбасса: наша память» региональной научно-практической конференции «Литература Кузбасса и её роль в гуманитарном воспитании и образовании детей и молодёжи». Конференция проходила в городе Кемерово в областной детской библиотеке имени А. Гайдара 29 марта 2012 года.

Цель создания сборника – показать многогранность поэтического дарования автора, стоявшего у истоков Кемеровской писательской организации по разделу «Поэзия».

В самом начале дан оглавление, а затем каждый сборник откроется предисловием автора-составителя, а закроется перечнем стихотворений, включённых в этот сборник, объединённых под заголовком «Содержание».

Этот сборник – своеобразный подарок к 100-летию поэта.

*Автор-составитель – дочь
поэта Нина Инякина.
Г. Кемерово, февраль-март
2012 – август 2021 гг.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

«КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ТЯЖЁЛОЙ ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»: Стихи о войне.....	6
«ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ СТРОКОЮ...»: Стихи о родном крае.....	69
«МОЯ ЛЮБОВЬ – КАК СВЕТ В СУДЬБЕ...»: Стихи о любви.....	114
«В ПОЭЗИИ ГОТОВ СТОЯТЬ ГОРОЙ...»: Стихи о творчестве.....	168
«ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ»: Стихи детям. Переиздание (с оригинала 1957 года).....	197
«НЕ УДИВЛЯТЬ, А УДИВЛЯТЬСЯ...»: Поэмы, сонеты; эпиграммы, басни, пародии; Переводы.....	245
«...БУДЕТ СЛАВИТЬ ЖИЗНЬ МОЯ СТРОКА!»: Стихи о жизни.....	312

I

Михаил Небогатов

МИХАИЛ
НЕБОГАТОВ

БЛАГОДАРЮ,
БЛАГОДАРЮ...

СТИХИ О ВОЙНЕ

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

**«... КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ТЯЖЁЛОЙ
ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»**

СТИХИ О ВОЙНЕ

Составитель тематического
сборника – НИНА ИНЯКИНА

КЕМЕРОВО, 2012

*Иллюстрация из сборника «ПЕРЕПЁЛКА».
Художник – В. Периков*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время празднования 90-летнего юбилея со дня рождения известного кузбасского поэта Михаила Александровича Небогатова в октябре прошлого года организаторам небогатовских чтений в Кемеровском государственном университете пришла в голову мысль: сделать тематические подборки стихотворений, проследить при этом процесс работы автора над словом, что называется, «заглянуть в творческую лабораторию». Не сговариваясь, решили, что начнём составление таких сборников с темы, которую Небогатов не оставлял на протяжении всей своей жизни. Бывший фронтовик, он не понаслышке знал, что такое война. Писал о ней не пафосно, не плакатно, а простым, человеческим языком. Как сказал сам поэт: «Поэтам замыкаться не к лицу. / Живём, всё к сердцу близко принимая. / Коль боль пришла к какому-то крыльцу, / Она и нас тревожит, обжигая...». Стихи эти – пронзительны, берут за душу.

Стихи о войне – первый сборник из этой серии тематических книжек. Для того чтобы чтение не было скучным и однообразным, приведу все возможные редакции стихотворений с пояснением, из какого сборника они взяты (их у Небогатова было 16: 14 прижизненных и 2 – изданных после его смерти); отделию одно от другого «звёздочками» по центру страницы. А строки, подвергшиеся изменению или правке поэта, выделю цветным маркером. Читателю только останется выбрать наиболее понравившийся вариант.

Надеюсь, сборник найдёт понимание и отклик в душе любого человека, который возьмёт в руки эту книжку.

Автор-составитель.

***

Не обойдёшь сторонкою в беседе
Год сорок первый, горестные дни.
Как ни светлы раздумья о победе,
В них не одни салютные огни...

На быстроту прорывов, окружений
Был мастер враг коварный, что скрывать.
И на уроках наших поражений
Мы на ходу учились воевать.

Когда врага по гатям, перевалам
Погнали мы лесами, средь долин,
Его же салом били по мусалам,
По-русски вышибая клином клин!...

Пути войны – вначале к Подмосковью,
Потом к Берлину в холод, слякоть, зной –
Обагрены великой нашей кровью,
Оплачены огромною ценой.

Не счесть героев – будь земля им пухом,
Что полегли под холмики, холмы...
Броня – бронёй. Но кто сильнее духом,
Тот победил.
А победили мы!

Пусть много лет сияет мир весёлый,
Нам не забыть, какая битва шла,
Какой из сорок первого тяжёлой
Дорога в сорок пятый год была.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 39)

***

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Случайность, что не сгинули мы сами
На Волге, на Днестре или Десне.
И всё-таки порой мы беспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несём:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?..

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 25)

ДОСТОЙНЫ ЛИ...

Не виноваты мы перед друзьями,
Которые погибли на войне.
Ведь так же мы могли погибнуть сами
На Волге, на Днестре или Десне.
И всё-таки порой мы беспокойны,
Как некий груз, вопрос в душе несём:
Всегда ли мы их памяти достойны,
А может, не всегда и не во всём?..

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 11).

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Я представляю это до сих пор...
Был сладок сон. Тиха была казарма.
Алел восток, и на него в упор
Смотрел фашист с открытого плацдарма.
Смотрел в бинокль, высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью спортивной...
Был берег тот не берег, а рубеж,
Простор полей – простор оперативный...
Уже мосты – места для переправ,
Для гусениц, колёс, бегущих ног ли...
Мир черепиц, садов, соборных глав, –
Всё чётко, близко замерло в бинокле.
Мы спали. И дышалось так легко.
И нам, юнцам, ничто не подсказало,
Что за рекой – совсем недалеко –
Уже война к прыжку ждала сигнала.

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 9;
эта же редакция в сборнике «Лето», 1981 г., с. 52)*

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Я представляю это до сих пор...
Был сладок сон. Тиха была казарма.
Алел восток, и на него в упор
Смотрел фашист с открытого плацдарма.
Смотрел в бинокль, высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью спортивной...
Был берег тот не берег, а рубеж,
Простор полей – простор оперативный...
Уже мосты – объекты переправ,
Для гусениц, колёс, бегущих ног ли...
Мир черепиц, садов, соборных глав, –
Всё чётко, близко замерло в бинокле.
Мы спали. И дышалось так легко.
И ни одна душа из нас не знала,
Что за рекой – совсем недалеко –
Уже война к прыжку ждала сигнала.

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 35;
эта же редакция в сборнике «Благодарю,
благодарю...», 1995 г., с. 11)*

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:

Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!

Не раз Россия в будущие годы

Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 19; эта же редакция в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 31)

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!
Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 26; эта же редакция в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 33, только изменилась самая первая строчка: «Когда земля озеленится маем...»)

СОЛДАТ С РЕБЁНКОМ

Н. И. Масалову

В огненной горячей круговерти,
В неумолчном грохоте атак
Девочку немецкую от смерти
Спас в Берлине наш герой-земляк...
Там бойца, прошедшего сквозь пламя,
В ореоле славных ратных дел,
Скульптор вдохновенными руками
В бронзе навсегда запечатлел.
Много вёсен, солнечных и ярких,
Отражённых в отблесках меча,
Он стоит в Берлине, в Трептов-парке,
С девочкой спасённой у плеча.
Он стоит на фоне ясной сини,
Как предупреждение всем врагам,
Величавым символом России,
Что метнула свастику к ногам.
Он стоит, красивый и могучий,
И следит за тучами вдали...
Сколько стран от свастики паучьей
Мы, как эту девочку, спасли!..
Пусть того солдата не тревожат
Те, кому всё в мире нипочём.
Меч опущен. Но подняться может,
Если снова к нам придут с мечом!

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 38)

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Она не знала громких фраз,
Но в дымной огненной метели –
Мы это видели – не раз
Была доказана на деле...
Запомнил я воздушный бой.
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той – немецкой – стороной
Гудело небо басовито.
А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулемётных строчек нити.
Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в круженье лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик прыгнул с парашютом.
Сейчас подскочит «мессершмитт»,
Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...
Но тут же друга самолёт,
В крутой стремительности воя,

На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!
Пройдёт еще минуты две –
Никто его уже не скосит:
Ведь белый купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!
Уж видит лётчик колею,
И рожь, и луг, и дым над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Всё ходит в небе – круг за кругом.
...И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Как мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды.
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной –
Делом!

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 117)

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Запомнил я воздушный бой.

От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той – немецкой – стороной
Гудело небо басовито.
А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулемётных строчек нити.
Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в круженье лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик прыгнул с парашютом.

Сейчас, как хищник, «мессершмитт»

Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...

Но тут же друга самолёт,

В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!
Пройдёт еще минуты две –
Никто его уже не скосит:
Ведь белый купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!
Уж видит лётчик колею,
И рожь, и луг, и дым над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Всё ходит в небе – круг за кругом.

...И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Как мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды.
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной –
Делом!

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с.19.
В этой новой редакции уже нет первого
четверостишия: «Она не знала громких фраз...»)*

***

Я видел раз воздушный бой.
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той – немецкой – стороной
Гудело небо басовито.
Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в круженье лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик прыгнул с парашютом.
Сейчас, как хищник, «мессершмитт»
Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал живой мишенью...
Но вижу: друга самолёт,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!
Прошла минута, может, две –
Теперь фашист его не скосит:
Широкий купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!
Всё ниже, к нам на колею,
Где мы лежим, где чад над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Всё ходит в небе – круг за кругом.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с.61. В этой редакции не только изменилось несколько строчек, но и «ушло» два последних четверостишия, а второе в сокращённом и изменённом виде «легло» в завершающее это стихотворение четверостишие. В последующие сборники: «Перепёлка», 1988 г., с. 56, «Времени река», 1991, с.45 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 14 вошла уже эта – окончательная – редакция)

***

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю:
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь простреленному полю...
Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Дорого навек то время мне,
Потому что молод был тогда я.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 60)

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю:
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь простреленному полю...
Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Дорого навек то время мне,
Потому ль, что молод был тогда я?..

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 110;
эта же редакция и в сборнике «Благодарю,
благодарю...», 1995 г., с. 17)*

УРОКИ ВОЙНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.
Учила каждою минутой,
Секундой каждой дорожить.
В любом – большом и малом – деле
Всё исполнять учила в срок,
Хоть твои силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...
Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда,
Но жить нам – с полною нагрузкой
И в будни мирного труда.
Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: – Устал, не смог...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 29)

УРОКИ ВОЙНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить.
Учила каждою минутой,
Секундой каждой дорожить.
В любом – большом и малом – деле
Всё исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...
Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда,
Но жить нам – с полною нагрузкой
И в будни мирного труда.
Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: – Устал, не смог...

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 65;
в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 78,
стихотворение даётся в этой же редакции)*

ВОСПОМИНАНИЕ

Недвижны орудья и траки,
Безмолвен исходный рубеж...
И слышно острее до атаки,
Как воздух предутренний свеж.
Снята маскировка с лафета.
И ждёшь среди глухой тишины:
Сейчас её вспорет ракета –
Зловещая птица войны.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 13. Редакция текста осталась неизменной в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 51 и «Вечерние огни», 1989 г., с. 49, только вместо названия появились «звёздочки»)

***

Случайно в мемуарах генерала
Прочёл и вздрогнул: «Зайцева гора!»
Ведь наша часть её атаковала...
Всё вспомнил я. Всё было, как вчера.
Поляну мокрым снегом укрывало,
А там, в селе, на взгорье, немчура.
Бил пулемёт. Свинцом нас поливало.
Бежали и кричали мы: – Ура-а!
Стучало сердце. Гром его ударов –
В висках. И вдруг – всё тело обожгло.
Померк вдали багровый дым пожаров.
День снегопадом чёрным замело...

Я лишь сейчас узнал из мемуаров:
Под вечер наши заняли село!

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 26; эта же – неизменная – редакция и в последующих сборниках: «Вечерние огни», 1989 г., с. 63, «Времени река», 1991 г., с. 77 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 18)

***

Один почёт всем, бурей опалённым.
Народ в расчёт и тех солдат берёт,
Кто в самом малом пункте населённом
К большой Победе сделал шаг вперёд.
Друг фронтовой! Не дали нам раненья
Среди берлинских воевать руин,
А всё ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 72)

***

Друг фронтовой! Не дали нам раненья
Среди берлинских воевать руин,
А всё ж в душе такое ощущение,
Как будто тоже брали мы Берлин.
Да, счастье – быть причастным к миллионам,
Народ в расчёт и тех солдат берёт,
Кто в самом малом пункте населённом
К большой Победе сделал шаг вперёд.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 64)

***

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый...
Был первый день войны. И первый он,
Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.
Поздней я видел многих вечный сон,
А этот – всех живее в страшной были.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 16;
в этой же редакции – в сборнике «Лето»,
1981 г., с. 54)*

***

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый...

Был первый день войны. И первый он,
Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 41; в этой же редакции – без 3-й и 4-й строчек во втором четверостишии – стихотворение напечатано в двух последующих сборниках: «Вечерние огни», 1989 г., с. 41 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 15)

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Миролюбивые мы люди.
Нам дорог каждый мирный час.
В чехлах у нас стволы орудий.
Снаряды в ящиках у нас.
Нет, наша мощь – не для показа.
И просто так, средь бела дня
Ни по кому ещё ни разу
Не открывали мы огня.
Нигде колёса наших пушек
Не подминали детских тел.
Над кровлей мирных деревушек
Нигде снаряд наш не свистел.
Ещё ни разу не бывало,
Известно каждому из нас,
Чтоб на кого-нибудь напала
Россия наша в мирный час.
Но кто в наш дом с мечом ворвётся –
Не поздоровится тому.
Мы – от бойца до полководца –
Верны народу своему.
Так Бонапарт бежал бесславно
От храбрых русских пушкарей.
Так было с Гитлером недавно.
Его судьба ещё страшней.
Во имя мира, жизни ради
Мы посылали свой металл
На тех, кто в нашем Сталинграде
Дома и школы разрушал.
Мы под Москвою были люты,
Из пушек били для того,
Чтобы звучали в ней салюты,
Как нашей правды торжество.
Огонь под Курском был неистов.
Разила недругов шрапнель,
Чтобы для нас – не для фашистов –

Там соловьёв звенела трель.
Мы говорили: Не позволим
Вот здесь хозяйничать врагу,
Распоряжаться русским полем,
Жить на советском берегу!
Всё – наше. Кровное, родное...
Снаряд ложился на ладонь
И снова в грохоте и вое
Комбат кричал: Огонь! Огонь!...
Дошли с победой мы до Шпрее
Под гул советских батарей,
Круша окопы и траншеи
С мечтой о счастье мирных дней.
Не смерть немецкому народу
Гром наших пушек нёс тогда,
А избавленье и свободу
Вперёд на долгие года...
Одну дорогу в жизни выбрав –
Дорогу мира, мы, меж тем,
Храним орудья всех калибров,
Всех новых марок и систем.
Но знают все простые люди:
Нам дорог каждый мирный час,
В чехлах у нас стволы орудий,
Снаряды в ящиках у нас.
1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 57)

ОТКЛИКНИТЕСЬ!

Эвакуаций спешных суетня,
Внезапные налёты и бомбёжки...
С багровой ночи, чёрного ли дня
Разъединились родичей дорожки.
Кто возле моря, кто в краях степных.
Не навсегда ли кровная утрата?
Идут донныне поиски родных:
«Ищу сестру», «Ищу отца и брата».

*(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 14. В сборнике «»Вечерние
огни», 1989 г., с. 42 «звёздочки» заменили название, а во второй строчке
второго четверостишия в конце появилось многоточие)*

ПЕСНЯ ГЕРОЯ

Памяти воина-сибиряка Б. Богаткова

Священной памяти достоин
Погибший с песнею в бою!
Он был поэтом, этот воин,
Над чьей могилой я стою.
...Навстречу смерть огнём хлестала.
Огонь отрезал все пути,
И в смерче жаркого металла,
Казалось, выло: – Не пройти!..
К земле на миг стрелки прижаты.
О, как мила земля! Но вот
Он встал: «Вперёд! За мной, ребята!»
И вдруг запел. И поднял взвод.
Пусть сам поэт упал сражённый,
Горячей песни не допев,
Но смял фашистские заслоны
Его друзей великий гнев!
На отвоёванной высоте
Лежит солдат в земле родной.
Он за неё в бою коротком
Погиб, как истинный герой.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 16)

НИЧЕЙНАЯ ПОЛОСА

Поле между нами и фашистами
Стало вдруг ничейной полосой...
Поле с незабудками душистыми
Утром пахло свежестью, росой...
Снова нам и тропами, и пашнями
Гнать врага, что в роще у реки,
Чтобы не ничейными, а нашими
Стали незабудок островки!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 15)

НАША ВЕРА

*К. Л. Волошиной, матери
прославленной партизанки*

...Я знаю, Клавдия Лукьяновна,
Как трудно вам, приблизив даль,
Переживать всё это заново –
Былую радость и печаль.
Да, было радостью великою
В кровати дочку пеленать,
Позднее с тёплой улыбкою
С порога в школу провожать;
Чтоб полюбила землю русскую,
Бродить в полях привольных с ней –

С резвухой, ласковой Веруською,
Родной, единственной своей.
Судьбу счастливую без вымысла
Пророчить маленькой в мечтах;
Увидеть вдруг, что дочка выросла,
Невестой стала на глазах...
Как было радостно и весело!
И вот нагрянула война.
Тяжёлой тучей занавесила
Зарю июньскую она.
Горят московские предместия.
Грохочут пушки день и ночь...
Страшнее страшного – известие,
Что смертью храбрых пала дочь.
Совсем не думая прославиться,
За счастье Родины в бою
Русоволосая красавица
Сложила голову свою...
Недаром почесть полной мерою
Мы ей доньне воздаём,
Как Зою, нежно «нашей Верою»
Землячку славную зовём.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 17)

НА УЛИЦЕ ГЕРОЯ

*Дважды Герою Советского Союза
Афанасию Шилину*

Ранний вечер огоньки зажёт.
Тихо-тихо падает снежок...
В многолюдном уличном потоке
То и дело слышен смех ребят.
Пусто в школе, кончились уроки,
Но домой ребята не спешат.
Застегнув пальтишки, как попало,
И закинув сумки за плечо,
Как и мы, друзья мои, бывало,
Расшумелись, спорят горячо.
Вспоминаю детство я другое.
Вот в такой же вечер, в снегопад,
Там, где нынче улица Героя,
Бегал мальчик много лет назад.
Озорной парнишка был, весёлый,
Подвинтив снегурочки-коньки,
Он любил вот так же, после школы,
Поиграть с ребятами в снежки.
Далеко от школьного порога
Распахнулся ясный горизонт!
Но неожиданно мирная дорога
Повернула к западу, на фронт.
В бой пошли вчерашние парнишки,
Хоть мечтали вовсе не о том.

Дым пожарищ... Огненные вспышки...
Свист снарядов... Орудийный гром...
О войне написано немало,
Лишь одно добавить я могу:
Сибиряк, простой и скромный малый,
Был грозой, страшен был врагу!
Был грозой – в потёртой гимнастёрке,
В сапогах растоптанных своих –
Русский парень, наш кузбасский Тёркин,
Рядовой из тысяч рядовых...
Заросли травой все окопы,
Над цветами мотыльки парят...
Он прошёл с боями пол-Европы,
На груди две звёздочки горят.
За большую преданность Отчизне,
За любовь к народу своему
В городе, где вырос он, при жизни
Монумент поставили ему.
Горняки частенько вспоминают
Земляка, собрата своего.
Улицу, где жил он, называют
Знаменитым именем его...
Говорят, что летнею порою
Далеко, на Северной Двине
Проплывает с именем Героя
Пароход, качаясь на волне.
Скрылись дети в уличном потоке.
Тихо-тихо падает снежок.
Это он, Герой, в тот год далёкий,
Их для светлой жизни уберёт.
Пусть идут по улице спокойно,
Слушая, как радио поёт!..
Ну, а если снова будут войны,
Снова враг внезапно нападёт, –
Не бывать тому, чтоб мы согнулись,
Нападать на нас – напрасный труд.
Есть у нас немало новых улиц,
Где герои новые растут!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 23)

***

Он был на фронте все четыре года
За много вёрст от дома своего.
Жена-солдатка в ящике комода
Хранила кепку старую его.
Когда тоска особенно сжимала,
Она, чтоб удержать себя от слёз,
Ту кепку доставала и вдыхала
Родимый запах пота и волос.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 57; см. также сборники «Времени река», 1991 г., с. 30 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 20)

СЛОВО ХЛЕБОРОБА

Когда разбойничьим налётом
Встревожил Гитлер наш рассвет,
Я был мальчишкой желторотым,
Мне было только восемь лет.
Отец молчит. А мать всё плачет.
Видать, обоим тяжело.
Я думал: «Что всё это значит?
Какое горе в дом вошло?»
Мужчин в селе не стало вскоре,
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.
И это горе в полной силе –
Хоть мир, как прежде, был хорош –
Мы, даже дети, ощутили,
Когда поспела в поле рожь.
В правленьё говор: – Жать пора бы...
– А жать-то некому почти.
– Лишь старики одни да бабы...
– Ох, нелегко дела вести!
Я огорчился, помню, очень,
Обидно было мне до слёз,
Что не могу ничем помочь им,
Что мал годами, не дорос.
А рожь-то, рожь – до горизонта.
Не видно края полосе...
– Для наших воинов, для фронта
Хлеб уберём! – решили все.
Нашлись дела и нам, ребятам, –
Колосья с поля убирать.
... Отец вернулся в сорок пятом.
Помолодела снова мать.
С тех пор, как Гитлера разбили,
Воды немало утекло.
Опять в колхозе – изобилье.
В садах, в огнях моё село.
Всё есть у нас. Живётся славно...
Мечтаем, учимся, творим.
Я комбайнёром стал недавно
И говорят, что неплохим.
Теперь и я хозяин в поле.
Тружусь со всеми наравне.
Доволен я! Но поневоле
Нет-нет и вспомню о войне.
Опять грозят нам «мёртвой хваткой».
Опять враги подняли вой.
Хотят, чтоб мать была солдаткой,
А может статься и вдовой.
Чтоб самолёты, а не птицы
Кружились в синей вышине;
Чтоб трассы пуль, а не зарницы

Сверкали в нашей стороне;
Чтоб не резвились наши дети,
А превратились бы в калек;
Чтоб всё, что любим мы на свете,
Под пеплом сгнуло навек.
Подумать лишь – враги мечтают
Союз Советский покорить!
Уж диверсантов обучают
По-русски «чай пить» говорить...
Нет! Не дадим мечте их дикой
Осуществиться никогда!
Мы все – от мала до велика –
На страже мирного труда.
1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с.62)

РАССКАЗ ХЛЕБОРОБА

Когда разбойничьим налётом
Встревожил Гитлер наш рассвет,
Я был мальчишкой желторотым,
Мне было только восемь лет.
Мужчин в селе не стало вскоре,
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.
И это горе в полной силе –
Хоть мир, как прежде, был хорош –
Мы, дети, тоже ощутили,
Когда поспела в поле рожь.
В правленье говор: – Жать пора бы...
– А жать-то некому почти.
– Лишь старики одни да бабы...
– Ох, нелегко дела вести!
Я огорчался, помню, очень,
Обидно было мне до слёз,
Что не могу ничем помочь им,
Что мал годами, не дорос.
А рожь-то, рожь до горизонта.
Не видно края полосе...
– Для наших воинов, для фронта
Хлеб уберём! – решили все.
Нашлись дела и нам, ребятам, –
Колосья с поля убирать.
... Отец вернулся в сорок пятом.
Помолодела снова мать.
Теперь и я хозяин в поле.
Тружусь со всеми наравне.
Доволен я! Но поневоле
Нет-нет и вспомню о войне.
Опять грозят нам «мёртвой хваткой».
Опять враги подняли вой.

Хотят, чтоб мать была солдаткой,
А может стать, и вдовой.
Чтоб самолёты, а не птицы
Кружились в синей вышине;
Чтоб трассы пуль, а не зарницы
Сверкали в нашей стороне;
Чтоб не резвились наши дети,
А превратились бы в калек;
Чтоб всё, что любим мы на свете,
Под пеплом сгнуло навек.
Нет! Не дадим мечте их дикой
Осуществиться. Никогда!
Мы все – от мала до велика –
На страже мирного труда.

(Из сборника «Моим друзьям», 1958 г., с. 28. Изменения очевидны: поменялось название стихотворения; убрано несколько четверостиший – 2-ое, 9-ое, 10-ое и 15-ое; даже пунктуация в нескольких предложениях изменилась)

СУВЕНИРЫ

На Эльбе это было, в сорок пятом.
Счастливые, забыв о боли ран,
Увидели друг друга два солдата,
Два парня из союзнических стран.
Коптил фашизм, отброшенный на свалку,
Стояли двое в пламени, в дыму...
Джон подарил Ивану зажигалку,
А тот – с пилотки звёздочку ему.
Победою венчая путь солдатский,
Как будто не Иван и Джон сошлись –
Россия и Америка по-братски
Во имя мира крепко обнялись.
...Прошли года. И в дни труда и мира
От встречи исторической вдали
Два скромных, два солдатских сувенира
Сегодня смысл особый обрели.
Был каждый унесён своей дорогой,
Куда владельцев мирный путь увлёк.
Но отчего-то давнею тревогой
Вдруг вспыхивает синий огонёк.
И зажигалку ту зажав в ладони,
В душе тревогу не гася свою,
Иван всё чаще думает о Джоне:
«А бережёт он звёздочку мою?..»

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 73; эта же редакция и в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 16)

СТАРЫЙ СОЛДАТ

(триптих)

1.

Прожгла ракета ближний лес –
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,
Откуда нёсся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
Перед глазами вырастали.
Вот кто-то вскрикнул в двух шагах,
А он лишь чувствовал с досадой,
Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задыхался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку вскидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.
Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозлённый,
Он, как бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир зелёный!..
И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа – бледного парнишку...
Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.
Он ничего не говорил.
Стёр капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымом выдохнул: – Работка!..

2.

Шёл день за днём. За боем – бой.
Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой –
Последнее, что в жизни видел...
Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечеряющей опушке.
Он был, казалось, невредим –
Ни крови рядом, ни воронки.
Снаряды фыркали над ним,
И пули чмокали в сторонке.
С руками накрест, на спине
Лежал солдат на снежном поле.
Лицо спокойно, как во сне,
В нём ни страдания, ни боли.

Но весь его спокойный вид
Как бы кричал глухой планете:
«Нет, я не умер! Я убит!
А мог бы долго жить на свете».

3.
А в этот миг, сбиваясь с ног, –
Ведь столько дел! – жена солдата
К столу подносит чугунок:
– Садитесь ужинать, ребята!
В окошко виден снежный рой.
Дремотен вечер, как усталость...
Одна картошка. Да и той
Немного в погребе осталось.
Такой у малых аппетит!
Пыхтят и губы обжигают.
Их мать в окно на снег глядит,
Молчит, украдкой вздыхает.
Любви и нежности полна,
Она невзгодам не сдаётся:
Вот скоро кончится война,
Домой кормилец их вернётся.
Прислал письмо. Десяток слов
О немцах, Гитлере-бандите,
И о себе – мол, жив-здоров,
Мол, к посевной с победой ждите...
И ждёт она весны большой,
Нетерпеливо дни считает.
...А где-то там, где грохот, вой,
В глазах кормильца снег не тает...

1965 г.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 16)

СТАРЫЙ СОЛДАТ

(триптих)

1.
Прожгла ракета ближний лес –
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,
Откуда нёсся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
На миг кустисто вырастали.
Вот кто-то вскрикнул в двух шагах,
А он лишь чувствовал с досадой,
Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задыхался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку скидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.

Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозлённый,
Он, как бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир зелёный!..
И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа – бледного парнишку...
Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.
Он ничего не говорил.
Стёр капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымом выдохнул: – Работка!..

2.

Шёл день за днём. За боем – бой.
Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой –
Последнее, что в жизни видел...
Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечеряющей опушке.
Он был, казалось, невредим –
Ни крови рядом, ни воронки.
Снаряды фыркали над ним,
И пули чмокали в сторонке.
С руками накрест, на спине
Лежал солдат на снежном поле.
Лицо спокойно, как во сне,
В нём ни страдания, ни боли.
Но весь его спокойный вид
Как бы кричал глухой планете:
«Нет, я не умер! Я убит!
А мог ещё бы жить на свете».

3.

А в этот миг, сбиваясь с ног, –
Ведь столько дел! – жена солдата
К столу подносит чугунок:
– Садитесь ужинать, ребята!
В окошко виден снежный рой.
Дремотен вечер, как усталость...
Одна картошка. Да и той
Немного в погребе осталось.
Такой у малых аппетит!
Пыхтят и губы обжигают.
Их мать в окно на снег глядит,
Молчит, украдкой вздыхает.
Любви и нежности полна,
Она невзгодам не сдаётся:

Вот скоро кончится война,
Домой кормилец их вернётся.
Прислал письмо. Десяток слов
О немцах, Гитлере-бандите,
И о себе – мол, жив-здоров,
Мол, к посевной с победой ждите...
И ждёт она весны большой,
Нетерпеливо дни считает.
...А где-то там, где грохот, вой,
В глазах солдата снег не тает...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 58)

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвой!
Не раз Россия в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 19)

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!
Не раз Россия в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 31. Исчезла лишь запятая в 3-ей строчке 2-го четверостишия)

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветёт лучистым маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков сужается всё круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.

Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!
Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 26. Изменилась первая строчка
последнего четверостишия, а исчезнувшая запятая вернулась на место)*

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля озеленится маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жёстко и упрямо,
Фронтовиков былых всё уже круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то –
Всё порастёт, как говорят, быльём,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не будут знать уж люди ни о ком?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика –
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,

Любой высотке – памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным –
Весной берёзам вспыхивать листвою!
Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы –
У пламени зелёного берёз.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 33)

НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ

Рубеж исходный – в двух шагах.
Сосредоточились у леса.
Смятенье чувств, и в них не страх,
А что-то вроде интереса.
Мелькнула мысль: вдруг жизнь твою
Затянет узел смертной петли?
Каким он будет – жутким, нет ли –
Тот переход к небытию?..

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 16)

НИКТО НЕ ЗНАЛ

Под вечер в первый день войны,
Когда сраженье стихло вроде,
Нам среди непрочной тишины
Казалось: силы – на исходе.
И на одно нас всех, бойцов,
Толкала страшная усталость –
Упасть и спать без всяких снов,
Покуда бой отхлынул малость.
Пусть враг коварен и силён,
Пусть спесь фашиста обуяла,
Всё ж уничтожен будет он,
Как на Руси не раз бывало!
Все знали это. Одного
Никто не знал – сама столица, –
Какой же срок со дня того
Война кровавая продлится.
Едва ль представить кто-то мог,
Что жизнь и труд такого рода,
Когда ты за день изнемог,
Протянется четыре года...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 9)

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, струится над землёй.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо над тобой...
Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.
Не страшны, мол, грозы фронтовые
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.
Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
Фронт – он фронт, не летняя гроза.
Как же так привыкнуть можно к смерти,
Если даже смотришь ей в глаза?
Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом метре ждёт.
Кажется, все пули и снаряды
Именно в тебя, в тебя летят...
Хорошо, что кто-то дышит рядом,
Незнакомый, но родной, как брат.
Вот опять от пушечного аха
По спине мурашки... Вот опять...
Всем несладко. Но сильнее страха
Чувство долга: надо воевать!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 29)

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, горит кругом земля.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо на тебя...
Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом метре ждёт.
Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.
Не страшны атаки лобовые
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.
Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
Фронт – он фронт, не летняя гроза.
Невозможно притерпеться к смерти,
Хоть всё время смотришь ей в глаза!
Кажется, все пули и снаряды
Именно в тебя, в тебя летят...
Хорошо, что кто-то дышит рядом,
Незнакомый, но родной, как брат.
Вот опять от пушечного аха
По спине мурашки... Вот опять...

Страшно всем. Ну, а сильнее страха

Чувство долга: надо воевать.

1969

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 14. Не только изменились некоторые слова, но и четверостишие «Смерть повсюду...», бывшее четвёртым, стало вторым)

НЕ ЗАБЫТЬ

Темнела ночь.
Холодная, глухая.
И вдруг, напомнив
Дальнюю грозу,
Нагрязнул «Юнкерс»,
Злобу изрыгая
И угрожая нам: –
Везу-у, везу-у...
Темь небосвода
Разрывая остро,
Нет, не людей он
Добрых в гости вёз...
Пора забыть бы это,
Да не просто –
Тревожен мир
От ядерных угроз.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 12)

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер – сказка наяву.
Воздух в блёстках, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей –
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.
Вижу счастье парочки влюблённой,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо.
– Ах, какая славная луна!
И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...
В темноте, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И – плохи дела.
Под луной мы все – как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..
Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землёй.

Верный друг влюблённых и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!
Пусть никто тебя не проклинает.
Пусть всегда, в любые времена
Чей-то голос тихо восклицает:
– Ах, какая славная луна!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 71)

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер – сказка наяву.
Воздух в блёстках, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей –
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней от фонарей.
В эту сказку зимнюю влюблённый,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо.
– Ах, какая славная луна!
И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...
В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И – плохи дела.
Под луной мы все – как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..
Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землёй.
Верный друг влюблённых и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!
Пусть никто тебя не проклинает.
Пусть всегда, в любые времена
Чей-то голос тихо восклицает:
– Ах, какая славная луна!

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 101. В этой же редакции стихотворение вошло в сборник «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 33. Только добавилось тире в 4-ю строчку 2-го четверостишия после слов: «...и чуть-чуть темней...»)

ЛУНА

В эту сказку зимнюю влюблённый,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумлённо:
– Ах, какая славная луна!
И с чего – не знаю, только снова
Вспомнил ночь далёкую одну...

В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали тихо мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И – плохи дела.
Под луной мы все – как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..
...И хотя, проделав путь неблизкий,
Жители обители земной
Побывали там, на лунном диске,
Он всё тот же – мирный и родной.
Пусть никто его не проклиняет.
Пусть всегда, в любые времена,
Чей-то голос тихо восклицает:
– Ах, какая славная луна!

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 65. Изменения – налицо. А вот «В тишине... проклинали тихо...», скорее всего, вольность московских издателей – ТАК Небогатов никогда бы не сказал!)

ПОХОРОНКИ

Редкий дом обошла похоронка –
Скорбный листик бумаги простой.
Дорогая, родная сторонка
Стала в годы войны сиротой.
Приглядись-ка вот к этому снимку,
И кого здесь узнаешь, ответь.
...Дядя Глеб с тётёй Клавой в обнимку!
Лишь за месяц, как ей овдоветь.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 14. В сборниках «Вечерние огни», 1989 г., с. 54, «Времени река», 1991 г., с. 27 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 18 редакция осталась прежней, лишь название заменено «звёздочками» и в последней строчке добавился восклицательный знак. Не надо забывать, что Михаила Александровича не стало 21 марта 1990 года, и книжки, вышедшие после скорбной даты, готовила к печати его вдова, Мария Ивановна Небогатова)

***

Она любовь другим дарила –
Был муж на фронте, так далёк.
– Война всё спишет! – говорила
В ответ на чей-нибудь упрёк.
И доставала спирт и сало
Ему, любовнику тех лет...
Война-то, может, и списала,
А вдовы всех погибших – нет.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 70)

***

Покидают тихо жизни праздник
Те, чьё имя: бывший фронтовик.
Самый молодой войны участник –
Сын полка – и тот уже старик...
Вот газета. Там, где про осадки,
Про театр и фильмы строчек строй,
Траурные рамки – как оградки
Над могилой, над землёй сырой...

*(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 23. Эта же редакция и в
сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 111)*

ДНЕВНИК

Когда в Россию вал войны проник,
Немецкий генштабист – педант он строгий! –
Всё чаще, чаще заносил в дневник:
«Нет продвиженья». «Трудные дороги»...
Похожи эти записи на крик
Душевного отчаянья, тревоги.
Надеялись фашисты на блицкриг –
Не тут-то было: протянули ноги...
Затем опять цепочка грустных строк:
«Войска упали духом – злые зимы...»
Да, истинно, в Россию, на восток,
Дороги для врагов непроходимы.
Но суть отнюдь не в трудности дорог,
А в том, что люди здесь непобедимы!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 19)

ВОДА

Как хороша вода бывает в зной
Из родника, из речки, из-под крана!
Казалось, мелочь, но ничуть не странно,
Что в ней – частица радости земной...
И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из чёрной лужи.
Что может быть на взгляд обычный хуже?
Но помню: сладкой та вода была.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 17)

***

Как хороша вода бывает в зной
Из родника лесного, из-под крана!
Как будто мелочь, но ничуть не странно,
Что в ней – частица радости земной...
И то надолго память сберегла,
Как раненый я пил из чёрной лужи.

Что может быть на взгляд обычный хуже?

Но помню: лужа сладкою была.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 30)

ПУЛЯ

Едва рванулись мы за лог,
Деревне маленькой навстречу,
Вдруг – пулемёт. Наш взвод залёг...
И слышу – дёрнуло за плечи.
Но тут же громкое «Ура-а!»
И вновь вперёд, что духу было,
Туда, откуда немчура
Очередями густо била.
Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
Пока весь гнев, весь пыл не вылит!
...Потом я вещмешок свой снял –
В нём котелок пробит навывлет.
Сидел я в занятой избе,
Разгорячённый и усталый.
И стало вдруг не по себе
От краткой мысли запоздалой:
Уже я был бы неживой,
Чуть-чуть пониже пуля брызни –
Она прошла над головой
Всего на полвершка от жизни...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 18)

ПУЛЯ

Едва рванулись мы за лог,
Деревне маленькой навстречу,
Вдруг – пулемёт. Наш взвод залёг...
И слышу – дёрнуло за плечи.
Но тут же громкое «Ура-а!»
И вновь вперёд, что духу было,
Туда, откуда немчура
Очередями густо била.
Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
Покуда с ног не сбит, спеша ты!
...Потом я вещмешок свой снял –
В нём котелок, насквозь прошитый.
Сидел я в занятой избе,
Разгорячённый и усталый.
И стало вдруг не по себе
От краткой мысли запоздалой:
Уже я был бы неживой,
Чуть-чуть пониже пуля брызни –
Она прошла над головой
Всего на полвершка от жизни...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с.52)

***

Едва рванулись мы за лог,
Деревне маленькой навстречу,
Вдруг – пулемёт. Наш взвод залёг...
И слышу – дёрнуло за плечи.
Но тут же громкое «ура-а!»
И вновь вперёд, что духу было,
Туда, откуда немчура
Очередями густо била.
Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
Покуда с ног не сбит, спеши ты!
... Потом я вещмешок свой снял –
В нём котелок, с боков прошитый.
Сидел я в занятой избе,
Разгорячённый и усталый.
И стало вдруг не по себе
От краткой мысли запоздалой:
Уже я был бы неживой,
Чуть-чуть пониже пуля брызги –
Она прошла над головой
Всего на полвершка от жизни...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 51; эта же редакция в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 28 – без названия и со словом «ура-а!» с маленькой [строчной] буквы)

В ГОСПИТАЛЕ

Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми.
Глаза откроешь: в окнах – стены гор,
Как мачты, сосны в утренней истоме.
Внизу Куры с камнями вечный спор.
В палате белой, будто в отчем доме,
Покой и свет. И тихий разговор.
Вдруг гром моторный. И при этом гrome
Под койку лезет сумрачный майор.
Ему бомбёжек чудятся раскаты.
Он весь изранен и контужен был.
Никто не скажет: мол, зачем, куда ты?
В нём ужас, страх доньне не остыл...
На нас не гимнастёрки, а халаты,
Но как поверить: здесь не фронт, а тыл?

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 20)

СОНЕТ

Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми.
Глаза откроешь: в окнах – стены гор...
Как мачты, сосны в утренней истоме.
Внизу – Кура, кизилковый узор.
В палате белой, будто в отчем доме,
Покой и свет. И тихий разговор...

Гром самолётный. И при этом громе
Под койку лезет сумрачный майор.
Ему бомбёжек чудятся раскаты.
Он весь изранен и контужен был.
Никто не скажет: мол, зачем, куда ты?
В нём ужас тот донине не остыл...
На нас не гимнастёрки, а халаты,
Но как поверить: здесь – не фронт, а тыл?..

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 58;
эта же редакция в сборнике «Времени река»,
1991 г., с. 13)*

В ГОСПИТАЛЕ

Забуду ль я когда-нибудь,
Когда пройдёт в душе невзгода,
Про весь бредовый, сложный путь,
Какой прошёл я за два года?
Теперь, пока грозы уж нет,
Пока опасность миновала,
Я удивляюсь, что не сед,
Что юность восторжествовала.
Всё это сон. Не может быть,
Чтоб эти руки убивали!
Они ль, когда я мог любить,
Так нежно девушку ласкали?
Да, это сон. Тяжёлый сон.
Он полон страшного кошмара.
Когда я буду разбужён,
Когда очнусь я от удара?
Смогу ли я ещё любить,
Жалеть и плакать, так, как прежде,
Весёлым быть, мечтать и жить,
Вверяясь счастью и надежде?
Не знаю. Но пока судьбой
Я точно предан злomu змею:
Смеюсь над всеми и собой,
Но прежним быть ещё не смею.
1943 г.
Публикация М. Небогатовой.

(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 23)

ПОДМОСКОВЬЕ, 1942

Безлюдный посёлок, разрушенный в прах,
В морозном мерцанье восхода
Фашисты, которых преследовал страх,
Оставили после отхода.
Всё в белом сверкании солнечных брызг,
Как в мёртвых лучах киносъёмки –
Орудья и танки, разбитые вдрызг,
И труб, и заборов обломки.

Верней, не орудья, о контуры их,
Не танки, а их очертанья
В наносах, в холмистых сугробах крутых,
Как белый погост мироздания...
Звучали, как выстрелы, скрипы шагов.
И слышал я – верьте не верьте –
Не просто дыханье холодных снегов, –
Дыханье холодное смерти.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 20. Эта же редакция и в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 62, только уже без последнего четверостишия)

***

...Были бомбы, сыпалась щебёнка,
И в обломках где-то под стеной
Замирал предсмертный крик ребёнка...
До сих пор звучит в тиши ночной.
А забыть ли старца близ дороги,
Как, вокруг не видя ничего,
Всё стонал он: – Ноги мои, ноги...
Оторвало ноги у него.
...Защитить от памяти нас нечем.
Но не всё убить смогла война.
Пусть тела отмечены увечьем –
Добротой, теплом душа полна.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 21)

ТЕАТР ВОЙНЫ

Прифронтовая полоса.
Пусты домов глазницы.
Стал сизым пеплом клин овса
И рядом – клин пшеницы.
А вот – обуглена изба.
В чаду листва акаций.
Театр войны. Дома, хлеба –
Мертвее декораций.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 21).

***

Прифронтовая полоса.
Пусты домов глазницы.
Стал сизым пеплом клин овса,
Стал серым клин пшеницы.
А вот – обуглена изба.
В чаду листва акаций.
Театр войны. Дома, хлеба –
Мертвее декораций.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 56)

ТАНКИ

Когда, бывало, в обороне
Нам не хватало больше сил,
И жизнь, и смерть – в одном патроне,
А враг атакою грозил,
Не знали мы минуты краше –
Услышать сзади слитный гром.
– Ребята, танки! Танки наши
Вон показались над бугром!
Навстречу им снаряды выли,
Но танки шли, огнём слепя.
Всё сокрушали, всё давили,
Всё подминали под себя!
..И я сегодня рад безмерно.
В прищуре нынешнего дня
Открою вдруг: «На них, наверно,
Была кузнецкая броня!»

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 24)

ТАНКИ

Когда, бывало, в обороне
Нам не хватало больше сил,
И жизнь, и смерть – в одном патроне,
А враг атакою грозил,
Не знали мы минуты краше –
Услышать сзади слитный гром.
– Ребята, танки! Танки наши!
Вон показались над бугром! –
Навстречу им снаряды выли,
Но танки шли, огнём слепя.
Всё сокрушали, всё давили,
Всё подминали под себя!
И были рады мы безмерно.
В траву окурок оброня,
Я думал гордо: «Есть, наверно,
На них кузнецкая броня!»

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 66)

ПОСЛЕ БОЯ

За селом,
Где гитлеровцы драпали,
Где снега от гусениц визжат,
Два солдата –
Наш и немец – на поле,
Кончив рукопашную, лежат...
Смотрят в небо,
Мёртвые, безгласные,
Бившиеся насмерть за село,

Лишь теперь по-мирному согласные,
Что война – ужаснейшее зло...

*(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г.,
с. 61; «Времени река», 1995 г., с. 28)*

***

Ещё когда босые по ромашке
Мы бегали, мне нравилось встречать
Военных – в портупее и фуражке,
Умевших в ногу весело шагать.
Смотрел с восторгом я на скатки, фляжки,
На боевую выправку и стать.
А запоют – уж по спине мурашки.
О, как хотелось мне военным стать!
Не ведал я, не представлял в натуре,
Что корень слова этого – «война».
Как тяжёлый ратный труд в военной буре,
Узнал, когда нагрелась она.
На собственной, как говорится, шкуре
Я испытал мечту свою сполна.

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 8;
эта же редакция – в сборнике «Благодарю,
благодарю...», 1995 г., с. 19)*

ПУТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ ПОСТЫЛ...

Ох, как путь отступления постыл!
На восток от границы от самой
Отправляют нас временно в тыл,
Всех, недавно расставшихся с мамой.
И пылит, и пылит грузовик
Среди поля от зноя седого.
Командир, лейтенант-кадровик,
Не таит нетерпения злого:
– Как же так?.. Ведь с Россией беда!
Неужель, как овечки, мы кротки?
Для чего ж нам винтовки тогда?
Зря мы, что ли, надели пилотки?..
От загара, от злости пунцов,
Он из кузова смотрит в тревоге
На усталых, небритых бойцов,
Что у борта идут по дороге.
Он забыл, что у нас, у ребят,
Должен дух поднимать...
– Это что же? –
И ремни на нём гневно скрипят.
– Это просто на бегство похоже!
А в ответ – не ему одному! –
Небо глухо моторами стонет...
– Не пойму. Ничего не пойму.

Гонит немец! И гонит, и гонит!
Гул всё ближе. Мы в небо глядим:
Бомбовозы. Тяжёлая стая.
Мимо. Курсом особым, своим.
Не бомбят, будто нас презирая...
– Ладно. Встретиться б только в бою... –
Незажжённую смял папироску.
– Отведу ещё душу свою.
Поиспорчу фашисту причёску!
В ритме будничных, праздничных дел
Как же верить мне хочется ныне,
Что в боях лейтенант уцелел,
Побывал, может статья, в Берлине.
Что сполна в сорок пятом году
Наглой спеси фашистского сброда
Сам воздал он за нашу беду –
За июнь сорок первого года.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 11; в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 43 название заменено «звёздочками» и изменено две строчки: «Иль забыл, что у нас, у ребят,/ Должен дух поднимать?..»)

МАМАЕВ КУРГАН

Сюда через годы к подножью кургана
Посланцами нашей сибирской земли
Приехали в гости войны ветераны
И саженцы кедров с собой привезли...
Стоят ветераны, молчат, вспоминают,
Как здесь воевали в далёкие дни.
Молчат ветераны, лишь горько вздыхают:
Погибших друзей вспоминают они...
С кургана Мамаева видятся близко
Кремлёвские звёзды и улочки сёл.
Сибирские кедровые – как строй обелисков,
Как память о тех, кто с войны не пришёл.
Уж целую вечность мы с ними в разлуке.
Они – возле Волги, у малых ли рек...
Пускай же солдатские дети и внуки
Военного дыма не видят вовек!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1976 г., с. 25)

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, струится над землёй.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо над тобой...
Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.
Не страшны, мол, грозы фронтовые
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.

Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
Фронт – он фронт, не летняя гроза.
Как же так привыкнуть можно к смерти,
Если даже смотришь ей в глаза?
Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом метре ждёт.
Кажется, все пули, все снаряды
Именно в тебя, в тебя летят...
Хорошо, что кто-то дышит рядом,
Незнакомый, но родной, как брат.
Вот опять от пушечного аха
По спине мурашки... Вот опять...
Всем несладко. Но сильнее страха
Чувство долга: надо воевать!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 29)

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце – высоко над головою.
Зной плывёт, горит кругом земля.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо на тебя...
Смерть повсюду – в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвёт,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле –
Смерть тебя на каждом метре ждёт.
Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.
Не страшны атаки лобовые
Тем, кто в бой идёт не в первый раз.
Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
Фронт – он фронт, не летняя гроза.
Невозможно притерпеться к смерти,
Хоть всё время смотришь ей в глаза!
Кажется, все пули, все снаряды
Именно в тебя, в тебя летят...
Хорошо, что кто-то дышит рядом,
Незнакомый, но родной, как брат.
Вот опять от пушечного аха
По спине мурашки... Вот опять...
Страшно всем. Ну, а сильнее страха
Чувство долга: надо воевать.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 14)

***

Он с фотокарточки смеётся,
Такой счастливый, молодой...
А в поле, где позёмка вьётся,
Над ним – лишь столбик со звездой.
И ничего здесь не поправить...

Он был ровесником моим.
Но не могу никак представить
Его и старым, и седым.
Глядеть на снимок – сердцу больно,
В нём острой горечи комок.
И вопреки всему невольно
С губ так и просится: – Сынок...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 7)

***

Каждый день встречаемся мы с ними
Всюду и везде, где жизнь шумит,
С этими людьми немолодыми,
Часто неприметными на вид...

Вот идёт в толпе с тобою рядом
Пожилой, сутулый гражданин.
А ведь он в бою под Сталинградом
Роту немцев сдерживал один!
Вот седой, с рассеченною бровью,
Открывает дверцы нам шофёр.
А когда-то в снежном Подмоскovie
Он крушил эсэсовцев в упор!
А вот тот, с ногой скрипящей странно,
«Юнкерса» таранил под Орлом!..
Всем вам, боевые ветераны,
Мы поклон свой низкий отдаём.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 28)

НА ПРИВАЛЕ

О, сладкое слово команды: «Привал!»
На снег – и готово, и в сон наповал.
Но это другие. Но это не я.
В минуты такие мне нет забытья.
Смыкаю упрямо глаза. Ни к чему!
Мне видится мама в родимом дому.
Её полушалка вдыхаю тепло...
Себя мне не жалко. Пусть мне тяжело.
Ведь я же со взводом и с ротой родной.
А ей какво там, старушке, одной?
Мучительно снова представить свой дом...
О, сладкое слово команды: «Подъём!»

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 17; без названия, под «звёздочками», это же стихотворение – в сборниках: «Лето», 1981 г., с. 57; «Перепёлка», 1988 г., с. 54 и «Вечерние огни», 1989 г., с. 46. Текст не изменился, лишь кое-где появились тире, например: «...и в сон – наповал...», «... какво там – старушке, одной?»)

***

Легко на воле дышится,
Не воздух – сладкий сок.
Вдруг «папа, папа!» слышится
Родной мне голосок.
В цветах – панамка белая.
Дыханье затая,
Глядит вокруг, несмелая,
Светлана, дочь моя.
Наверно, очень жуткими
Ей кажутся кусты.
Синеют незабудками
Глазёнки: «где же ты?»
– Ау! – кричу шутливо я.
Увидела меня!
Бежит ко мне, счастливая,
Забавно семеня...
И в памяти жестокая
Картина ожила...
Такая ж синеокая
Та девочка была.
На поле распростёртая,
В таких же вот цветах,
Она лежала – мёртвая –
С игрушкою в руках.
А птица с чёрной свастикой
Над ней, звеня, вилась.
Светланой или Настенькой
Та девочка звалась?..
Мы помним все лишения...
И горе тем врагам,
Кто новые сражения
Готовит нынче нам!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 93; эта же редакция в сборнике «Мои землякам», 1958 г., с. 74)

***

Легко на воле дышится,
Не воздух – сладкий сок.
Вдруг – «Папа, папа!» – слышится
Родной мне голосок.
В цветах – панамка белая.
Дыханье затая,
Глядит вокруг, несмелая,
Светлана, дочь моя.
Наверно, очень жуткими
Ей кажутся кусты.
Синеют незабудками
Глазёнки: «Где же ты?»
– Ау! – кричу шутливо я.
Увидела меня!

Бежит ко мне, счастливая,
Забавно семеня...
А в памяти жестокая
Картина ожила...
Такая ж синеокая
Та девочка была.
На поле распростёртая,
В таких же вот цветах,
Она лежала – мёртвая –
С игрушкой в руках.
Светилось небо ласково,
Как в этой тишине.
Лишь птица с чёрной свастикой
Кружила в вышине.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 22; в этой, последней, редакции стихотворение опубликовано и в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 22. Изменения не только в некоторых знаках препинания, но и в том, что два последних четверостишия из первоначального варианта стихотворения «ушли». Их место заняло одно четверостишие, в котором, по-прежнему, есть «птица с чёрной свастикой»)

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
Хозяйка молодая...
Прилёт, усталый,
В угол на шинель.
Подушку взял,
Обидеть не желая,
Не отказался (роскошь!)
Брать постель.
Не спят, вздыхают оба
До рассвета,
Она в кровати,
Он – в своём углу.
С ней рядом муж,
Хоть на войне он где-то,
А с ним – жена,
Что ждёт его в тылу...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 55. К этому сборнику у Михаила Александровича было много претензий: около девяти лет лежал в Москве без движения; к тому же, слишком много опечаток, и не только грамматических, но и смысловых. Здесь это в строчке про постель – роскошь. У автора было: «...НО отказался (роскошь!) / брать постель...». Сделав лишь одну ошибку, исказили смысл, а ведь отказ постояльца – из чувства скромности, из нежелания лишний раз побеспокоить хозяйку...)

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
Хозяйка – молодая...
Прилёт, усталый,
В угол на шинель.
Подушку взял,
Обидеть не желая,
Но отказался (роскошь!)
Брать постель.
Не спят, вздыхают оба
До рассвета,
Она – в кровати,
Он – в своём углу.
С ней рядом муж,
Хоть он на фронте где-то,
А с ним – жена,
Что ждёт его в тылу...

(В этом варианте стихотворение вошло в сборники «Вечерние огни», 1989 г., с. 45; «Времени река», 1995 г., с. 29 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 21)

ЛЕТО 1941-ГО

Целый день по жаре отступая,
Мы в посёлок под вечер пришли.
В мыслях, в теле усталость такая!
Здесь ночуем, от немца вдали.
Благо, здание клуба пустое.
Миг – вповалку на голом полу,
Будто где-то на долгом постое,
Будто где-то в глубоком тылу.
Но тотчас донесенье разведки,
Приказание: – Дальше идти!
Догоняют нас вражьи танкетки.
Километрах уже в десяти.
Как так вышло – враги на колёсах,
Мы же всё – на своих на двоих?..
Вновь отходим. И в наших вопросах –
Горечь, боль без ответа на них...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 40)

ПРИЗЫВНИКИ

Апрель сорок первого года.
Тепло проводила родня.
Иная земля и погода,
Иные друзья у меня.
Нас мчал эшелон из Сибири.
И хлопцы с рассветной зари
На горы, привольные шири

Смотрели, толпясь у двери.
В одежде пока ещё штатской,
Но в чём-то армейцы уже,
Мы к будущей жизни солдатской
Все были готовы в душе...
Сперва, до предгорий Урала –
Ложбинки местами в снегу,
А там уже в лето вступала
Весна на зелёном лугу.
Когда ж украинские хаты
Блеснули своей белизной,
Послышались грома раскаты,
Был дождь почти летний. И зной.
Нам вслед ребяташки махали
И женщины в лёгких платках.
Ни тени тоски и печали –
Улыбки цвели на губах...
Сияло апрельское солнце.
И думать не думалось мне,
Что мирный наш поезд несётся
Навстречу Великой войне...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 7)

***

Апрель сорок первого года.
Тепло проводила родня.
Иная земля и погода,
Иные друзья у меня.
Нас мчал эшелон из Сибири.
И парни с рассветной зари
На горы, привольные шири
Смотрели, толпясь у двери.
В одежде пока ещё штатской,
Но в чём-то армейцы уже,
Мы к будущей жизни солдатской
Все были готовы в душе...
Сперва, до предгорий Урала –
Ложбинки местами в снегу,
А там уже в лето вступала
Весна на зелёном лугу.
Когда ж украинские хаты
Блеснули своей белизной,
Послышались грома раскаты,
Был дождь почти летний. И зной.
Нам вслед ребяташки махали
И женщины в лёгких платках.
Ни тени тоски и печали –
Улыбки цвели на губах...
Сияло апрельское солнце.
И думать не думалось мне,

Что мирный наш поезд несётся
Навстречу Великой войне...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 47. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 10. Изменилась лишь пара строк и убрано название)

АПРЕЛЬ 1941-ГО

Апрель был солнечно-беспечным.
Шумел перрон, хмельной слегка.
С благословением извечным
Прильнула мать к плечу сына.
– Ну, что ты вдруг загоревала?
Я ж просто в армию иду...
Но сердце матери вещало
Ещё неясную беду.
Доныне вижу: слёзы льются,
В морщинках светятся они.
– Дай бог тебе живым вернуться.
Господь тебя оборони...
Но мне ничуть не до печали.
Лишь боль от скорбного лица.
А так – вся жизнь ещё в начале,
И нет ей, кажется, конца.
С чего живым-то не вернусь я?
Покою, миром жизнь красна.
И так безоблачно над Русью,
Такая ясная весна!
Я с мамой, с городом над Томью
Прощался весело, шутя.
Кто знал, что слёзы эти вспомню
Всего два месяца спустя...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 34. В этой же редакции стихотворение напечатано и в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 26, только сделано одно изменение: «морщинки» стали «морицинами»)

ЛЕТО, 1941

Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во мгле,
Лежишь под воздушным обстрелом, –
Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любым своим кратким мгновеньем.
Любым, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы,
И все, что прожиты, года –
Не зори, а только зарницы.

Так краток их издали блеск,
Мелькнули – не видно их боле.
А с неба – стремительный треск,
Он слит с ожиданием боли.
А может, не будет её,
Всё будет гораздо короче –
Кольнёт только сердце твоё
И весь ты – в бездонности ночи?
Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...
– Отбой! – Донесётся к тебе.
Приходишь в себя постепенно.
Колонна опять на ногах,
И «мессеров» как не бывало.
Всё стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.
И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною;
Что видишь далёкий закат,
Хоть он и замедлен войною.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 48)

ПАХАРЬ

Он помнит то давнее лето,
Что буйно цвело у окна.
Был громом в тиши сельсовета
Звонок телефонный: – Война!..
И в голос все бабы завыли,
Детишки испуганно – в крик...
А утром – лишь облако пыли,
Кормильцев увёз грузовик.
Не думал он, пахарь, когда-то
В своей полевой тишине,
Что в жёсткой шинели солдата
Пройдёт по великой войне.
Доныне всё видится-снится,
Как «тигры», один к одному,
Идут, подминая пшеницу,
Как будто идут по нему...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 59. Эта же редакция в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 27)

РОТНЫЙ

– Запевай! –
Но молчим мы. Усталость тупая.
– Стой! Налево! Ложись!
По-пластунски вперёд! –
И ползём, задыхаясь
И в рыхлом снегу утопя...

Что за чёрт командир!
На ученьях со света сживёт...
Зашагали опять.
– Запевай! –
И сдались мы – запели.
Был настойчив наш ротный.
Добиться умел своего...
Ну, а главное то,
Что в атаке спустя две недели
В рост идущим под пулями
Мы увидали его!
И потом лишь о нём
Разговору и было
Среди нас, уцелевших
Под острым огнём ножевым:
– Как там наш лейтенант?
Он живой ли? Его не убило?... –
Всем нам очень хотелось,
Чтоб ротный остался живым.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 50)

РОТНЫЙ

– Запевай! – Но молчим.
Злость на ротного в сердце тупая.
– Стой! Налево! Ложись!
По-пластунски вперёд! –
И ползём, задыхаясь
И в рыхлом снегу утопая...
Что за чёрт командир!
На ученьях со света сживёт...
Зашагали опять.
– Запевай! – И сдались мы – запели.
Был настойчив наш ротный –
Добиться умел своего.
Ну, а главное то,
Что в атаке спустя две недели
В рост идущим под пулями
Мы увидали его!
И потом лишь о нём
Разговору и было
Среди нас, уцелевших
Под острым огнём ножевым:
– Как там наш лейтенант?
Он живой ли? Его не убило?... –
Всем нам очень хотелось,
Чтоб ротный остался живым.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 37)

***

Могут посчитать, что ловим блох мы,
Говоря об этом в сотый раз:
У артистов – битловские лохмы,
А ведь фильм-то про войну,
Про нас.
Пусть играешь маленькую рольку,
Всё – до стрижки! – правдой быть должно.
«Полубокс» любили мы
И «польку»,
А не патлы эти, что в кино.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 71. Такая же редакция и в сборнике «Вечерние огни», 1989 г., с. 112, только в третьей строчке первого четверостишия слово «битловские» лохмы...)

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело.
И был рубеж немецкий взят...
Гигантской кузницей гремела
Окрестность эта час назад.
Железный лом кругом, воронки
И распростёртые тела...
Вновь с болью в сердце похоронки
Писать – есть писарю дела...
Был танк и тот не твёрже воска
Здесь, в круговерти огневой.
И вот где чудо-то:
Берёзка
Стоит с нетронутой листвой!
Стоит, как будто так и надо,
Спокойно новой ждёт поры.
И ни царапины, ни чада
На белизне её коры.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 53)

В НАСТУПЛЕНИИ

Мы наступали дружно, смело.
И был рубеж немецкий взят...
Гигантской кузницей гремела
Окрестность эта час назад.
Железный лом кругом, воронки
И распростёртые тела...
Вновь на кого-то похоронки
Писать – есть писарю дела...
Был танк – и тот не твёрже воска
Здесь, в круговерти огневой.
И вот где чудо-то: берёзка
Стоит с нетронутой листвой!
Стоит, как будто так и надо,
Какой-то новой ждёт поры.

И ни царапины, ни чада
На белизне её коры.
А в поле, всем ветрам открытом,
Всё дальше, дальше гром и гул...
Берёзка над бойцом убитым
Несёт почётный караул...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 53)

АККОРДЕОН

Памяти брата Григория

1

Детьми судьба их обделила.
А тут и старость в свой черёд...
И до чего же любо-мило,
Когда племянник вдруг зайдёт.
Вот и сегодня полной чашей
Его опять встречает стол.
– Ты по пути, наверно, Саша?
– Нет. Попроведывать пришёл.
Как жизнь-то?
– Лучше всех, пожалуй, –
Хозяин весело в ответ.
Живём, кряхтим, скрипим помалу.
Других у нас занятий нет. –
Но в грустноватом настроенье
Из-за стола поднялся он,
Взял и поставил на колени
Трофей войны – аккордеон.

2

И была торжественность в моменте:
Голову склонив, прикрыв глаза,
Слушал фронтовик, как в инструменте
Возникали жизни голоса.
Так уже бывало не впервые:
Забывал племянника, жену,
Помнил лишь дороги фронтовые,
Долгую, тяжёлую войну.
Помнил, как военным первым летом
Там, где не смолкал
И гром, и свист,
Был фашист –
Секрета в этом нету –
И силён, и весел, и форсист.
Как, столкнув бойцов
Под яр, в болотце,
Рядом, в нашем занятом селе,
Гоготали немцы у колодца,
От разбойных дел навеселе.
И всего больнее в той печали
Было для оставшихся в живых,

Как фашисты во дворах играли
На своих гармониках губных.
Раздражая, душу надрывая,
Будто наждаком её скребя,
Заливалась музыка чужая,
Точно где-то дома у себя.
Помнил, как всего одним снарядом,
Встав перед последнею межой,
С ненавистью бил по наглым гадам,
По занудной музыке чужой!
Вы хотели русских взять нахрапом?
Получайте!..
Взрыв – и тишина.
Словно им заткнули пасти кляпом –
Ни одна гармошка не слышна!
Но крепка была фашистов сила
В сорок первом.
Шла и шла вперёд.
Всё живое на пути косила.
Где он, орудийный твой расчёт?
Весь уложен...
Сам ты выжил чудом.
Эх, поля, чужие и свои!
Сколько не вернулось нас оттуда,
Сколько искромсали нас бои...
Да и ночи, месяцы и годы,
Вы тянулись медленной арбой.
Вы ползли, но Родины невзгоды
Оставляли в прошлом, за собой.
Вот уже в немецкое предместье
Наши танки врезались, пыля.
Вот уж наше русское возмездье –
Над тобой, германская земля!..
И однажды майским синим утром
Шустрый батарец Ерофей
Новенький, сверкавший перламутром,
Притащил комбату свой трофей.
Осторожно (очень бережливый)
Он открыл футляр, как чемодан.
– Посмотри, какой струмент красивый.
На, играй, товарищ капитан!.. –
И затишье краткое наруша,
Зазвенел мотив родной, простой:
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...
Вспомнились любимые мотивы:
Выплывают Разина челны...
Заиграли звуки-переливы
Про Иртыш, про плеск его волны...
А когда ударили салюты
В честь Победы – вспыхнули меха
Золотом. Счастливые минуты!
И была та музыка лиха!

Пели и ребята, и девчата.
Песня к солнцу,
К миру всех звала.
Пели: помирать нам рановато,
Дома есть у нас ещё дела!
Побросав на землю сумки, ранцы,
Зная точно: Гитлеру – капут,
Из союзных армий иностранцы
Слушали, как русские поют...

3

– Ну, всё. Небось вам надоело?
– Нет, дядя Гриша, ты – талант.
Не просто любишь это дело,
А настоящий музыкант!
– До музыкантов далеко мне.
Они, сам знаешь, на виду.
А я лишь так... Войну припомню,
Возьму – и душу отведу...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 61)

***

Ночью был об отходе приказ.
Мы в траншее с товарищем спали...
В темноте не заметили нас.
Не проснись мы – и всё бы, пропали.
Шли бесшумно, храня тишину.
Лишь в груди от простуды свистело.
Даже мысль – оказаться в плену –
Пробирала мурашками тело.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 38)

***

Призывники, мы так немного
Прожили мирно. Краткий срок...
Доныне слышу крик: «Тревога!»
В казарме – шум и топот ног.
Не понимая, что такое,
Поспешно спрыгивая с нар,
Увидел я в окно большое,
Как горизонт объял пожар.
А ближе, низко над домами,
Шёл самолёт, на вид – не наш:
Он и сейчас перед глазами –
Продолговатый фюзеляж.
Спросонок всё так незнакомо
И как-то странно всё кругом:
Со стороны аэродрома,
Чернея, дым вставал столбом...
Потом команда:

– В лес, в укрытье!..
Ещё никто не знал из нас,
Какое страшное событие
Случилось в тот рассветный час.
Но слился рокот самолётный
С догадкой: видно немец-гад
Прошёлся строчкой пулемётной
По нам, по лугу наугад!..
А в час, когда уже не слабо
Лучилась неба вышина,
В лес прибежал боец из штаба
И жарко выдохнул: – Война!

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 36)

***

Мы жили с весны на степном полигоне.
Курсантами были. И вот –
По звёздочке новой на каждом погоне.
У каждого должен быть взвод.
Осталась казарма с постом у порога,
Далёк её строгий уют.
Дорога, дорога... А в сердце тревога:
«Что будет там – ранят, убьют?»
Прорвались машины до нужной стоянки.
Затихли моторы. Слезай!
Выходит майор пожилой из землянки.
– Передний, товарищи, край.
Сказал так, наверно, одним озабочен,
Лишь глянув на нашу семью:
Мол, парни что надо, но молоды очень,
Не струсят ли в первом бою?
Вот начал знакомство. Беседы недолги.
Майор всё вниманье напруг.
Спросил он у друга:
– Откуда ты? – С Волги.
– А ты у меня? – Сибиряк?
Не думал он с нами вести проволочку.
– Тебе... – Помолчал офицер.
И твёрдо поставил последнюю точку:
– Дадим тебе взвод ПТР...
Не сразу дошло то и стало понятно,
Что дело совсем не во мне,
А в тех земляках моих, кто многократно
Прославил Сибирь на войне.
Сибирь! В этом гордом солдатском девизе
На честь и вниманье права.
О ратных победах сибирских дивизий
Гремела в то время молва.
И доблесть сибирская – явь, не поверье,
Тут лишнего нет ничего...

Спасибо, товарищ майор, за доверье!
Суметь оправдать бы его.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 59)

***

Мы жили с весны на степном полигоне.
Курсантами были. И вот –
По звёздочке новой на каждом погоне.
У каждого должен быть взвод.
Осталась казарма с постом у порога,
Далёк её строгий уют.
Дорога, дорога...
А в сердце тревога:
«Что будет там – ранят, убьют?»
Прорвались машины до нужной стоянки.
Затихли моторы. Слезай!
Выходит майор пожилой из землянки.
– Передний, товарищи, край. –
Сказал так, наверно – одним озабочен,
Лишь глянув на нашу семью:
Мол, парни что надо, но молоды очень,
Не струсят ли в первом бою?
Вот начал знакомство. Беседы недолги.
Майор всё вниманье накрепк.
Спросил он у друга:
– Откуда ты?
– С Волги.
– А ты? – у меня.
– Сибиряк. –
Задумчиво он португеею поправил.
– Тебе... – помолчал офицер.
И твёрдо последнюю точку поставил: –
Дадим тебе взвод ПТР... –
Не сразу слова его стали понятны,
Что дело совсем не во мне,
А в тех земляках моих,
Кто многократно
Прославил Сибирь на войне.

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 57. Эта же редакция в сборнике
«Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 13)*

***

На версту растянулась колонна.
В целом мире – лишь жгучая высь.
Нету сил. Но звучит непреклонно
Командирское: «Подтянись!»
Еле движемся мы по бурьяну,
И мне кажется, в этом логу
Упаду я сейчас и не встану,

Потому что уже не смогу.
Но, увидев вдали деревеньку –
Тополя да берёзки кругом, –
Начинаем трусить помаленьку,
Будто рядом родительский дом.
Яркой медью сверкая знакомо,
Тишину разбивая окрест,
Нас встречает у крайнего дома
Удивительным маршем оркестр.
Возле тына – наверно, солдатка.
Дальше люду – как в праздник какой.
И не обруч, а пёрышко – скатка.
И усталость – как будто рукой.
Будто не было дня перехода,
Будто только мы начали путь.
Боевая осанка у взвода,
Шаг уверенный, бравая грудь.
Мы и часу ещё не прошли бы,
Повалились бы в пыль головой,
Но воскресли от марша. Спасибо,
Наш товарищ, оркестр духовой!

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 55)

***

На версту растянулась колонна.
В целом мире – лишь жгучая высь.
Нет сил. Но звучит непреклонно
Командирское: «Подтянись!»
Еле движемся мы по бурьяну,
И мне кажется, в этом логу
Упаду я сейчас и не встану,
Потому что уже не смогу.
Но, увидев вдали деревеньку –
Тополя да берёзки кругом, –
Начинаем трусить помаленьку,
Будто рядом родительский дом.
Возле тына – наверно, солдатка.
Дальше люду – как в праздник какой.
И не обруч, а пёрышко – скатка.
И усталость – как будто рукой.
Будто не было дня перехода,
Будто только мы начали путь.
Боевая осанка у взвода,
Шаг уверенный, бравая грудь.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 55. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 12)

***

По ракете – условному знаку –
В чуть туманный предутренний час
Поднялись мы все дружно в атаку.
Привыкать ли!.. Бывало не раз.
И успел я, винтовку сжимая,
Покидая уютный окоп,
Вскользь увидеть,
Как пуля шальная
Обагрила товарищу лоб.
Вот «ура!» уж гремит многократно,
А в глазах всё виденье одно:
Как сползает товарищ обратно
На сырое окопное дно...
Отступая порой, атакуя,
Повидал сто смертей, может быть,
А вот эту, простую такую
И мгновенную, – век не забыть.
Вспоминаю бои и походы,
Вой снарядов, бомбёжки, пальбу –
И всё вижу сквозь многие годы
Эту смертную метку на лбу...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 50)

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

(Отрывок)

...А мне под шёпот листопада
На память давнее пришло.
...Вдали гремела канонада.
Горело русское село.
Катились мимо танки, пушки,
Чтоб справить наше торжество.
Мы ж хоронили на опушке
Солдата, друга своего.
Он самым первым из десятка
В село ворвался, знамя взвил.
Кровь запеклась под русой прядкой...
Как мало он на свете жил!
Молчал юнец, белей извёстки,
Окончив свой короткий путь.
И лист, сорвавшийся с берёзки,
Медалью лёг ему на грудь.
А сколько их, таких медалей,
Сложил на холмик листопад,
Когда мы залп последний дали,
Сказав: «Прощай, наш друг и брат!»
...А время мчит. Оно крылато.
С чего же нынче, в мирный день,
Того убитого солдата
Передо мной мелькнула тень?
Покою лес осенний дышит,

Весь так и светится, горя,
Как будто золотом он вышит –
Любимым цветом сентября.
Приятна русскому картина
Природы, сердцу дорогой, –
Не заграждений паутина,
А паутинка над стернёй.
Хотим мы видеть над полями
Не взрывов тёмные кусты,
А золотых деревьев пламя
Необычайной красоты.
Над головою неба просинь.
Даль и пустынна, и светла.
Прощаясь с тёплым летом, осень
Знамёна жизни подняла...

(Из сборника «Родные просёлки», 1976 г., с. 57)

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вас бы встретить по-другому –
За богатым праздничным столом.
Вам, Герою, гостю дорогому,
Поднести бы дар – бокал с вином.
Чтоб звучали в честь Героя тосты,
Чтоб поэт поздравил Вас в стихах.
Мы ж встречаем Вас, товарищ, просто:
С чувствами горячими в сердцах.
Не слышать ни тостов, ни оркестра,
Не беда, что нету и вина.
Жизнью управляющий маэстро
Над страной стоит сейчас война.
Почестей Вы больше заслужили.
Но – простите нашу простоту.
Многие сегодня оживили
Давнюю заветную мечту.
Увидать Героя всяк мечтает.
Но в бою случается порой –
Человек дерётся и не знает,
Что он сам и есть живой герой.

1943 г.

Публикация М. Небогатовой

*(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 24. В первой строчке пропущено слово «надо»: Вас бы **НАДО** встретить по-другому...)*

***

Всему и всем на свете свой черёд...
Когда гремел по полю взрыв за взрывом,
В атаку поднимались мы с призывом:
– За Родину, за Сталина,

Вперёд!

И тот призыв с Победой, с жизнью слит.

Теперь, когда за далью канонада,

Его переиначивать не надо.

Так нам

Сама История велит.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 52. Эта же редакция в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 98, только после слова «слит» добавилось многоточие)

***

...За счастье жить судьбу благодарю,

О юности израненной не плача.

Душой по-молодому вновь горю.

А было очень трудною задачей

Не очерстветь, не огрубеть в бою,

Не потерять к добру любви горячей.

Но мы в победу верили свою.

Мы знали: будет так, а не иначе.

А скольким уцелеть не удалось!

Мы хоронили их, сердца сжимая,

На недруга обрушивая злость,

Предвидя праздник солнечного Мая.

Земля, где проливать нам кровь пришлось,

Люблю тебя, земля моя родная.

(12-й сонет из Венка сонетов «Золотая осень», посвящённого Юрию Дмитриевичу Баландину, фронтовику, журналисту. Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 19)

СТАРШИЙ БРАТ

Подтвердилось истории ходом:

В новой жизни, в труде, на войне

Вместе с русским великим народом

Всякий – крепче, сильнее вдвойне.

И любой – словно брат ему кровный,

Рядом с ним и не прост, и не мал.

И недаром когда-то Верховный

Тост за русский народ поднимал.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 22)

***

Через что мы шагнули –

Знаем с жизнью вдвоём.

И осколки, и пули

Носим в теле своём.

Нас недугам не жалко,

Но владеем собой...

Фронтная закалка

Много крепче любой.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 66)

СОДЕРЖАНИЕ:

«... КАКОЙ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО ТЯЖЁЛОЙ ДОРОГА В СОРОК ПЯТЫЙ ГОД БЫЛА...»:

СТИХИ О ВОЙНЕ	6
Предисловие от автора-составителя.....	9
«Не обойдёшь сторонкою...».....	10
«Не виноваты мы...».....	11
ДОСТОЙНЫ ЛИ... ..	11
В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА	11
В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА	12
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	12
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	13
СОЛДАТ С РЕБЁНКОМ (Н. И. Масалову)	14
ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА (<i>Она не знала...</i>)	14
ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА (<i>Запомнил я...</i>)	15
«Я видел раз воздушный бой...»	16
«Рано поколенью моему...»	17
МОЁ ПОКОЛЕНИЕ	17
УРОКИ ВОЙНЫ	17
УРОКИ ВОЙНЫ	18
ВОСПОМИНАНИЕ	18
«Случайно в мемуарах генерала...»	18
«Один почёт...»	19
«Друг фронтовой!..».....	19
«Всю жизнь перед глазами, как живой...»	19
«Всю жизнь перед глазами, как живой...»	20
ВО ИМЯ ЖИЗНИ.....	20
ОТКЛИКНИТЕСЬ!	21
ПЕСНЯ ГЕРОЯ.....	22
НИЧЕЙНАЯ ПОЛОСА.....	22
НАША ВЕРА (<i>К. Л. Волошиной</i>).....	22
НА УЛИЦЕ ГЕРОЯ.....	23
«Он был на фронте все четыре года...»	24
СЛОВО ХЛЕБОРОБА	25
РАССКАЗ ХЛЕБОРОБА	26
СУВЕНИРЫ.....	27
СТАРЫЙ СОЛДАТ (триптих)	28
СТАРЫЙ СОЛДАТ (триптих)	29
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	31
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	32
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	32
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	33
НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ.....	34
НИКТО НЕ ЗНАЛ	34
НА ПЕРЕДОВОЙ.....	35
НА ПЕРЕДОВОЙ.....	35

НЕ ЗАБЫТЬ.....	36
ЛУНА	36
ЛУНА	37
ЛУНА	38
ПОХОРОНКИ.....	38
«Она любовь другим дарила...»	38
«Покидают тихо жизни праздник...».....	39
ДНЕВНИК.....	39
ВОДА.....	39
«Как хороша вода бывает...»	39
ПУЛЯ.....	40
ПУЛЯ.....	40
«Едва рванулись мы за лог...».....	41
В ГОСПИТАЛЕ (<i>Год сорок третий...</i>)	41
СОНЕТ (<i>Год сорок третий...</i>).....	41
В ГОСПИТАЛЕ (<i>Забуду ль я когда-нибудь...</i>)	42
ПОДМОСКОВЬЕ, 1942	42
«Выли бомбы, сыпалась щебёнка...».....	43
ТЕАТР ВОЙНЫ (<i>Прифронтовая полоса...</i>).....	43
«Прифронтовая полоса...»	43
ТАНКИ.....	44
ТАНКИ.....	44
ПОСЛЕ БОЯ	44
«Ещё когда босые по ромашке...»	45
ПУТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ ПОСТЫЛ... ..	45
МАМАЕВ КУРГАН.....	46
НА ПЕРЕДОВОЙ.....	46
НА ПЕРЕДОВОЙ.....	47
«Он с фотокарточки смеётся...».....	47
«Каждый день встречаемся мы с ними...»	48
НА ПРИВАЛЕ	48
«Легко на воле дышится...».....	49
«Легко на воле дышится...».....	49
НА ПОСТОЕ.....	50
НА ПОСТОЕ.....	51
ЛЕТО 1941-ГО.....	51
ПРИЗЫВНИКИ (<i>Апрель сорок первого года...</i>).....	51
«Апрель сорок первого года...»	52
АПРЕЛЬ 1941-ГО (<i>Апрель был солнечно-беспечным...</i>)	53
ЛЕТО, 1941	53
ПАХАРЬ.....	54
РОТНЫЙ.....	54
РОТНЫЙ.....	55
«Могут посчитать, что ловим блох мы...»	56
В НАСТУПЛЕНИИ.....	56
В НАСТУПЛЕНИИ.....	56
АККОРДЕОН	57
«Ночью был об отходе приказ...»	59
«Призывники, мы так немного...»	59
«Мы жили с весны на степном полигоне...».....	60
«Мы жили с весны на степном полигоне...».....	61
«На версту растянулась колонна...»	61
«На версту растянулась колонна...»	62

«По ракете – условному знаку...»	63
ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ (Отрывок).....	63
ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	64
«Всему и всем на свете свой черёд...».....	64
«...За счастье жить судьбу благодарю...».....	65
СТАРШИЙ БРАТ	65
«Через что мы шагнули...»	65

**Михаил
Небогатов**

О РОДНОМ КРАЕ

«...ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ СТРОКОЮ...»
СТИХИ О РОДНОМ КРАЕ

Художник – И. Бондарик

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом сборнике – избранные стихотворения Михаила Александровича Небогатова о родном крае – Кузбассе, о его природе. Здесь поэт родился и жил, здесь и похоронен.

«Малая родина есть у любого...», – так сказал он однажды. И всю жизнь самые сердечные, самые благодарные его слова были посвящены земле Кузнецкой, так богатой не только на недра и природу, но и на замечательных людей.

В заголовке сборника – строчки из 6-го сонета Венка сонетов «Золотая осень»:

...Куда б ни ездил, где бы ни бывал,
Горжусь своей родною стороною.
Я защищал её и воспевал
Простою задушевною строкою...

А можно было бы взять и другие слова. Например, вот эти:

...Так вот – с детства – в себе и несю
Чувство родины, чувство природы...

Читая эту книжку, любой из нас поймает себя на том, что любит «свою родную сторонку» так же крепко, как любил её наш поэт-земляк. Да и как её не любить?!

Главное достоинство этих посвящений – искренность, теплота, гордость за принадлежность к одному из многочисленных сынов Кузбасса, которые внесли свой заметный вклад в его развитие и процветание.

Однако было бы неправильным, говоря о малой родине, ни словом не обмолвиться о Родине – России. И стихов, написанных с любовью к Отчизне, у поэта немало. Помните?:

Откуда начинается Россия?
Одни поэты пишут: от села...

Ну, а в природных зарисовках – «фирменный» небогатовский почерк...
И последнее: разделение стихотворений на две части достаточно условно.

Автор-составитель.

«...ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ СТРОКОЮ...»

Часть первая:

СТИХИ О РОССИИ И О РОДНОМ КРАЕ

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Серебром окно расписано,
Сад и улица – в снегу...
Край Кузнецкий!
Только мысленно
Я обнять тебя могу.
Словно в поезде за шторами,
Вновь за снежной пеленой
Бесконечными просторами
Проплываешь предо мной.
Вижу гор хребты могучие,
В белом поле спят стога.
Слышу: шепчется задумчиво
Мариинская тайга.
Над землёю – утро раннее,
Сизо-дымчатый покой.
Терриконов очертания
Различаю за рекой.
Любо видеть, очень любо мне –
Это ж дело наших рук, –
Как дымят заводы трубами,
Стройки высятся вокруг;
Как над тихими равнинами
Виснут нити проводов;
Как бегут составы длинные
Мимо сёл и городов.
Стать бы птицей быстроекрылою,
Взмыть к привольным облакам,
Облететь бы землю милую,
Заглянуть ко всем друзьям!
Передать привет им искренний,
Поклониться от души...
Вижу: сталь сверкает искрами,
Льётся струями в ковши.
За успехи небывалые,
За любовь к стране родной
Слаблю мастера Привалова –
Одного из тех друзей...
Ветры, будьте провожатыми,
Запевайте с песней в лад,
Как за городом, над шахтами
На копрах лучи горят;
Как проходчики Реутова
Пролагают в недрах путь,
Чтоб войны угрозу лютую
Прочь от мира повернуть...

Вейся, песня!
Пусть врывается
В эти строки гром и звон.
Здесь великий мост рождается
Для канала Волго-Дон...
Мимо бора синеватого
Тропка дальше повела.
Может, встречу где Солдатова –
Садовода из села.
Хочет он, чтоб наша Родина
Утопала вся в цвету,
Чтоб крыжовник и смородина
Так и таяли во рту.
Будет это. Обязательно!
Жаль вот только: жизнь одна...
Он проснулся нынче затемно.
Сел над книгой у окна.
Не метелица сквозь кружевца,
Сквозь стекло видна ему:
Вроде яблони там кружатся
В бело-розовом дыму...
Где б мы в это утро раннее
Ни успели побывать –
Не измерить расстояния,
Обо всём не рассказать.
А секунды мчатся, тикая.
Всех припомнить – мало дня.
До того у нас великая,
Многоликая родня.

*(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 11. См. также
сборник «Моим друзьям», 1958 г., с. 52)*

БЕРЁЗОВСКИЙ

Не надо тратить сил на розыски:
Где он – подскажет вам любой...
Красивым именем –
Берёзовский –
Назвали город молодой.
В соседстве с домиками скромными
И на холме, и вдоль холма,
Такими кажутся огромными
Многоэтажные дома.
Тайга со всей своей безбрежностью
От крайних улиц – в двух шагах.
И город тёсом, хвойной свежестью
Весь по-весеннему пропах.
Он над старинными курганами
И над разбуженной тайгой
Царит величественно кранами –
Железной радугой-дугой.

Растёт он каменными стенами
До облаков, до синевы,
И ловит чуткими антеннами
Бесперебойный пульс Москвы...
Нам город люб. Мы все друзья его,
Но вон, осанисты, крепки,
Шагают города хозяева –
Идут со смены горняки.
Встречает их шумливость детская
И окон свет, и свет берёз...
Гляди, гордись,
Земля Кузнецкая:
Ещё один твой сын подрос!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 50)

В ДОРОГЕ

Гляжу в окно вагона
На ясный летний день.
Бежит с вагоном рядом
Его живая тень:
То вскочит на пригорок,
То спрыгнет под откос
Под тихий посвист ветра
И бойкий стук колёс...
В который раз я еду
По родине своей!
В который раз я вижу
Простор родных полей!
И снова, как бывало,
Как будто в первый раз
Всё сердце мне волнует,
Всё радует мой глаз.
Дымок от паровоза,
Как снег январский бел,
Легко, неторопливо
Над полем пролетел.
Растаял над цветами,
Над сочной травой...
Огромный одуванчик
Напомнил он собой...
От бабочек-капустниц
Белым-бело вокруг...
И кажется: ромашки
Взлетели с поля вдруг...
Всё дальше, дальше, дальше
Несётся поезд наш...
И вот перед глазами
Иной уже пейзаж:
Кружатся сосны, ели –
Шумящий хоровод.

Вот солнышко блеснуло
В ручье лесном. А вот
В тени густой – осока
На кочках меж кустов,
Как скопище зелёных
Взъерошенных голов...
А вот у переезда
Мелькает красный цвет –
То галстуки алеют,
Ребята машут вслед...
Не знаю, как другие,
А я не утаю:
Люблю я всё живое
В моём родном краю!
1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 77)

В ТАЙГЕ

Тайга... Бывало здесь, в глуши,
Не отыскать родной души.
Но вот строители приехали.
Девчата, парни – на подбор.
Для молодых тайга – помеха ли?
Звенит, поёт она с тех пор!
Желтеют пни в узорах колец.
Бодрит сердца моторный гул.
А самый юный комсомолец
На самый старый кедр взглянул.
Потёр задумчиво висок:
– Эх, до чего же он высок!
...Весна, лучами брызнув щедро,
Снегов расплавил кристалл.
Построив дом, верхушку кедра
Он из окна рукой достал.
Шутливо молвил: – Дай-ка срок,
И месяц я возьму за рог.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 71)

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Закрой глаза – вернёшься к детству,
К далёкой памятной поре...
Стоят деревни по соседству,
И та, и эта – на горе.
Они могли б соединиться, –
Забыто время ссор и драк, –
Да лёг меж ними, как граница,
Глубокий глинистый овраг.
Так и стоят, деревни эти,
С тупой покорностью судьбе:

Не знаем, как, мол, там соседи,
А мы тут – сами по себе.
Свои сады и огороды,
Пшеница, рожь у нас своя.
И даже скот – своей породы.
Лишь речка общая. Ничья.
Здесь свой мирок благополучья.
Закончил труд – гуляй и пой.
Ведь гармонист на этот случай
Какой ни есть, а тоже свой.
...Уж сколько раз – не счесть, пожалуй, –
Роняли яблони свой цвет.
Границы той, что здесь лежала,
Давно-давно в помине нет.
Один колхоз. Одна деревня.
И флаг один поднялся ввысь.
Сроднились люди. И деревья
Ветвями дружески сплелись.
Смотрю на них – и ясно вижу
Примету давних детских дней:
Где был овраг – деревья ниже,
Они посажены поздней.
Такая ж поросль молодая
Далёко в поле разрослась.
Она, границы все стирая,
С садами города сплелась.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с.26)

***

Ручейки просёлочных тропинок
Зазывают в дали – знай шагай,
Знай иди, не ведая заминок,
С чувством нежным –
Это отчий край!
Вот берёзка – не моя ль сестрёнка?
И не мой ли братец юный клён?
С добрым днём, любимая сторонка!
Ты навек взяла меня в полон.
Думку мы храним одну и ту же,
И одной с тобой живём судьбой.
Я ничем не лучше и не хуже,
Чем твой кустик маленький любой.
Всё в тебе, мой край, светло и крупно,
Всё живёт, какой-то смысл тая.
Даром, что ль, за мною неотступно
Следует двойник мой – тень моя.
Так шагать бы, жить до девяноста.
Но когда-то мы простимся, Русь.
Кончится всё буднично и просто:
Я дождейкой в речке растворюсь.

В день такой же,
В блеске и в цветенье –
Жизнь была плоха иль хороша –
От меня бесплотной даже тени
Не увидит ни одна душа...
Равно всё – и человек, и колос.
Мысли о бессмертье – ерунда.
Только и останется твой голос
В строчке –
В скромной веточке труда.
1975

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 90)

ГРАММАТИКА НОВОГО

Мой край! Промчалось время троек,
Ты вдаль на спутниках летишь!
...Люблю я книгу новостроек
В штрихах лесов, в обложках крыш.
В ней опечатками – бараки,
А стрелы кранов – там и тут,
Как восклицательные знаки,
Что прославляют гордый труд.
Люблю с утра листать воочью
Страницы улиц, площадей
И видеть ночью
Многоточье
Многозначительных огней.
Позднее, в праздники большие,
Над этим городом в лесах
Я фейерверка запятые
Увижу в синих небесах...
Творцы той книги – все поэты.
Их путь к высотам строг и круг...
Сумеет ли стать в книге этой
Хоть малой буквою мой труд?..

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 102)

ВСЁ ДЛЯ МИРА

В тишине предутреннего часа,
На закате, солнечным ли днём
Поезда уходят из Кузбасса
С коксом, лесом, сталью и углём.
Мчат составы в дальние просторы
Средь лесов дремучих и полей.
Сталевары, химики, шахтёры
Шлют подарки Родине своей.
Пусть металл, что выдал кузнечанин,
Станет мостом где-то над рекой!
Пусть сияет в лампочках ночами

Ценный клад, добытый под землёй!
Каждый лист добротной стали нашей,
Каждый малый камешек угля –
Всё для мира! Для того чтоб краше
Расцвела советская земля!

(Из сборника «Юным друзьям», 1957 г., с. 7)

РОДНЫЕ ПРОСЁЛКИ

Привык я к блеску площадей,
К асфальту этому, к трамваю,
И всё же в сутолоке дней
Иных дорог не забываю.
Большая радость – пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути,
К простой просёлочной дороге.
Один её знакомый вид
С тысячелетним прахом-пылью
Так много сердцу говорит,
Такою русской веет былью...
Она ползёт среди полей
То в чернозёме, то в суглинке.
Темнеют трещины на ней,
Как на родном лице морщинки.
Не знали деды и отцы
Про мостовые, про панели...
Зимой звенели бубенцы,
А кандалы весь год звенели...
В глухое время, в дни невзгод
С мечтой о светлых куцах рая
Гудел печально крестный ход,
Хмельному попику внимая.
Ступали лапти в эту пыль
И кривобокие обутки.
Стучал здесь посох и костыль,
И плач звучал, и прибаутки.
Как шрам глубокий – колея...
Тут, по репейнику густому,
Тень партизанского ружья
Скользнула в знойную истому.
Здесь был просёлкам поворот,
И мы просторы увидали.
Отсюда ввысь
И вдаль, вперёд
Пошли все наши магистрали.
1959

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 35)

НА РАЗЪЕЗДЕ

На разъезде вблизи от посёлка,
Что сроднился с шахтёрской судьбой,
Паровоза кудрявая чёлка
Две минуты висит над трубой.
Здесь, запомнив соседей немногих,
Оставляю ненужный вагон...
Разминая отёкшие ноги,
Я иду, тишиной окружён.
Одинокое серое зданье
Прячет окна в зелёном дыму,
Будто с первого дня мирозданья
Суждено здесь томиться ему.
Словно старца, с участливой грустью,
Обступили его тополя...
Вьётся тропка к дорожному устью,
Убегает дорога в поля.
И пока я шагал до посёлка,
Только слышал пичуг перезвон,
Только видел небесного шёлка
Синий купол – крутой небосклон.
А потом ещё из лесу справа
Прокричал и замолк паровоз,
И размеренный грохот состава
Влился в ласковый лепет берёз.
Да, мы в жизни печёмся о многом,
Но находим же радость и в том,
Что бегут поезда по дорогам,
Что журчит ручеёк под мостом...

(Из сборника «Родные просёлки», 1976 г., с. 19)

***

Наш город в обыденном стиле,
Не лучше, не хуже других,
Но с детства мы в нём полюбили
Немало примет дорогих:
Заводы в строю величавом
На левом его берегу,
Холмы терриконов – на правом,
Деревья на каждом шагу...
Алеет зари позолота
За дальнею кромкой лесной...
На месте тайги и болота
Поднялся наш город родной.
Разбужен гудками с рассветом,
Шумит он, как улей большой.
По улице, залитой светом,
Идём мы сегодня с тобой.
Идём мы дорогой одною,
К заре коммунизма идём.

Трудом мы украсим с тобою
Свой город, свой радостный дом.
1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 129)

НАША ТРИБУНА

Пускай провинциальными певцами
Нас называет кто-то свысока
За то, что мы не тщимся с бубенцами
В столицу гнать Пегаса-рысака.
Звучал бы стих талантливо и юно,
Был для души, как рощи и поля!..
Есть и у нас высокая трибуна –
Кузнецкий край, сибирская земля.
Мы, в гениев тщеславно не играя,
Несём народу свой сердечный жар.
Внимают нам сыны родного края –
Шахтёр, строитель, химик, сталевар.
Что ж, и они, как мы, провинциалы,
Чей путь – не дальше сумрачной тайги?
А на рейхстаге – их инициалы!
А в космосе – их первые шаги!
Не пробуйте унижить нашу лиру.
Гордимся мы, – ответим в сотый раз, –
Что мы певцы земли, известной миру,
Провинции по имени Кузбасс.
1967

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 42)

ТРОПКА

Ничем не примечательная тропка.
Сто раз по ней я бегал босиком.
Приветливо и как-то даже робко
Опять зовёт, как в детстве золотом.
Зовёт пройтись по клеверному полю,
Хотя б до тех вон дремлющих кустов,
Послушать птиц и надышаться вволю
Неповторимым запахом цветов.
Иду, – а тропка дальше, дальше манит,
Дышу – и надышаться не могу.
Пускай в пути гроза меня застанет!
Пусть мне подарит раду-ду-ду!
Нет ни души. Один я в этой шири.
И всё-таки я здесь не одинок.
Со мной, как песня, дума о Сибири,
О Родине, достойной лучших строк.
Простая тропка. Торная от века.
А вот сумей стереть её, забыть.

Как мало надо сердцу человека,
Чтоб многое на свете полюбить.

(Из сборника «Моим друзьям», 1958 г., с.76)

МОЙ РОДИМЫЙ КРАЙ

За рекой, за кромкой леса
Красный шар встаёт.
Тает белая завеса
У прибрежных вод.
Вот и Томь, вздохнув устало,
Под лучом косым
Засмеялась, заиграла
Серебром живым.
Далеко летит над нею
Пересвист и звон...
Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблён,
В избы дальнего селенья,
В ранние дымки,
В величавое течение
Голубой реки,
В чей-то голос в тихой роще,
В солнце, в птичий гай,
А сказать точней и проще:
В свой родимый край.
1957

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 179)

НАША РАДОСТЬ

Пусть летит от края и до края
Наша радость, звонкая, как май:
Принимай, Отчизна дорогая,
Золотой кузбасский урожай!
Каждый сноп мы бережно вязали,
Дорожили зёрнышком любым,
Чтоб дворцы и школы вырастали
Под советским небом голубым.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 66)

ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ

И прадеды наши сильнее всего
Россию – Расею – любили.
В боях не щадя живота своего,
Зело они врага били.
Всё так же в сражениях насмерть стоим
За отчую землю мы с вами.

Всё с той же любовью о ней говорим,
Лишь, может, другими словами.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 16)

СВЕРСТНИКАМ

Друзья! Вам дорог край родимый?
И я люблю Сибирь свою!
Она мила, как запах дыма,
Что манит путника к жилью...
Забуду ль дом с кривой оградой,
Глухое, сонное село.
Как летний дождь, живой отрадой
Там детство шумное прошло.
Теперь в тумане эти дали,
Метели дней их замели...
Росли мы, дети, и не знали,
Что есть сады другой земли.
Казалось нам, что всё на свете –
Не глубже илистой реки.
А там росли другие дети,
Расцвета нашего враги...
Как ярко светятся теперь мне
Огни костров ночной порой!
Но вот, как солнца луч вечерний,
Исчезло детство за горой.
Мы не сидели, пригорюнясь,
В тиши при звёздах и луне –
В шинелях встретили мы юность
И в жизнь вступили на войне...
Наш давний враг, фашистский воин
Вдруг захотел чужой земли.
И что ж? Навеки успокоен,
Обняв её, затих в пыли...
Как не любить свой край родимый,
Сибирь советскую свою
За дух её непобедимый
В труде и праведном бою!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 14)

Я ПРИВЁЗ...

Посетив места родные,
Я подарков не привёз –
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память

Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять
Там, где парни ждут девчат;
Чёрный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша.
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.
1964

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 47)

РОССИЯ

Откуда начинается Россия?
Одни поэты пишут: от села,
От дедовской околицы;
Другие:
От заводской заставы, мол, пошла.
Не знаю я, найду ль единоверца,
Но верю в убеждение своё:
Россия начинается от сердца,
С рождения влюблённого в неё,
Влюблённого в народ простой и скромный,
Умеющий держать и щит, и меч,
В заснеженный простор её огромный,
И в русскую пленительную речь.
Всё в этой речи есть – и крепость перца,
И сладость ягоды, и горечь слёз...
Россия начинается от сердца,
Влюблённого в бессмертный свет берёз.
1967

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с.11. Эту же редакцию см. в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 7. В сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 75 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 28 название стало другим – «О России» – и стихотворение значительно сокращено. Последние строчки – «... с рождения влюблённого в неё»)

СОЛНЦЕ

Сыну Вове

Ясный свет восхода
Брызнул с неба вкось.
Над родным Кузбассом
Солнце поднялось.
Поднялось – и сразу
Расцвело на всём
Благодатным, щедрым
Ласковым лучом.
На щеке ребёнка,
Заглянув в окно,
Свежестью румянца
Вспыхнуло оно.
Вот уж резвый зайчик
Скачет по стене.
Серебрится голубь
В синей вышине.
В домике соседнем,
Праздничном на вид,
В занавеске солнце
Белизной слепит.
Там горит на ленте
Девичьей косы,
Здесь сверкает в листьях
Каплями росы.
Новый день встречая
В грохоте работ,
Радуется жизни
Трудовой народ.
Солнце! Всюду солнце!
В миллионах глаз!
Радостно от мысли:
Этот свет для нас.
Да, для нас, свободных
Жителей земли,
Все дары природы
Счастьем расцвели.
Наша цель прекрасна:
В коммунизм придти.
Потому и солнцу
С нами по пути!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 18)

СОВЕТСКАЯ УЛИЦА

Где ты, радость детская,
Домик в три окна?
Улица Советская...
Ранняя весна...

Редкие прохожие.
Город точно спит.
Тишина встревожена
Цокотом копыт.
У крылечка – лужица,
Яркий блеск лучей.
В небе вьётся-кружится
Стая голубей...
Много ль дней – припомни-ка –
С той поры прошло?
Нету больше домика.
А в душе светло:
Пусть он, став преданием,
Вспомнится не раз –
Новым прочным зданиям
Радуюсь сейчас.
Стройные, высокие –
Вот они, смотри! –
Встали светлоокие
В золоте зари.
С башнями, балконами
Вдоль прямых аллей
Высятся над кронами
Рослых тополей.
Поглядишь – захочется
Долго-долго жить.
Стих во славу зодчества,
Песню ли сложить.
Знать бы слово веское,
Строчку, как струна...
Улица Советская
Далеко видна.
Шумно оживлённая,
Празднично светла,
То она – зелёная,
То – белым-бела.
Все пути начальные
И мечты людей,
Все дороги дальние
Сходятся на ней.
Всё тут сердце радует.
В ранний тихий час
«С добрым утром!» – радио
Поздравляет нас.
Школьники тбилисские,
Чабаны Карпат,
Как с друзьями близкими,
С нами говорят.
Алою полоскою
Горизонт обвит...
Музыка московская
В рупорах звучит.

Мы идём по улице,
Зная наперёд:
Всё, что хочешь – сбудется!
Новый день нас ждёт!
Ждут цеха просторные,
Строек ждут леса,
Мирные моторные
Песни-голоса.

Самолёт за облаком
Пролетел – и стих...
Как мы свыклись с обликом
Городов родных!

Цепь огней, нанизанных
На ряды столбов,
Флаги над карнизами,
Грохот поездов...
Но и в снежной замети
И в июльский зной
Нам, по старой памяти,
Кажется порой,
Что в Москве шагаем мы,
Всё в новинку вдруг.
Так неузнаваемо
Стало всё вокруг.

И вчера, сегодня ли
Рады от души:
Наши руки подняли
Эти этажи.

И в Москве, в Донбассе ли
Знают, не таю –
Это мы украсили
Улицу свою.

Пусть цветёт-красуется!
Каждый день хорош!
По Советской улице
Далеко уйдёшь...

1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 70. В сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 5 стихотворение уже без названия, только под «звёздочками», и стало короче на 10 четверостиший)

УЛИЦА СОВЕТСКАЯ

Где ты, радость детская,
Домик в три окна?
Улица Советская...
Ранняя весна...
Редкие прохожие.
Город точно спит.

Тишина встревожена
Цокотом копыт.
У крылечка – лужица,
Яркий блеск лучей.
В небе вьётся-кружится
Стая голубей...
Много ль дней – припомни-ка –
С той поры прошло?
Нету больше домика.
А в душе светло:
Пусть он, став преданием,
Вспомнится не раз –
Новым прочным зданиям
Радуюсь сейчас.
Стройные, высокие –
Вот они, смотри! –
Встали светлоокие
В золоте зари.
Знать бы слово веское,
Строчку, как струна...
Улица Советская
Далеко видна.
Шумно оживлённая,
Празднично светла,
То она – зелёная,
То – белым-бела.
Пусть цветёт-красуется!
Каждый день хорош!
По Советской улице
Далеко уйдёшь...

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 28 – окончательный вариант)

***

Новый день! Он будет долог,
Жаркий летний день...
Над рекой – тумана полог,
Свежей ночи тень.
За рекой, за кромкой леса
Красный шар встаёт.
Тает белая завеса
У прибрежных вод.
Выплыл остров перед взором,
Всё видней вокруг.
Славят утро громким хором
Голоса пичуг.
Наливаясь жарким блеском,
Дремлет Томь-река,
Равнодушна к рыбьим всплескам,
К ласке ветерка.

Хорошо по водной шири
На плоту скользить!
Как же можно в этом мире
Равнодушным быть?
Вот и Томь, вздохнув устало,
Под лучом косым
Засмеялась, заиграла
Серебром живым.
Далеко летит над нею
Пересвист и звон...
Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблён.
В избы дальнего селенья,
В ранние дымки,
В величавое течение
Голубой реки.
В чей-то голос в тихой роще,
В солнце, в птичий грай,
А сказать точней и проще:
В свой родимый край.

1952

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 84. Эту же редакцию, только без четвёртого четверостишия и даты создания стихотворения, см. в сборниках «Моим землякам», 1958 г., с. 134 и «Лирика», 1961 г., с. 73)

***

Новый день! Он будет долог,
Жаркий летний день...
Над рекой – тумана полог,
Свежей ночи тень.
За рекой, за кромкой леса
Красный шар встаёт.
Тает белая завеса
У прибрежных вод.
Выплыл остров перед взором,
Всё видней вокруг.
Славят утро громким хором
Голоса пичуг.
Вот и Томь, вздохнув устало,
Под лучом косым
Засмеялась, заиграла
Серебром живым.
Далеко летит над нею
Пересвист и звон...
Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблён!
В избы дальнего селенья,
В ранние дымки,
В величавое течение
Голубой реки,
В чей-то голос в тихой роще,

В солнце, в птичий грай,
А сказать точней и проще –
В свой родимый край.
1956

(Из сборника «Свет в окне», 1969, с. 99. Стихотворение стало короче ещё на одно четверостишие: «Хорошо по водной шири...», изменились знаки препинания и дата создания стихотворения)

ЗАРЕВО

Лишь вечер сумрачным покровом
На город спустится с высот,
Широким заревом багровым
Вдруг запылает небосвод.
И, восхищенья не скрывая,
Глядит приезжий человек,
Как туча плавится – живая, –
Роняя отблески на снег.
Глядит... Восторг его не странен,
Коль небеса горят над ним.
И говорит кемеровчанин:
– Красиво? Это коксохим!
Он говорит об этом с жаром,
Гордится он – и неспроста:
Мы потом полили недаром
Глухие здешние места.
Где крик зверей да песни птичьи
Будили утренний покой,
Наш город встал во всём величье
В краю таёжном над рекой.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 84. Эта же редакция в сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 55, только во второй с конца строчке появилось тире (–) после слова «величье»)

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

С чем сравнить любовь к Отчизне,
Как сказать о ней?
Ничего, ребята, в жизни
Нет её сильней.
С чистотой её сравнится
Синева озёр,
Золотистый свет зарницы
И ребёнка взор.
Глубока она, как реки,
Горяча, как кровь.
Как заря, светла навеки
К Родине любовь.

(Из сборника «Юным друзьям», 1957 г., с. 3)

СТИХИ О ПРИРОДЕ

***

Когда с людьми испорчу отношенья,
Когда в раздоре с кем-то, не в ладу,
Одно себе ищу я утешенье:
К природе, словно к матери, иду.
И тихий клён, и чуткая берёзка
Поймут, о чём душа моя болит.
А светлая закатная полоска
На завтра день хороший посулит.

*(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 117. См. стихотворение в
этой же редакции в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 15 и
«Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 70)*

АВГУСТ

Август – праздничного облика:
У него на голове
Белая папаха-облако
В яркой сочной синеве.
Он звенит дождями в жёлобе.
Он закатом свеж, здоров.
У него в заплечном коробе
Не сочтёшь земных даров.
Но ночами зябнут зяблики:
Ветки в инее висят.
Звёзды крупные, как яблоки,
Небо стряхивает в сад.
И, чтоб с летом расставание
Было радостно, светло,
В полдень август на прощание
Дарит нежное тепло.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 82)

НА ПРОЩАНЬЕ

Пусть зима недалёко уж где-то –
Очень красочна роща на вид:
Изумрудно в ней светится лето,
Пламеня, в ней осень горит...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 92)

***

Лежу в траве на берегу пологом.
Шуршит жучок у самого виска.
О чём мечты? Не знаю я. О многом,
Что в слове «жизнь» нам светятся века.
На фоне неба, в знойной дымке томной,

Как в глубину задумчивой реки,
Ель вековая шукою огромной
В синь погружает ветви-плавники.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 88)

***

Сибирская природа прихотлива,
Бывает и весной не как весной.
Не слышно птиц. Деревья сиротливо
Застыли в неподвижности немой.
И облака, и снег – всё скучно, серо,
По лужам хлещут зябкие ветра.
И на какой-то миг слабеет вера
В то, что весна на радости щедра.
Но как природа ни глядит сурово,
А всё-таки весна берёт своё:
Минует день, и мы согреты снова
Сиянием и ласкою её.
Так женщина, не злая по натуре,
Но иногда суровая на вид,
Совсем недолго смотрит, брови хмуря,
Настанет миг – улыбку подарит.

(Из сборника «Родные просёлки», 1976 г., с. 96)

НА ЗАКАТЕ

Как перед матерью счастливой,
Взрастившей славную семью,
Степное солнце перед нивой
Склоняет голову свою.
Что говорит ей луч прощальный,
Скользя к ночному рубежу?
– Не унывай, не будь печальной,
Я ненадолго уйду!
И с тихой лаской человечьей
В ответ вздыхает нива-мать:
– Что ж, до утра, до новой встречи!
Не вздумай, солнышко, проспать!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 124)

***

Обогнув тальник, полянку,
Не спеша бежать вперёд,
Речка крутит, как шарманку,
Голубой водоворот.
И звенит под кручей гулко,
И поёт на все лады

Музыкальная шкатулка
Той крутящейся воды!

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 7)

***

В серебристом, чистом инее –
До чего ж хорош убор! –
Смотрит вдаль, в раздолье синее
Вековой сибирский бор.
До весны, до пенья птичьего
Стих и замер мир лесной...
Сколько русского величия
В соснах, вставших тут стеной!
С детства памятной картиною,
Зачарованный, бежишь.
Снег сверкающей лавиною
Ускользает из-под лыж.
И как будто став крылатыми,
Все деревья – погляди –
Машут ветками мохнатыми:
Дескать, доброго пути!

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 59)

***

У глянцево накатанной дороги,
Весёлая и грустная на вид,
Берёзовая рощица в тревоге,
Дрожа листвою, шепчется, шуршит.
Не верится, что это увяданье.
Нет смерти для лучистой красоты!
На праздничное, светлое свиданье
Сошлись в кружок шумящие кусты.

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 48)

***

Белоснежные, ядрёные –
Хоть бери их за бока –
Ярким солнцем озарённые,
Стынут в небе облака.
Спят над крышей, над оградой.
Солнце скроется на миг –
Так и кажется: прохладой
Веет на землю от них...

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 72. В сборниках «Свет в окне», 1969 г., с. 49 и «Земной поклон», 1976 г., с. 160 появились название – «Облака» и дата создания стихотворения – 1961-й год. В сборнике «Лето», 1981 г., с. 38 – всё то же самое, только без даты создания. Изменилась также 4-я строчка – «...неподвижны облака» и многоточие в конце стихотворения стало точкой)

***

Золотой лучистый колос –
Солнце сникло за тайгой.
В этот миг родился голос,
Женский голос над рекой.
День хороший провожая
И приветствуя закат,
Песня русская простая
Полилась с рекою в лад.
И вода в тени прибрежной
Подпеваает-говорит:
Таёт, таёт голос нежный
Вместе с пламенем зари.
Дотемна я возле брода
Слушал в первый раз тогда,
Как поёт сама природа –
Лес,
                  камыш,
                                  закат,
  вода...

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 14)

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ

Запахом влаги дохнул ветерок.
Сразу темно по-осеннему стало.
Стихло всё, замерло. Дождь недалёк!
Слышишь, как первая капля упала?
Видишь, другая задела стекло.
Вот застучало по крышам покатым –
И потекло, потекло, потекло,
С яркими вспышками, с гулким раскатом.
Дождь за минуту весь город обнял.
Тучи проходят над самой землёю.
Будто бы с неба обрушился шквал
Серо-свинцовой тяжёлой стеною.
...Грохот уходит всё дальше на юг.
Ливень проворный устало стихает.
Тучи, как дым, разлетелись – и вдруг
В городе словно опять рассветает.
Землю и небо умыла гроза.
Дали прозрачней, сады зеленее.
Вечер открыл голубые глаза,
Нежным румянцем заката алея.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 116)

ПРЕДЗИМЬЕ

Летний день. А в небе – туч набег,
Закопчённых, пепельных, как дым.
Кажется: вот-вот повалит снег,
Скроет лето сумраком седым.
Сумраку и зелень нипочём.
Для него – ненужная она...
Оглянись: не впрямь ли за плечом
Зябкого предзимья седина?

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 88)

***

За селом, где стога, где прощально разносятся звуки
Журавлиной печали, на юг зазывающей в путь,
Распростёрлись дороги, как будто усталые руки
Хлебороба, который прилёт от трудов отдохнуть.
Мерно грудь его дышит – равнина земная,
Как щетина, стерня – он давненько не брился, оброс.
Над берёзовым колком склонилась заря золотая,
Как над шапкой его золотистых волос.
В вечереющем свете дремотно мерцают озёра,
Как глаза молодые, что теплятся синью густой.
И от этого доброго синего-синего взора
Хорошо на душе, хорошо на равнине степной...

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 60)

***

Бор – зелёная обитель.
Словно сосны,
День высок.
– Митю видел?
Митю видел? –
Звонкий птичий голосок.
Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
– Видел, видел! –
Я ответить птичке рад.
Митя – друг её, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 19. См. также сборники: «Перепёлка», 1988 г., с. 28; «Вечерние огни», 1989 г., с. 91; «Времени река», 1991 г., с. 17 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 89. А в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 52 появилось название «Митю видел?» и немного изменилась последняя строчка: «...знать, не видел ли его...»)

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Ещё как будто приморожены
К закату леса кружева,
Снега не мяты, не исхожены –
Метель вчера была жива.
Раздольно, ярко небо светится.
Там звёзд – как во поле цветов.
И синий ковш Большой Медведицы
Тепло разлить уже готов!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 71)

***

Всё жарче солнце. Снег сошёл недавно.
Был первый дождь. И капли на весу
Дрожат на тёмных ветках. Сочно, славно
Запахло вербой в солнечном лесу.
Ещё гола берёзка. Ей завидно –
На вербе пух, как праздничная шаль.
Прозрачен лес. Сквозь каждый кустик видно
Всю синевой пронизанную даль.
Давно ли небо было мутно-мглистым,
А вот теперь ни облачка на нём.
И оглашают птицы бойким свистом
Весёлый лес, дремавший даже днём.
Приди сюда. Душою, а не слухом
Внимай весне, что рядом и вдали.
Наполни грудь медвяным вербным духом
И свежим, талым запахом земли.
Сверкают лужи – след былых проталин.
Хрустальна капель трепетная дрожь.
И если был ты чем-то опечален,
Со светлым чувством из лесу уйдёшь.

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с.87. В сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 96 – та же редакция, лишь в конце 1-й и 3-ей строчек последнего четверостишия изменилась пунктуация: поставлены запятая и тире (, –)

ЯГОДЫ

Зноем лес распарен.
Полдень спит в траве.
Девушка и парень
Бродят по траве.
Тени. Солнца блики.
На цветке – пчела...
Радостные вскрики:
– Вот ещё! Нашла!..
С корня земляничка –
Не в пыли с лотка.

Капля-невеличка,
А уж как сладка!
В туюске б оставить –
Там не скрыло дна,
Да во рту растаять
Просится она...

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 51)

ЯГОДЫ

Тени. Солнца блики.
На цветке – пчела...
Радостные вскрики:
– Вот ещё! Нашла!..
С корня земляничка –
Не в пыли с лотка.
Капля-невеличка,
А уж как сладка!
В туюске б оставить –
Там не скрыло дна,
Да во рту растаять
Просится она...

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 20. См. также сборники: «Перепёлка». 1988 г., с. 27; «Вечерние огни», 1989 г., с. 15 и «Времени река», 1991 г., с. 91)

***

Вижу с поля, где роса ещё, покой,
Как над берегом таёжным, за рекой
Свет широко разливается, растёт –
Это небо цветом маковым цветёт.
Так цветёт оно, что облаку слегка
Подрумянило, как яблоку, бока,
Золотит электролиний провода,
Ускользящих неведомо куда.
От зубчатого штакетника тайги
Тень легла и затемнила полреки.
Тень синееет молчаливою водой,
Лес синееет – синева над синевой.
Только небо всё светлее, всё алей,
Только в поле всё теплее, веселей.
От мать-мачехи, куда ни кинешь взгляд,
Всё желтым-желто, как будто от цыплят.
Вот и солнечный петух, задорен, смел,
На штакетник на лесной легко взлетел.
Так и кажется: недаром этот взлёт,
Вот сейчас петух побудку запоёт.
Запоёт он над тайгою, над рекой,
Над землёю, изумительной такой,
И никто не удивится в этот миг,
Слыша солнца торжествующего крик!

(Из сборника «Времени река», 1991 г., с. 90)

***

Зима светло и без корысти
Нам дарит первый снегопад.
В саду рябиновые кисти
На белом пологе горят.
Как будто осень с ветром шустрим,
Что любит листья ворошить,
Вот эти маленькие люстры,
Уйдя, забыла потушить.
1974

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 197)

РАССВЕТ В ГОРАХ

Над синевой кривых хребтов
Светлеет небо постепенно.
Внизу, в тумане, среди кустов
Река шумит самозабвенно.
А в небе, чистом, вдалеке,
Звезда блуждает без призора –
Как слово лишнее в строке,
Она должна исчезнуть скоро...
И, погружённые в покой,
Недвижны сосны-великаны,
И затихает шум речной,
И резче проступают скалы.
Рассвет надменно молчалив.
И, как впервые, ждёт природа,
Уже дыханье затаив,
Большой симфонии восхода!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 9)

РАССВЕТ В ГОРАХ

Над плотной синевой хребтов
Светлеет небо постепенно.
Внизу, в тумане, среди кустов
Река шумит самозабвенно.
А над горами вдалеке
Звезда блуждает без призора –
Как слово лишнее в строке,
Она должна исчезнуть скоро...
И, погружённые в покой,
Недвижны сосны-великаны,
И затихает шум речной,
И резче проступают скалы.
Рассвет надменно молчалив.
И, как впервые, ждёт природа,
Уже дыханье затаив,
Большой симфонии восхода!

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 30)

РЖАНОЕ ПОЛЕ

Кому не дорог мирный вид
Дорог, обкатанных до блеска,
Полей, где золото шумит
Крутой волной у перелеска!..
Хлеба... Им края не видать.
Нет на земле картины краше.
Невольно молвишь: – Благодать!
Вот наша мощь, богатство наше.
Гордись, товарищ хлебороб.
Да что с тобой? Не рад ты, что ли?
Какая мысль морщинит лоб?
Чем плохо, друг, ржаное поле?
... Ушёл. Ни слова не сказал,
Заслышав где-то гул комбайна.
Я только позже разгадал,
Чем озабочен был он тайно.
Когда вязали первый сноп –
Стократ длинней казались сроки.
Тогда был счастлив хлебороб
Увидеть ржи разлив широкий.
Но время шло. Настали дни –
Всё чаще хмарью дышит небо.
А в поле больше, чем стерни,
Ещё не скошенного хлеба.
Не любоваться им сейчас –
Косить, косить скорее надо!
Ещё ночами много раз
Работать будет вся бригада.
Ещё помокнешь под дождём,
Дрожа от ветра спозаранку,
Пока спокойно за столом
Разрежешь свежую буханку...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 117)

ТОПОЛЬ ПОД ОКНОМ

По садам – листвы охапки.
Грустно осени самой.
Но стоит в зелёной шапке
Под окошком тополь мой.
Все он силы собирает,
Как Сибири верный сын,
И открыто презирает
Легкомысленных осин,
Тех, что вянут без причины,
Вечно робости полны.
Знать, недаром вы, осины,
Лишь на колья и годны.
Вскинул голову высоко
Тополь. Тем он мне и мил:

До последней капли сока
Биться с холодом решил!
(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 119. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 106, только изменено одно слово: вместо «легкомысленных» стало «легкомысленность»)

ТОПОЛЬ ПОД ОКНОМ

По садам – листвы охапки.
Грустно осени самой.
Но стоит в зелёной шапке
Под окошком тополь мой.
Он не знает перемены,
Как Сибири верный сын,
Презирает откровенно
Легкомысленных осин,
Тех, что вянут без причины,
Вечно робости полны.
Знать, недаром вы, осины,
Лишь на колья и годны.
Вскинул голову высоко
Тополь. Тем он мне и мил:
До последней капли сока
Биться с холодом решил!

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 55)

***

От мороза сторожка ёжится,
Лес белеет, к себе маня.
Как вам нынче живётся-можется?
Не скучаете без меня?
Одиноко вам тут, за городом.
В поле снежная тишина.
Лес пронизан зарёй и холодом,
И сторожка едва видна.
Все кусты и пеньки под шапками,
Под богатыми – из мехов!
Снег пушистый узоря лапками,
Зайка прыгает меж кустов.
Гаснет зорьки полоска узкая.
И косой задремал у пня...
Всё такое родное, русское,
Без чего не прожить и дня!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 70. Почти эта же редакция в сборниках «Вечерние огни», 1989 г., с. 76 и «Времени река», 1991 г., с. 100, только восклицательный знак в последней строчке заменён точкой. А в сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 79 слово «зайка» стало «зайцем» и добавилась дата создания стихотворения – 1960-й год. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 111, только без даты создания стихотворения)

ПОЛОВОДЬЕ

Внизу, под берегом крутым,
Шумит речное половодье.
Закурим, тихо постоим,
Прильнув душой к родной природе.
Вдали – сияние огней,
От них и звёзды потускнели.
Там толпы праздничных людей,
Гудки машин и блеск панели.
Едва ли там кому-нибудь
Придёт счастливое желанье
На этот берег заглянуть,
Где вод весенних ликование,
Где только тьма и гул реки –
Неразличимой лавой чёрной...
И как здесь мысли широки,
Какой здесь воздух животворный!
Влюблённый в мир земной навек,
Во всё, что молодо и ново,
Люблю я зов лесов и рек,
Как звуки голоса живого.
Шуми в ночи, речной разлив,
Ликуй полней и вей прохладой!
Луга ночные затопив,
Весенним гулом сердце радуй!

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 64)

ПОЛОВОДЬЕ

Внизу, под берегом крутым,
Шумит речное половодье.
Закурим, тихо постоим,
Прильнув душой к родной природе.
Вдали – сияние огней,
От них и звёзды потускнели.
Там толпы праздничных людей,
Гудки машин и блеск панели.
Едва ли там кому-нибудь
Придёт счастливое желанье
На этот берег заглянуть,
Где вод весенних ликование.
Где только тьма и гул реки –
Неразличимой лавы чёрной...
А как здесь мысли широки,
Какой здесь воздух животворный!
Шуми в ночи, речной разлив,
Ликуй полней и вей прохладой!
Луга ночные затопив,
Весенним гулом сердце радуй!

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 210)

МАЙСКИЙ СНЕГ

Старый снег, слоистый, тёмно-серый
Ручейками смывает, сошёл навек.
Вдруг на крыши, на дороги, скверы
Выпал белый-белый майский снег.
Заявился с холодом и с ветром,
Но своею чистой белизной
Он о чём-то праздничном и светлом
Молча разговаривал с весной.
А когда сошёл он без помарок,
Увидали мы сквозь синеву,
Будто неожиданный подарок,
Молодую сочную траву!
И как будто не было отсрочки,
Вновь лучи сиянье миру шлют.
А на ветках выстрелили почки,
Словно маю отдали салют!

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 57. В сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 95 добавилось тире в конце первой строчки последнего четверостишия, и появилась дата создания стихотворения – 1963-й год. Эта же редакция, только без даты создания стихотворения, в сборниках «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 47 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 74)

***

Метёт коварная метелица.
В сугробах белая земля.
К ногам позёмка льстиво стелется,
Юлит, униженно скуля.
Ненужной кажется, безрадостной
Позёмки хитрой суета.
Мне люб мороз сорокаградусный –
В нём сила, смелость, прямота!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 64)

***

В снежных шубах ели, пихты.
Небосвод суров, угрюм.
Лес таёжный, что притих ты,
От каких заветных дум?
С вьюгой злой единоборец,
Вспоминаешь, может быть,
Как любил охотник-шорец
Одиноко здесь бродить?
Как далёко по урманам
Ухал выстрела обвал,
Как укладывал жаканом
Он медведя наповал?
Или слушаешь гуденье
Звонкой стали над собой,

Не скрывая сожаленья,
Что нарушен твой покой?
Тучи скучились отарой,
И глуха сугробов тишь.
Ну, скажи, о чём ты, старый,
Так загадочно молчишь?
Шум машин плывёт по логу
Под холодной мглой небес.
С тайной думой на дорогу
Загляделся зимний лес.

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 65. Эта же редакция в сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 83, только добавилась дата создания стихотворения – 1963-й год)

***

Да, нынче дней засушливых в избытке.
Лучи насквозь всё, кажется, прожгли.
Как маленькие кафельные плитки –
Квадратики истресканной земли.
И хоть река вблизи течёт привольно –
Не веет даже свежестью с реки.
А колоски-то – просто глянуть больно! –
Короткие ребячьи вихорки.
Шуршат хлеба, страдальчески вздыхая.
И жалобна по-детски их тоска,
Что нивы грудь – грудь матери сухая –
Не может дать ни капли молока.
1975

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 166)

ЗАСУХА

Да, нынче дней засушливых в избытке.
Лучи насквозь всё, кажется, прожгли.
И чудится: вот-вот от этой пытки
Послышится печальный стон земли.
И хоть река вблизи течёт привольно –
Не веет даже свежестью с реки.
А колоски-то – просто глянуть больно! –
Короткие ребячьи вихорки.
Шуршат хлеба, страдальчески вздыхая.
И жалобна по-детски их тоска,
Что нивы грудь, грудь матери сухая,
Не может дать ни капли молока.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 47)

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЬЮГА

Снежный ветер бьёт по сенцам,
По калитке, по крыльцу.
Словно мокрым полотенцем,
Ударяет по лицу.
Заморожен звон капели.
Гнётся клён. Гудит сосна.
Невдомёк им: неужели
Обманула их весна?
Где ручьи журчали громко
У окошек на виду,
На коньках своих позёмка
Ловко катится по льду...
Час и два шумела глухо,
С ветром бешеным неслась –
И внезапно завируха
На глазах оборвалась!
Плотной белою стеною
От небес и до земли
Вместе с облачной толпою
Скрылась, канула вдали.
Вновь над мирною деревней
В чистом небе синева.
Отряхнуть спешат деревья
С веток снега кружева.
Каплет с них. И капли-точки,
Прежде чем с ветвей упасть,
Набухают, словно почки,
Наслаждаясь солнцем всласть!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 70)

***

Зорьки первый мазок –
По макушке кедровой.
День означился новый –
И лучист, и высок.
Но порой небеса
Мраком зреют жестоко.
По всему, что высоко,
Бьёт сильнее гроза!

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 5. Эта же редакция в сборниках «Времени река», 1991 г., с. 38 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 64)

ЧУДЕСНАЯ ПОРА

Всюду палых листьев грустный шорох,
Рано наступают вечера.
Всё же по-особенному дорог
Нам сентябрь. Чудесная пора!

Здесь – и клёкот птиц, что брезжит далью,
И стога, и ветер по полям.
Здесь – и радость пополам с печалью,
И тепло с прохладой пополам.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 90)

ЧЕРЁМУХА

Вновь река тиха, степенна –
Кончил дело ледоход...
Над рекою белопенно
Куст черёмухи цветёт.
Так и светится особо
Каждой веткой-бахромой,
Вроде снежного сугроба
Над водой и в ней самой.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 78)

БЕРЁЗКА

Сколько раз берёзка возле прясла
Загоралась жарко на заре;
Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла
По вечерней сумрачной поре.
Вдруг как будто чудо с ней случилось:
В час, когда её заря зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.
И теперь, как зорька золотая,
Даже ночью излучает свет,
Журавлям далёким посылая
Грустный свой, прощальный свой привет...
Поцелуй, шёпот у калитки,
Двух сердец таинственная речь...
А берёзка золотые слитки
На тропу роняет с белых плеч.
Стелет коврик с шумом полусонным,
Сыплет бусы – чистую росу,
Словно хочет подарить влюблённым
Всю свою последнюю красу.
1954

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 73)

***

Сколько раз берёзка возле прясла
Загоралась жарко на заре;
Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла
По вечерней сумрачной поре.
Вдруг как будто чудо с ней случилось:

В час, когда её заря зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.
И теперь, как зорька золотая,
Даже ночью излучает свет,
Журавлям далёким посылая
Свой прощальный, пламенный привет...
Часто здесь, с берёзкой этой рядом,
У калитки девушка стоит,
Теребит платок и долгим взглядом
В темноту осеннюю глядит.
И глядит, конечно, не случайно:
Наступает долгожданный срок –
Лишь замолкнет в поле гул комбайна,
К ней спешит плечистый паренёк,
Поцелуи, шёпот у калитки,
Двух сердец таинственная речь...
А берёзка золотые слитки
На тропу роняет с белых плеч.
Стелет коврик с шумом полусонным,
Сыплет бусы – чистую росу,
Словно хочет подарить влюблённым
Всю свою последнюю красу.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 109)

***

Сколько раз берёзка возле прясла
Загоралась жарко на заре;
Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла
По вечерней сумрачной поре.
Вдруг как будто чудо с ней случилось:
В час, когда её заря зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.
И теперь, как зорька золотая,
Даже ночью излучает свет,
Журавлям далёким посылая
Свой прощальный, пламенный привет...
1957

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 192. Эта же –
укороченная – редакция и в сборнике «Благодарю,
благодарю...», 1995 г., с. 82, только без даты создания
стихотворения)*

БАБЬЕ ЛЕТО

Речка светится латунью
В жёлто-ржавых берегах.
Клонит в сон её, болтунью,
Тишина в пустых лугах.

Лишь порой над хрупкой тишью,
Где прохлада и сухмень,
Самолёт летучей мышью
Пронесёт косую тень.
А давно ль река смеялась
Звоном детских голосов,
Серебрилась и плескалась,
До лесов бросая зов!
Шум купанья, трепет клёва –
Всё за дымкой голубой.
Нынче даже рыболова
Не увидишь над водой.
И уносят в школу дети
Вместе с книжками в руках
Память добрую о лете –
Запах солнца на щеках.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 115)

***

Речка светится латунью
В жёлто-ржавых берегах.
Клонит в сон её, болтунью,
Тишина в пустых лугах.
Лишь порой над хрупкой тишью,
Где прохлада и сухмень,
Самолёт летучей мышью
Пронесёт косую тень.
А давно ль река кипела
Звоном детских голосов,
Собирала солнца стрелы,
До лесов бросая зов!
Шум купанья, трепет клёва –
Всё за дымкой голубой.
Нынче даже рыболова
Не увидишь над водой.
И уносят в школу дети
Вместе с книжками в руках
Память добрую о лете –
Запах солнца на щеках.

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 53)

АПРЕЛЬ

Ещё ледок хрустит утрами –
Его съедает, гложет злость,
А у меня в оконной раме
Сияет солнце – ранний гость.
Ещё в деревьях стынут соки,
Среди садов – голым-голо,
А возле дома на припёке

Почти по-летнему тепло.
Над ручейками – снега глыба.
Уже недолго ей висеть:
Зима холодная, как рыба,
Попалась в солнечную сеть!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 84. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 73 и в сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 94, в котором «ушло» тире во второй строчке второго четверостишия и добавилась дата создания стихотворения – 1961. То же самое в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 46, только без даты создания стихотворения)

ПЕРЕПЁЛКА

Опустело на просёлке,
Спит охотник у костра.
Только голос перепёлки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 129. Эта же редакция в сборниках «Лирика», 1961 г., с. 71 и «Свет в окне», 1969 г., с. 51. В последнем появляется дата создания стихотворения – 1961. См. также «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 54)

ПЕРЕПЁЛКА

Опустело на просёлке,
Сна глубокого пора.
Только голос перепёлки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с.16. Изменилась только вторая строчка. Начиная с этого сборника, стихотворение печатается в неизменном виде в последующих сборниках: «Перепёлка», 1988 г., с. 23; «Вечерние огни», 1989 г., с. 90 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 85)

***

Рисует мудрая природа
Этюд с названием «Зима».
Снежинки сыплет с небосвода
На путь трамвайный, на дома.
Ей это делать не впервые.
Есть вдохновенье и запал.
Да всё чернеют мостовые,

Бело лишь только между шпал.
Природа хмурится невольно:
Этюд не очень-то живой.
А детвора уже довольна
Её работой черновой.
Глядят ребята спозаранок
В окно: «Ну, как там,

крепкий снег?»
Коньков стремительных и санок
Уже предчувствуют разбег.
Но то ль упорства не хватило
Засыпать землю и дома,
А может, кончились белила –
Грустна художница сама?

Она этюд забраковала
И, как простым карандашом,
Сердясь его заштриховала
Холодным сереньким дождём.
Снежок размыла, как извёстку, –
Чернеет пятнами вода...
Но верьте первому наброску,
Картина будет – хоть куда!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 59)

***

Рисует мудрая природа
Этюд с названием «Зима».
Снежинки сыплет с небосвода
На путь трамвайный, на дома.
Ей это делать не впервые.
Есть вдохновенье и запал.
Да всё чернеют мостовые,
Бело лишь только между шпал.
И то ль упорства не хватило
Засыпать землю и дома,

А может, кончились белила –
Грустна художница сама.
Она этюд забраковала
И, как простым карандашом,
Сердясь его заштриховала
Холодным сереньким дождём.
Снежок размыла, как извёстку, –
Чернеет пятнами вода...
Но верьте первому наброску,
Картина будет – хоть куда!

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 71)

***

Ясна, чиста заката алость.
Днём было солнечно, тепло,
И серебром переливалось
Речное синее стекло.
Не зная радостней находок,
Чем ёрш и окунь золотой,
Здесь рыболовы с лёгких лодок
Глядели в воду день-деньской.
Песок горячий дети мяли,
Купались, бросив все дела,
И волны тщетно отмывали
Их загорелые тела...

И смех, и крики отзвучали.
Прохладен воздух. Тишина.
Уснули лодки на причале.
Встаёт огромная луна.
И на её багровом фоне,
Что излучает тихий свет,
Отчётлив, строг, как на ладони,
Избушки дальней силуэт.
Под этим зыбким лунным блеском
Застыли волны на реке,
Лишь отвечают слабым плеском
Девичьей песне вдалеке.

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 25. Эта же редакция в сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 50, только добавлена дата создания стихотворения – 1963)

***

Ясна, чиста заката алость.
Днём было солнечно, тепло,
И серебром переливалось
Речное синее стекло.
Не зная радостней находок,
Чем ёрш и окунь золотой,
Здесь рыболовы с лёгких лодок

Глядели в воду день-деньской.
Песок горячий дети мяли –
У них, детей, свои дела.
И волны тщетно отмывали
Их загорелые тела...
И смех, и крики отзвучали.
Прохладен воздух. Тишина.
Уснули лодки на причале.
Встаёт огромная луна.
И на её багровом фоне,
Что излучает ровный свет,
Отчётлив, строг, как на ладони,
Избушки дальней силуэт.
Под этим зыбким лунным блеском
Застыли волны на реке,
Лишь отвечают слабым плеском
Девичьей песне вдалеке.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 36)

А ЕЙ НЕ ЛЕГЧЕ

Сейчас повсюду и везде
Слова и речи в разном роде
Об окружающей среде,
Об окружающей природе.
Порублен лес. Засох ручей...
Вот вроде любим мы природу,
Но от словес не легче ей,
А тяжелее год от году...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 90. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 114)

ЛЕТО

Бездонно в небе вольном и высоком.
Поля вокруг сонливы и тихи.
На солнцепёке земляничным соком
Природа пишет летние стихи.
Цветок к цветку, как слово к слову, лепит.
То песней прозвенит, а то замрёт.
И трепет колосков, и речек лепет,
И мёд гречишный – всё в строку берёт!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 78. Эта же редакция в сборниках «Вечерние огни», 1989 г., с. 24 и «Времени река», 1991 г., с. 16, только название заменено «звёздочками»)

***

С давних лет с природою мы дружим,
С той поры, как с радостью знаком,
Полюбил я по июльским лужам
После ливня бегать босиком.
В день метельный, в синий полдень мая,
Что всегда, всегда неповторим,
Мы без слов друг друга понимая,
По душам о многом говорим.
Если мне печально или горько,
Нахожу поддержку у неё:
Лишь в окно заглянет утром зорька –
И светлей моё житьё-бытьё.
Если ж ей невесело от хмури,
От осенних обложных дождей,
Я пишу о солнечной лазури,
Посвятив написанное ей...
А вчера я ехал снежным полем,
Из окна автобуса смотря,
Как над белым мартовским раздольем
Занялась вечерняя заря.
И меня впервые перемена
В отношениях наших обожгла:
Как-то очень гордо и надменно
Та заря холодная цвела.
Показалось: с облачных карнизов,
Полыхая красками, она
Посылала мне какой-то вызов,
Злой самовлюблённости полна.
Дескать, что ты во вселенской шири
Значишь по сравнению со мной?
Ты всегда песчинка в этом мире,
Где сиять мне вечной красотой.
Погляди, как этот мир чудесен,
И таким вот будет он всегда.
От твоих же мимолётных песен
Даже не останется следа.
...Очень странно друга отчужденье.
Ну, а, может, всё как встарь у нас?
Может, кто-то был не в настроенье –
Я или природа – в этот час?..
1967

(Из сборника «Свет к окне», 1969 г., с. 107)

***

С давних лет с природою мы дружим,
С той поры, как, радостью влеком,
Полюбил я по июльским лужам
После ливня бегать босиком.
В день метельный, в синий полдень мая,
Что всегда, всегда неповторим,
Мы, без слов друг друга понимая,
По душам о многом говорим.
Если мне печально или горько,
Нахожу поддержку у неё:
Лишь в окно заглянет утром зорька –
И светлей моё житьё-бытьё.
Если ж ей невесело от хмури,
От осенних обложных дождей,
Я пишу о солнечной лазури,
Посвятив написанное ей...
А вчера я ехал снежным полем,
Из окна автобуса смотря,
Как над белым мартовским раздольем
Занялась вечерняя заря.
И меня впервые перемена
В отношениях наших обожгла:
Как-то очень гордо и надменно
Та заря холодная цвела.
Показалось: с облачных карнизов,
Полыхая красками, она
Посылала мне какой-то вызов,
Злой самовлюблённости полна.
Дескать, что ты во вселенской шири
Значишь по сравнению со мной?
Ты песчинка только в этом мире,
Где сиять мне вечной красотой.
...Очень странно друга отчужденье.
Ну, а, может, всё как встарь у нас?
Может, кто-то был не в настроенье –
Я или природа – в этот час?

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 43. В этой же –
изменённой – редакции см. стихотворение в сборнике
«Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 95)*

СОДЕРЖАНИЕ

«...ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ СТРОКОЮ...»:

СТИХИ О РОДНОМ КРАЕ

Предисловие..... 71

Часть первая: СТИХИ О РОССИИ И О РОДНОМ КРАЕ

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ.....	72
БЕРЁЗОВСКИЙ	73
В ДОРОГЕ	74
В ТАЙГЕ.....	75
В РОДНЫХ МЕСТАХ	75
«Ручейки просёлочных тропинок...»	76
ГРАММАТИКА НОВОГО	77
ВСЁ ДЛЯ МИРА.....	77
РОДНЫЕ ПРОСЁЛКИ	78
НА РАЗЪЕЗДЕ.....	79
«Наш город в обыденном стиле...»	79
НАША ТРИБУНА	80
ТРОПКА	80
МОЙ РОДИМЫЙ КРАЙ	81
НАША РАДОСТЬ	81
ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ	81
СВЕРСТНИКАМ	82
Я ПРИВЁЗ...	82
РОССИЯ	83
СОЛНЦЕ (<i>Сыну Вове</i>).....	84
СОВЕТСКАЯ УЛИЦА	84
УЛИЦА СОВЕТСКАЯ.....	86
«Новый день! Он будет долог...»	87
«Новый день! Он будет долог...»	88
ЗАРЕВО	89
ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ	89

Часть вторая: СТИХИ О ПРИРОДЕ

«Когда с людьми испорчу отношенья...»	90
АВГУСТ (<i>Август – праздничного облика...</i>)	90
НА ПРОЩАНИЕ	90
«Лежу в траве на берегу пологом...»	90
«Сибирская природа прихотлива...»	91
НА ЗАКАТЕ	91
«Обогнув тальник, полянку...»	91
«В серебристом, чистом инее...»	92
«У глянцево накатанной дороги...»	92
«Белоснежные, ядрёные...»	92
«Золотой лучистый колос...»	93
ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ	93
ПРЕДЗИМЬЕ.....	94
«За селом, где стога...»	94
«Бор – зелёная обитель...»	94
ПРЕДВЕСЕННЕЕ	95
«Всё жарче солнце...»	95

ЯГОДЫ	95
ЯГОДЫ	96
«Вижу с поля, где роса ещё...»	96
«Зима светло и без корысти...»	97
РАССВЕТ В ГОРАХ	97
РАССВЕТ В ГОРАХ	97
РЖАНОЕ ПОЛЕ	98
ТОПОЛЬ ПОД ОКНОМ.....	98
ТОПОЛЬ ПОД ОКНОМ.....	99
«От мороза сторожка ёжится...».....	99
ПОЛОВОДЬЕ.....	100
ПОЛОВОДЬЕ.....	100
МАЙСКИЙ СНЕГ	101
«Метёт коварная метелица...»	101
«В снежных шубах ели, пихты...».....	101
«Да, нынче дней засушливых в избытке...»	102
ЗАСУХА (<i>Да, нынче дней засушливых...</i>)	102
ЗАПОЗДАЛАЯ ВЬЮГА	103
«Зорьки первый мазок...».....	103
ЧУДЕСНАЯ ПОРА.....	103
ЧЕРЁМУХА	104
БЕРЁЗКА (<i>Сколько раз берёзка возле прясла...</i>)	104
«Сколько раз берёзка возле прясла...».....	104
«Сколько раз берёзка возле прясла...».....	105
БАБЬЕ ЛЕТО (<i>Речка светится латунью...</i>)	105
«Речка светится латунью...»	106
АПРЕЛЬ.....	106
ПЕРЕПЁЛКА.....	107
ПЕРЕПЁЛКА.....	107
«Рисует мудрая природа...»	107
«Рисует мудрая природа...»	108
«Ясна, чиста заката алость...».....	108
«Ясна, чиста заката алость...».....	108
А ЕЙ НЕ ЛЕГЧЕ	109
ЛЕТО (<i>Бездонно в небе вольном и высоком...</i>)	109
«С давних лет с природою мы дружим...»	110
«С давних лет с природою мы дружим...»	111

**Михаил
Небогатов**

**ЛЮБОВНАЯ
ЛИРИКА**

«МОЯ ЛЮБОВЬ – КАК СВЕТ В СУДЬБЕ...»

СТИХИ О ЛЮБВИ

*Мария Ивановна и Михаил Александрович
Небожатовы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составить этот сборник было и легко, и трудно. Легко – потому что Михаил Небогатов был признанным лириком. Многим читателям он именно этим полюбился и запомнился. Трудно – потому что лирических стихотворений – множество, и выбрать лучшие из лучших – задача непростая. У поэта не было, наверно, ни одного сборника, в котором бы не печатались стихи о любви, а один, вышедший в 1961 году, так и назывался – «Лирика».

Любовная лирика бывает, если можно так выразиться, безадресной. Это когда стихи написаны не кому-то конкретно, а посвящены вообще женщине, любимой и любящей. Чего не скажешь о Небогатове. У него, как раз, была Женщина – его жена, подруга, муза, единственный источник его вдохновения – по имени Мария Ивановна. С ней он прожил почти 45 лет, воспитал троих детей. Ей и посвящены самые щемящие, берущие за душу строки.

Но... тем и хороши стихи о любви, что, написанные для одной, единственной, любой другой женщиной воспринимаются, как обращённые только и именно к ней.

Любовь – даже неразделённая – это чувство, без которого сама жизнь была бы бессмысленной. Это понятие настолько широко и всеобъемлюще, что говорить о нём можно бесконечно. А так, как говорил о любви Небогатов, не говорил, пожалуй, никто.

Пересказывать полюбившиеся стихи ни к чему. Лучше открыть книгу и... начать читать.

В этом сборнике, как и в сборнике стихов о войне, покажу стихотворения в разных вариантах, чтобы было видно, как работал поэт над словом.

Автор-составитель.

***

Как сказать об этом покороче?
Заглянул в глаза – и как в хмелю.
Синей ночью в звёздном многоточье
Лишь одно мне чудится: люблю.
Сговорилось словно всё на свете –
И машины, шинами шурша,
И берёз безлиственные ветви
В шуме ветра шепчут: хороша.
Что случилось – сам не понимаю.
Стал весь мир по-новому пригож...
Счастлив я, что ты, моя родная,
На одной земле со мной живёшь.
1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 115. Такая же редакция в сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 88)

***

Как сказать об этом покороче?
Заглянул в глаза – как во хмелю.
Синей ночью в звёздном многоточье
Лишь одно мне чудится: «Люблю».
Что случилось – сам не понимаю.
Стал весь мир по-новому пригож...
Счастлив я, что ты, моя родная,
На одной со мной земле живёшь.
1957

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 116. В этой же редакции – в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 141. Только в третьей строчке первого четверостишия допущена ошибка: вместо «Синей ночью...» напечатано «Синею ночью...»)

НЕЖНОСТЬ

Бывает состояние души
Какое-то почти необъяснимое,
Когда тебе все люди хороши
И все милы,
Особенно – любимая.
И в этот миг душевной высоты –
К любимой нежность
Чувствуешь до боли ты...
Та нежность –
Словно свежие цветы,
Что чистою водою
Щедро политы.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 30)

***

Бывает состояние души
Какое-то почти необъяснимое,
Когда тебе все люди хороши
И все милы,
Особенно – любимая.
И в этот миг душевной высоты –
К подруге нежность
Чувствуешь до боли ты...
Та нежность –
Словно свежие цветы,
Что чистою водою
Щедро политы.

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 89)

***

Хорошей, славной называю,
А разобраться – что к чему,
За что люблю тебя? Не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.
Но как нужна ты мне, отрада!
Нужна, как парус кораблю.
И в чём тут суть – гадать не надо.
Люблю – и всё. Как мир, люблю.
Будь в облаках он, будь он в звёздах,
Он – вечной радости родник.
Не объяснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.
1951

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 88. Эта же редакция в сборниках «Моим землякам», 1958 г., с. 87 и «Свет в окне», 1969 г., с. 147)

***

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Хорошей, славной называю.
А разобраться, почему,
За что люблю тебя, не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.
Но будь в тумане мир, будь в звёздах,
Ты – вечной радости родник...
Не объяснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.
(1957–76)

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 110. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 138)

***

Хорошей, славной называю.
А разобратся, почему,
За что люблю тебя – не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.
Но будь в тумане мир, будь в звёздах,
Ты – вечной радости родник.
Не объяснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 94)

***

Смолоду друг друга не жалели,
Принимая злой и гордый вид,
Мучались, бывало, по неделе
От случайных маленьких обид.
Нынче нас не разольёшь водою,
Вот когда помолодеть бы вновь...
Очень жаль, что не одной тропею
В жизнь вступают мудрость и любовь.

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 33. Эта же редакция в сборнике «Свет в окне», 1969 г., с. 144, только добавилась дата создания стихотворения – 1959-й год. Начиная со сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 88, изменилось написание слова «мучались»: стало, по изменившимся нормам языка, «мучились». Эта же редакция сохранилась и в следующих сборниках: «Земной поклон», 1976 г., с. 123; «Перепёлка», 1988 г., с. 93 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 144)

***

М. Н.

Как быстро мчатся дни за днями!
Как неизменна их череда!..
Километровыми столбами
Мне представляются года.
Сперва мы их не замечаем,
Не до того вначале нам.
Потом как праздник свой встречаем
И... привыкаем к тем столбам.
Хоть расстояние между ними
На всём, на всём пути одно, –
Чем дальше, тем неуловимей,
Короче кажется оно...
С какою радостью когда-то
Я шёл к двадцатому столбу,
Летел к нему мечтой крылатой
С надеждой в светлую судьбу!
Я песней звонкой спорил с ветром.
Так жить спешил!
И вот уже

Я за тридцатым километром,
На новом дальнем рубеже...
Ну что ж. Пока что нет причины
Впадать в непрошенную грусть.
Пусть прибавились морщины,
Глаза чуть-чуть поблёкли. Пусть!
Но зренье зорче. Ум трезвее.
И вдохновения огонь
Горит в груди ещё живее.
Как прежде, сердце только тронь –
Тотчас в нём точно чуткий порох
Мгновенным вспыхнет вдруг огнём,
И звёздный свет, и листьев шорох –
Всё отзовется песней в нём!
Большое счастье – день свой каждый
Встречать трудом – едва рассвет, –
Чтоб, по земле пройдя однажды,
На ней оставить добрый след.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 87)

***

Как быстро мчатся дни за днями,
Скрываясь в прошлом навсегда!..
Километровыми столбами
Мне представляются года.
Сперва мы их не замечаем,
Не до того вначале нам.
Потом, как праздник свой, встречаем
И... привыкаем к тем столбам.
Хоть расстояние между ними
На всём, на всём пути одно, –
Чем дальше, тем неуловимей,
Короче кажется оно...
С какою радостью когда-то
Я шёл к двадцатому столбу,
Не шёл – летел мечтой крылатой
С надеждой в светлую судьбу!
Я песней звонкой спорил с ветром.
Так жить спешил!

И вот уже

Счёт потерял я километрам
На новом дальнем рубеже...
Ну что ж. Пока что нет причины
Впадать в непрошенную грусть.
Пусть прибавились морщины,
Глаза чуть-чуть поблёкли. Пусть!
Но зренье зорче. Ум трезвее.
И вдохновения огонь
Горит в груди ещё живее.
Как прежде, сердце только тронь –
Тотчас в нём, точно чуткий порох,

Мгновенно вспыхнет вдруг огнём,
И звёздный свет, и листьев шорох –
Всё отзовется песней в нём!
Большое счастье – день свой каждый
Встречать трудом – едва рассвет, –
Чтоб, по земле пройдя однажды,
На ней оставить добрый след.

(Из сборника «Моим друзьям», 1958 г., с. 77)

***

Как быстро мчатся дни за днями,
Скрываясь в прошлом навсегда!..
Километровыми столбами
Мне представляются года.
Сперва мы их не замечаем,
Не до того вначале нам.
Потом, как праздник свой, встречаем
И... привыкаем к тем столбам.
Хоть расстояние между ними
На всём, на всём пути одно, –
Чем дальше, тем неуловимей,
Короче кажется оно...
С какою радостью когда-то
Я шёл к двадцатому столбу,
Не шёл – летел мечтой крылатой,
Предвидя светлую судьбу!
Я песней звонкой спорил с ветром.
Так жить спешил!

И вот уже

Счёт потерял я километрам
На новом дальнем рубеже...
Ну что ж. Пока что нет причины
Впадать в непрошеную грусть.
Пускай прибавились морщины,
Глаза чуть-чуть поблёкли. Пусть!
Но зренье зорче. Ум трезвее.
И вдохновения огонь
Горит в груди ещё живее.
Как прежде, сердце только тронь –
Тотчас в нём, точно чуткий порох,
Мгновенно вспыхнет вдруг огнём,
И звёздный свет, и листьев шорох –
Всё отзовется песней в нём!
Большое счастье – день свой каждый
Встречать трудом – едва рассвет, –
Чтоб, по земле пройдя однажды,
На ней оставить добрый след.

(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 67. Немного изменилась редакция, в том числе, слово «непрошеную» «потеряло» одну букву «н» в соответствии с нормами языка)

***

Опять в саду цветёт сирень...
Друзья! Моё вам пожеланье:
С любимой каждый новый день
Встречать, как первый день свиданья.
Не знать до старости разлук,
Оберегать сердца от скуки
И так ценить своих подруг,
Как будто завтра – день разлуки.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 89. См. также сборник «Моим землякам», 1958 г., с. 90. Начиная со сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 148, во всех последующих сборниках после слов «как первый день свиданья» место точки заняла точка с запятой (;). Вот эти сборники: «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 94; «Земной поклон», 1976 г., с. 145; «Перепёлка», 1988 г., с. 96; «Вечерние огни», 1989 г., с. 82 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 130)

***

Если выпадет счастье такое –
С человеком хорошим дружить,
Позабудь о беспечном покое,
Будет трудно и радостно жить:
Под дождём ли, под снежной порошей
Добиваться всей жизнью того,
Чтоб ценил тебя друг твой хороший
Точно так, как ты ценишь его.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 98. В этой же редакции см. стихотворение в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 57)

СЧАСТЛИВАЯ

Ей нельзя назвать красивой,
Но так и светится она
И чувствует себя счастливой –
Всё оттого, что влюблена.
Иная слёзы льёт в подушку,
А ей легко: есть в мире тот,
Кто лишь её, для всех дурнушку,
Своею милою зовёт.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 62. См. ещё сборники «Перепёлка», 1988 г., с. 95 и «Времени река», 1991 г., с. 80)

БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ

Тебя за то благодарю,
Что полон мир большим значеньем,
Что я навстречу январю
Иду с весенним ощущеньем.
За то, что доброе творю,
Что не знаком я с чёрной злобой,
Что не кичусь своей особой,
Благодарю, благодарю.
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 137. Эта же редакция в сборнике «Перепёлка», 1988 г., с. 92, только слово «не знаком» напечатано слитно и название заменено «звёздочками». В такой же – последней – редакции стихотворение помещено и в сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 154)

В РАЗЛУКЕ

Весь город спал, в молчанье погружён.
И я устал, но прочь умчался сон,
Лишь я подумал: милая моя –
В другом краю... Один сегодня я.
Опять один с тоской наедине.
И не найти забвения во сне...
Я закурил и вышел на крыльцо,
Дохнула полночь свежестью в лицо.
Над крышами домов, над тишиной
Сиял, мерцая, чистый звёздный рой.
Как там светло, в далёкой вышине!
Как ясно улыбались звёзды мне!
И вдруг одна из дружной их семьи
Там, далеко от сумрачной земли,
Оторвалась, упала в темноту,
И, яркая, пропала на лету.
А звёздный рой по-прежнему гудел,
Мерцал огнями! С грустью я глядел
На небеса, туда, где без следа
Сгорела неизвестная звезда...
«Вот так и всё не вечно, – думал я, –
И радость, и печаль, и жизнь моя...»
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 143. См. эту же редакцию в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 158)

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они.
– Здравствуй! – Здравствуй!
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
Нет, никто бы не смог помешать им,
Только каждый припомнил семью –
И лишь долгим и тёплым пожатьем
Тихо выразил нежность свою.
– Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.
«Для меня ты всегда молодая!» –
Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню далёкие дни!..»
Словно парень и девушка, рядом
Как-то робко стояли они.
Их толкали. И птицы галдели.
И визжали вблизи тормоза.
А они всё стояли, глядели,
Всё глядели друг другу в глаза.
И была эта радость печальной,
Потому что, душою сродни,
Благодарные встрече случайной,
Вновь надолго прощались они...
1965

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 150)

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они.
– Здравствуй! – Здравствуй!
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
Нет, никто бы не смог помешать им,
Только каждый вдруг вспомнил семью –
И лишь долгим и тёплым пожатьем
Тихо выразил нежность свою.
– Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.
«Для меня ты всегда молодая!» –

Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню далёкие дни!..»
Словно парень и девушка, рядом
Как-то робко стояли они.
Их толкали. И птицы галдели.
И визжали вблизи тормоза.
А они всё стояли, глядели,
Всё глядели друг другу в глаза.
И была эта радость печальной,
Потому что, душою сродни,
Благодарные встрече случайной,
Вновь надолго прощались они...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 81. Эта же редакция в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 101 и «Времени река», 1991 г., с. 81)

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они.
– Здравствуй! – Здравствуй!
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
– Как живёшь? – Да уж видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.
«Для меня ты всегда молодая!» –
Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню далёкие дни!..»
Словно парень и девушка, рядом
Долго, молча стояли они.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 109. Изменения очевидны – стихотворение сокращено, изменена строчка после слов «Словно парень и девушка, рядом...»)

ЛЮБЛЮ

Капризов
И кокетства,
И жеманства
Я не терплю.
Я простоту
Люблю.
За постоянство –
Тебя люблю.
Порой красы

Холодное
Блистанье
Равно нулю.
Люблю сердечность,
Нежность,
Обаянье –
Тебя люблю.

*(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 28. См. также
сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 135)*

***

Гляжу в лицо твоё простое,
Что свято вечной красотой:
В нём – жизни счастье молодое,
В нём – образ Родины самой.
Видна в чертах лица простого
России добрая душа:
То лучезарна, то сурова,
Но неизменно хороша!
1949–53

*(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 130. Эта же
редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с.
138)*

ЛЮБОВЬ

Когда, лучом последним озарённое,
Порозовеет облака крыло,
Рука в руке, любовью опьянённые,
Они вдвоём уходят за село.
Уже земля оделась в пурпур, в золото,
Цветисто-ярок осени наряд.
А их сердца и радостно, и молодо
Согласно бьются с Родиной в лад.
Пусть журавлиный крик прощальный слышится
И пахнет прелью, сыростью лесной,
А им легко и любится, и дышится,
Им даже осень кажется весной!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 62)

СЕРДЦЕ ВЕСТЬ ПОДАСТ...

Если далеко мы друг от друга, –
Пыль дорог меж нами или наст, –
В час душевной боли, в час недуга,
Знаю: сердце сердцу весть подаст...
Вот опять сдержать не в силах вздоха.
Так тоскливо. Так не по себе.

Не пойму и сам, с чего мне плохо.
Видно, плохо в этот миг тебе.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с.33. Эта же редакция в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 94 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 132, только название заменено «звёздочками»)

***

Много в мире прекрасного,
Что сравнится с тобой...
Вроде солнышка ясного
Ты мне светишь порой.
Согреваешь улыбкою,
Невзначай, может быть...
Но не будет ошибкою
Со звездою сравнить.
С той, что слушает клёкоты
Перелётных гостей –
Так порою далёко ты
От дороги моей...
Всей душой своей чуткою
В дни разлуки скорбя,
С полевой забудкою
Рад сравнить бы тебя.
Посмотрю я – и легче мне,
Твёрже, радостней шаг...
Только сравнивать не к чему,
Ты прекрасна и так.
Пусть всегда меня радуют

Солнце, звёзды, цветы –
Всё же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.
Без тебя я безроднее,
Чем цветок на лугу...
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!
Не пустую небесную
Полюбил я красу,
А земную, телесную –
Всю, как есть тебя. Всю!
С каждой складкой на платъице
Полюбил навсегда.
Складки завтра же сгладятся,
Образ твой – никогда!
С чем тебя я ни сравнивай,
И о чём я ни пой,
Всё, что в мире есть славного,
Всё сравнится с тобой.
1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 116)

***

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Много в мире прекрасного,
С чем сравнить бы тебя.
Вроде солнышка ясного
Ты мне светишь любя.
Согреваешь улыбкою,
Невзначай, может быть...
И не будет ошибкою
Со звездою сравнить.
С той, что слушает клёкоты
Перелётных гостей –
Так порою далёко ты
От дороги моей...
Пусть всегда меня радуют
Солнце, звёзды, цветы, –
Всё же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.

Без тебя я безроднее,
Чем стожок на лугу...
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!
Гляну в очи – и легче мне,
Твёрже, радостней шаг...
Вижу: сравнивать не к чему,
Ты прекрасна и так.
С чем тебя я ни сравнивай,
И о чём я ни пой,
Всё, что в мире есть славного,
Всё роднится с тобой.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 89. Стихотворение стало короче на три четверостишия, многие слова заменены другими, кое-где изменилась пунктуация. В этой же редакции, только с добавлением даты создания (1953), можно прочитать это стихотворение и в сборнике «Земной поклон», 1976 г., с. 113. Такая же редакция, как в сборнике «Спасибо сентябрю», и в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 140)

***

Много в мире прекрасного,
С чем сравнить бы тебя.
Вроде солнышка ясного
Ты мне светишь любя.
Согреваешь улыбкою
Невзначай, может быть...
Но не будет ошибкою
Со звездой сравнить.
С той, что слушает клёкоты
Перелётных гостей –
Так порою далёко ты
От дороги моей...

Пусть всегда меня радуют
Солнце, звёзды, цветы, –
Всё же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.
Без тебя я безроднее,
Чем стожок на лугу...
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!
С чем тебя я ни сравнивай,
И о чём я ни пой,
Всё, что в мире есть славного,
Всё роднится с тобой.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 95. Такой же вариант, как и в предыдущем сборнике, лишь одна строка: «Но не будет ошибкою...» – из первой редакции, да запятая после фразы «Согреваешь улыбкою...» исчезла. Видимо, следующее слово – «невзначай» – перестало быть обособленным)

***

Далеко ты, милая, далёко...
Но, как прежде, сердцу ты близка.
Видишь солнце, вставшее с востока?
Это – нежность и моя тоска.
Всякий раз, лишь брызнет луч в оконце,
Я ревниво думаю о том,
Что к тебе уходит наше солнце,
Чтоб с приветом заглянуть в твой дом.
И когда лучи его, лаская,

Тихо лягут на твоё плечо,
Знай, родная, помни, дорогая:
Это я целую горячо.
Далеко ты. Будто за границей...
Но встаёт с востока алый свет –
И кружится огненной птицей
Над тобой мой солнечный привет.
1946-1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 123. Эта же редакция в сборнике «Моим землякам», 1958 г., с. 84, только уже без третьего четверостишия)

***

Как горько мне, когда болеешь ты,
Дней не бывает более унылых.
Не замечаю мира красоты.
Как будто сам больной я. Всё немило.
Чтоб ты спала спокойно эту ночь,
От невесёлых мыслей отвлекаю.
Стараюсь, чем могу, тебе помочь,
А как получше сделать всё – не знаю.
Осенний вечер, как от слёз, промок,
На окнах что-то дождиком малюя...
Нет, пережить тебя не дай мне бог –
Лишь об одной судьбу свою молю я.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 141. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 156)

***

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутой минута,
Тоскливое молчание храня.
Беспомощная, маленькая вроде,
Свернулась, спишь. В квартире тишина...
Что делается в мире и в природе –
Не ведаешь, вся в сон погружена.
Не мне ли знать, как за день ты устала,
А на сердце тревожно, хоть буди:
Мне кажется, что жить ты перестала,
Что нет уже дыхания в груди.
И так услышать голос твой мне надо,
И так сильна душевная гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь сонные глаза...

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 91)

***

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.
Не мне ли знать, как за день ты устала,
А на сердце тревожно, хоть буди:
Мне кажется, что жить ты перестала,
Что нет уже дыхания в груди.
И так услышать голос твой мне надо,
И так сильна душевная гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь сонные глаза...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 130. В этой же редакции, без второго четверостишия, в сборниках: «Вечерние огни», 1989 г., с. 118 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 147)

***

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.
И так услышать голос твой мне надо,
И так сильна душевная гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь сонные глаза...

(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 91. В этой же редакции, укороченной ещё на одно четверостишие, стихотворение и в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 40)

***

Любви экзамен – краткая разлука.
Коль хорошо тебе и одному,
Подумай сам: не это ли порука
Тому, что в сердце пусто, как в дому.
Но та любовь, которая молчала
И зазвучала песней наконец,
Она – как дня весеннего начало.
Конец её – всему почти конец.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 89)

***

Нечаянно словом обидел.
Случайно сорвалось оно.
И сам же я света невзвидел –
Раскаянья сердце полно.

Давно ты забыла обиду.
И, видя, что сам я не свой,
Дивишься понурому виду:
– Ну, что ты поник головой?
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 136. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 153)

***

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Ты в первый раз уехала далёко,
Туда, где в море вольно кораблю,
И как мне стало грустно, одиноко,
И как тебя сегодня я люблю!
Припоминаю мелочи, детали,
И всё, о чём мечтали в тишине,
Какие книги вместе прочитали,
Что в день рожденья ты дарила мне.
Нет и следа от вздорного, плохого,
Осталось лишь хорошее со мной –
Твоя улыбка, ласковое слово,
И добрый взгляд, и голос твой родной.
Со стороны как будто я увидел
Обоих нас. И злюсь я на себя,
Что вот тогда-то я тебя обидел,
Что говорил с тобой, в сердцах грубя.
Припомнив все успехи, неудачи,
Что нас сроднить успели за года,
Хочу, чтоб лучше было всё, иначе,
Чтоб ссор, обид не знать нам никогда.
Ведь даже просто маленькая стычка
Проводит в жизни чёрную межу...
Пуускай считают, что любовь – привычка.
Хорошая привычка, я скажу!

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 40)

***

Ты в первый раз уехала далёко,
Туда, где в море вольно кораблю,
И как мне стало грустно, одиноко,
И как тебя сегодня я люблю!
Припоминаю прошлого детали:
Как встретились впервые по весне,
Что видели в кино, что прочитали,
Что в день рожденья ты дарила мне...
Нет и следа от вздорного, плохого,
Осталось лишь хорошее со мной –
Твоя улыбка, ласковое слово,
И добрый взгляд, и голос твой родной.

Со стороны как будто я увидел
Обоих нас. И злюсь я на себя,
Что вот тогда-то я тебя обидел,
Что говорил с тобой, в сердцах грубя.
Припомнив все успехи, неудачи,
Что нас сроднить успели за года,
Хочу, чтоб лучше было всё, иначе,
Чтоб ссор, обид не знать нам никогда.
Ведь даже просто маленькая стычка
Проводит в жизни чёрную межу...
Пуускай считают, что любовь – привычка.
Хорошая привычка, я скажу!
1965

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 145. В этой же редакции, только уже под названием – «О привычке» – стихотворение напечатано в сборниках «Земной поклон», 1976 г., с. 124 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 145)

***

Долго ль будем мы порознь томиться,
Урезонивать сердце «терпи»?..
Всё равно от любви не укрыться,
Как от солнца в открытой степи.
Погляди в эти дальние дали,
В степь, умытую тёплым дождём.
Всё, что мы в одиночку искали,
Может, вместе быстрее найдём.
Перед нами большая дорога –
Счастье жизни и радость труда.
Никогда я тебя, недотрога,
Не обижу теперь, никогда!
Перестань же грустить вечерами,
Выходи на дорогу скорей.
Я нашёл бы тебя за горами,
А сейчас я стою у дверей!

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 90)

***

Долго ль будем мы порознь томиться,
Урезонивать сердце «терпи»?..
Всё равно от любви не укрыться,
Как от солнца в бескрайней степи.
Погляди в эти дальние дали,
В степь, умытую тёплым дождём.
Всё, что мы в одиночку искали,
Может, вместе быстрее найдём.
Перед нами большая дорога –
Счастье жизни и радость труда.
Никогда я тебя, недотрога,

Не обижу теперь, никогда!
Перестань же грустить вечерами,
Выходи на дорогу скорей.
Я нашёл бы тебя за горами,
А сейчас я стою у дверей!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 85)

***

Долго ль будем мы порознь томиться,
Урезони(ва)ть сердце: «Терпи!..»
Всё равно от любви не укрыться,
Как от солнца в бескрайней степи.
Погляди в эти дальние дали,
В степь, умытую тёплым дождём.
Всё, что мы в одиночку искали,
Мы с тобою быстрее найдём.
Будь несчётные вёрсты меж нами,
Будь огромные шири морей –
Я нашёл бы тебя за горами,
А сейчас я стою у дверей.

(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 142. Изменения очевидны, досадно только, что в той книге есть опечатка: слово «урезонивать» «потеряло» «-ва-». Ох, уж эти опечатки!..)

***

Как всегда бывает при разлуке,
Не находишь в сердце нужных слов,
Жмёшь, волнуясь, ласковые руки,
Задержать не в силах ход часов...
В этот миг безмолвного прощанья
Говорит за нас сама любовь.
Что пред ней пустые обещанья?
Верю я, что встретимся мы вновь.
...Я один останусь на перроне,
Дым и стук растают, далеки.
И остынут рельсы, как в ладони
Лёгкий трепет ласковой руки.
Кто предскажет жизни нашей сроки?..
Но всегда и всюду образ твой
Будет жить со мной.

А эти строки

Пусть лежат опавшею листвою.
Пусть они осеннею порою
Нас обоих к юности вернут.
И опять мы встретимся с тобою,
Вспомним жизнь за несколько минут.

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 122)

КАК СКАЗАТЬ МНЕ

Обо всём я могу рассказать –
О речном перекате,
И какая в лесу благодать
На июньском закате,
Как бушует, ярится пурга,
Жуть ночами наводит,
Как весной затопляет луга
Синевой половодье,
Как трепещет в лучах стрекоза,
Вся пронизана светом...
Но гляжу я в родные глаза –
Как сказать мне об этом?
Все слова замолчали в ответ,
Все – подобие дыма...
Никогда мне не выразить, нет,
Как ты мною любима!

1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 135. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 152, только не стало запятой в конце второй строчки)

***

Как я скучаю по тебе,
Грущу, не видясь.
Моя любовь –
Как свет в судьбе,
С тобой я – витязь...
Пришла! И полднем голубым
Стал вечер тёмный.
Наполнен образом твоим
Весь мир огромный.
И сколько солнца средь зимы,
И счастья сколько!..
А и не виделись-то мы
С утра лишь только.
1974–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 140. То же самое в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 155)

С ГОДАМИ...

Тебя, мою хорошую, родную,
С кем прошагал немалый путь земной,
Случается, мучительно ревную
К сопернику, придуманному мной.
Он – дым, воображение, и всё же
Я с ним порою в мысленной войне...
С годами дорогое нам дороже,
Любимое – любимее вдвойне.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 34. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 134)

***

Ты помнишь вечер в ноябре?
Как был он ярок!
Весь в снежных искрах, в серебре,
Весь – как подарок.
Нам улыбались фонари,
Став у обочин.
Сказала ты: – Смотри, смотри!
Красиво?..

– Очень!

Вокруг, пушисты и легки,
Послы метели, –
Снежинки, словно мотыльки,
На свет летели...
Так был красив тот карнавал,
Тот снежный хаос,
Что в нём, казалось нам, звучал
Крылатый Штраус...
От многих, пройденных уже,
Дорог, тропинок,
Остался песнею в душе
Полёт снежинок...

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 90. Та же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 139. А в сборнике «Земной поклон», 1976 г., с. 111 – то же самое, только добавилась дата создания стихотворения – «1950»)

***

Нехорошая нынче весна:
Сыро, холодно... Просто досада!
Сядем вместе вот здесь у окна.
При тебе мне и солнца не надо.
Может, снег порошит за окном,
Может, дождик... Какое мне дело:
Вижу счастье во взгляде твоём,
На других ты – уверен я в том –
Никогда ещё так не глядела...
Я сегодня всю ночь не усну.
...И не раз под ноябрьской порошей,
Вспомнив хмурую эту весну,
Назову её самой хорошей.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 91. Эта же редакция в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 131. В сборнике «Земной поклон», 1976 г., с. 115 – всё то же самое, лишь добавилась дата создания стихотворения – «1957»)

***

Как это славно и мудро –
Судьбы смогли мы связать.
Есть кому «Доброе утро!»,
Встав на рассвете, сказать.
Есть кого помнить в разлуке,
Чтобы душой просветлеть,
В стужу озябшие руки
Нежно своими согреть.
Есть кого силой мужскою
И защищать, и беречь...
Радуюсь встрече с тобою –
Самой счастливой из встреч.
Ты – моя боль и награда,
Ты – моя совесть и честь.
Всё, что для сердца мне надо,
В милой, единственной есть.
1973

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 131. То же самое – в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 155, но без указания даты создания стихотворения)

***

– Опять не спал ты ночь... –
И ласков тон, и строг он.
И вмиг усталость – прочь.
Молчу в ответ, растроган.
– Нельзя же так, нельзя.
Круги вон под глазами... –
И благодарен я
Тебе, как раньше – маме.
О, женская душа!
О, вечная забота –
Теплом, добром дыша,
Любить, жалеть кого-то!
1975

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 134. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 151. По-другому выглядит только одна строчка: «О! Женская душа!»)

***

Вхожу ли в зал, где свадебное пенье,
Ночую ли в избе –
Везде и всюду, каждое мгновенье
Я помню о тебе.
Бокал ли поднимаю на пирушке,
Затерян ли в толпе,
Бессонница ли гонит от подушки –
Я помню о тебе.

В раздумье ли, в беспечности ль весёлой,
С недугом ли в борьбе –
И в радостный свой час и в час тяжёлый
Я помню о тебе.
1974–76

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 132. См. также
сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 149)*

***

Сердце вдруг заныло
Сладкой-сладкой болью:
То, что дружбой было,
Вспыхнуло любовью.
Вдруг, на удивленье, –
Раньше не бывало –
Девичье смущенье
Всем заметно стало...
Был ты другом верным,
Вдруг – у рощи белой
Поцелуем первым
Обожглись несмело.
В сердце – мир нездешний,
Весь пронизан светом.
Ты, весна, конечно,
Виновата в этом.
Ты глядишь так мило,
Ты волнуешь новью:
То, что дружбой было,
Вспыхнуло любовью!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 87)

ТВОЁ ВНИМАНЬЕ

Твоя любимая болеет,
Поблѣкли милые черты.
Никто её не пожалеет
Так нежно, ласково, как ты.
Но верь – пройдёт недомоганье,
Отступят боли, отболят...
Как важно здесь твоё вниманье
И ободряющий твой взгляд!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 30)

***

Что за наважденье –
Кажется порой:
С самого рожденья
Я знаком с тобой.
Всё нежней, сильнее

Всю тебя любя,
Говорю тебе я:
– Милая моя.
Взгляд мне затуманит
Мой последний час –
Может, сил не станет
Для каких-то фраз.
Но в потёмках света,
Грусти не тая,
Выдохну вот это:
– Милая моя...
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 149. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 161)

***

Что мне горы бесценного злата,
Что, как в песне, мне реки вина.
Повстречался с тобою когда-то –
И душа тем богатством полна.
Многолюдье бы стало пустыней,
Если б не было в жизни тебя,
День весенний, лучистый и синий,
Потускнел бы, в ненастье скорбя.
Но на самом холодном рассвете
Мне теплее от мысли одной,
Что ты есть, что живёшь ты на свете,
И не где-то, а рядом со мной.
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1984 г., с. 147. Эта же редакция в сборниках: «Перепёлка», 1988 г., с. 90 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 159)

***

От взглядов чужих вдалеке,
Берёзами, пихтами скрыта,
Неспешно идёшь ты к реке,
Родная моя Афродита.
И волны, округлость колен
Ладонками глядя несмело,
Берут в свой ласкающий плен
Твоё загорелое тело...
Потом ты сидишь на песке
И дышишь устало, глубоко.
А солнце томится в тоске,
Что так от него ты далёко.
Оно в голубой вышине,
Лучами склоняясь к Берендею,

Похоже, завидует мне:
Такой красотой владею!
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 142. См. также сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 157)

***

На виду у стройных, мощных сосен
Посидим вдвоём, поговорим
О лихой стремительности вёсен,
О слепой медлительности зим...
За рекой – закатная усталость.
Только убедились мы с тобой –
Нежность вновь рождается под старость
Вопреки усталости любой...
Вот уже и вечер синий, лунный.
И в июньской тёплой тишине
Ясно нам: душой мы оба юны.
Хорошо, легко тебе и мне.
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 146)

ПРИМЕТА

Есть примета: если в мае
С кем сроднился человек,
То, невзгоды принимая,
Будет маяться весь век.
У примет – лихая мета,
Над людьми большая власть.
Рад, что эта вот примета
В нашей жизни не сбылась...
Месяц счастья и расцвета,
Пробужденья новых сил,
Это май во мне поэта,
Став любовью, пробудил.
Это май, восстав за вьюгой,

Весь в сиянье, голубой,
Самой верною подругой
Наградил меня – тобой.
Без бодрячества замечу:
И под зимним серебром
Майский вечер, нашу встречу
Вспоминаем мы добром.
И другой судьбы не просим.
Сквозь седые декабри
Через жизнь свою проносим
Май с теплом его зари.
1974–75

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 150. Это же в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 162)

***

С днём осенним в немом поединке
Перед зеркалом, как повелось,
Ты выдёргивать стала сединки
Из каштаново-рыжих волос.
Видеть эти сединки мне больно –
След какого-то мрачного дня.
Если чем обижал, то невольно.

Знаешь это не хуже меня.
Что поделаться: и я седоватый,
Но, как в юности давней любя,
Всё равно, без вины виноватый,
Я прощенья прошу у тебя.
1974

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 133)

ПОДСКАЖИ...

Когда у нас согласие, мир –
Готов свернуть я горы.
Но целый свет и сер и сир
От самой мелкой ссоры.
Всё так немило для души,
Уюта нет в квартире...
Быть может, знаешь – подскази,
Как жить в любви и мире?

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 29)

НЕ ЗАБЫВАЙ!

Бывало в жизни нашей всяко.
Добра и лиха через край...
Полынь горчила. Но и злака
Ты тоже вкус не забывай.
Мы счастье видели друг в друге,
Как вёсны – в пенье птичьих стай.
Чтоб не бояться новой вьюги,
Ты о былой не забывай.
Когда любви, тепла, покоя
Оставит жизнь нам скудный пай –
Забудь плохое. Всё другое,
Благое всё – не забывай.
1975

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 148. См. также
сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 160)*

***

Говорю, приветствуя весну,
Не боясь счастливо повториться,
Так, как говорилось в старину:
В мире твоё имя да святится!
В нём – лучи одной моей звезды.
Сколько раз его ни повтори я,
Вновь готов твердить на все лады
Светлое и нежное: Мария.
1976

*(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 152. Также см.
сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 163)*

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Повесть в стихах

1

Всё меньше в наши дни в России
Районных тихих городков,
Где переулочки косые
Ютятся в зелени садов,
Где возле бань, за городьбою
Стоят подсолнухи кружком,
Где украшает центр собою
Единственный кирпичный дом,
Где в пору летнюю утрами,
Когда листва берёз в росе,
Подпаски, щёлкая бичами,
Проводят стадо вдоль шоссе.
Кой для кого – медвежий угол.
Нет ни дворцов, ни площадей,
Здесь огородных ветхих пугал
Едва ль не больше, чем людей...
Но как пути сюда ни долги,
Здесь жизнь кипит, своё верша,
И мчатся свадебные «Волги»,
Цветными лентами шурша.
А вечерами тишь какая!
А за окошком за любым
Планеты нашей жизнь большая
Горит экраном голубым...
И Лукичу слегка обидно,
Что жить придётся вдалеке:
Большие перемены, видно,
Начнутся скоро в городке.
Да, вскоре город ждёт известность:
Уже разведано вполне,
Чем так богата эта местность,
Что скрыто в недрах, в глубине.
Да, город будет в знатной роли,
Как говорится, хоть куда:
Театр старинный на гастроли
Приехал из Москвы сюда.
...А Клим – в Москву. Приказ в кармане.
Пора уж собираться в путь.
Пора... А сердце на аркане...
Сходить... Разок ещё взглянуть...
Вот и афиша. Возле клуба
Готов стоять он час и два...
«Светлова Л.» Неужто Люба?
О, как таинственны слова!
В который раз их смысл неведом.
Уж сколько раз за много лет,
Казалось, шёл за нею следом,
Напав совсем на ложный след.

И вновь. Артистка Л. Светлова...
Устав немного от ходьбы,
Сел на скамью... Наверно, снова
Обман, ирония судьбы.
А на афише очень внятно
Звучит: она теперь, она!
И ярки так – взглянуть приятно –
Лучи на буквах полотна.
Зайти к директору – и сразу
Сомненьям может быть конец.
Но что сказать? Какую фразу?
Вдруг это дочь твоя, отец?
Тут не уйдёшь надменным ферттом.
Слова какие-то нужны...
Нераспечатанным конвертом
Глядит афиша со стены.

2

Фойе полным-полно народом.
От возбужденья точно пьян,
Он то и дело мимоходом
В кругу знакомых горожан
Беседу сводит на Светлову:
Как звать, как выглядит она?
– А что?
– Да так спросил я, к слову...
Все говорят, что недурна.
– Что ж, поглядим... И всяк при этом
Начнёт расспрашивать тотчас:
– А Вы, Лукич, по всем приметам
Дела закончили у нас?
– Да, уезжаю... До чего же
Клуб равнодушья полон к ней!
Ведь интерес у них, похоже,
К делам профессии твоей...
Среди знакомых – шёпот, слухи:
Уж не случилось ли чего?
Лукич решительно не в духе,
Как подменили вдруг его.
Отъездом, видимо, расстроен.
Не год, не два он жил у нас.
Всегда был сдержанно-спокоен,
А чем взволнован он сейчас?
Влюбился, может, не шутейно?
Известно: Клим Лукич Кузьмин –
Бобыль. Бездетный. Бессемейный.
Как говорят, кругом один...
Билет был взят поближе к сцене,
Чтоб зренье вдруг не подвело.
Лукич дивился перемене:
От сердца вроде отлегло.
Не раз случалось так и прежде:

Отыщет след – и сам не свой.
А там, глядишь, конец надежде,
Не дочь, а кто-нибудь другой.
Решил не мучиться напрасно,
Пока... Пока не встретит сам.
Но встретить было бы ужасно,
Под старость людям не до драм.
Забыть хотя б минуты на три
Себя, её, слова афиш.
Представь, как будто не в театре,
А на собрание ты сидишь.
Сидишь и просто ждёшь доклада,
И волноваться нет причин.
Смотри, как будто так и надо,
На лица женщин и мужчин.
Кивай в ответ на их поклоны...
Как на мужей своих любя
Глядят взволнованные жёны!
А кто посмотрит на тебя?
Познал ли ты хоть половину
Того, что в жизни им дано?
Давно к погоде ломит спину,
Седые волосы – давно...
Поправь-ка юности ошибки,
Когда уж близится причал...
Он на кивки и на улыбки
Едва заметно отвечал.
Сейчас начнут. Вздохнул свободно.
Но дочь узнать... Та мысль страшна.
«Пусть лучше будет... кто угодно,
Но только, только не она!»

3

Нет, в первом акте, слава богу,
Светловой нет... Седой, в очках,
Он, снова чувствуя тревогу,
Листок программки мнёт в руках.
Вот-вот она на сцену выйдет.
Как будто ярче вспыхнул свет.
Неужто он сейчас увидит
Того, кто тайна стольких лет?
Идёт! Мантилья, веер, шляпа...
Лукич спеша очки протёр...
На громкий возглас: «Здравствуй, папа!»
Подходит к ней отец – актёр.
Так вот какая ты, Светлова!
С тобой иль нет его родство?..
Он верил: встретит – и готово,
Узнает сразу. А кого?
Кого сейчас узнать он может
Вот в этой девушке чужой?
Пусть это Люба. Ну и что же?

Не ближе ты, чем тот, другой.
Тот ей отец – по роли в пьесе.
А у тебя какая роль?
Лукич едва держался в кресле –
Такая в грудь вонзилась боль...
На сцене с видом беззаботным
Смеялась, пела чья-то дочь.
Уйти!.. Вдруг жестом мимолётным,
Как в ком-то видел он – точь-в-точь –
Опять артистка приковала
К себе вниманье Лукича.
Он этот жест любил, бывало,
Капризный жест – рывок плеча.
А жест ли? Нет, не в нём тут дело,
С ним чей-то образ в сердце жив.
Какая девушка смотрела
Вот так же – голову склонив?..
Он снял очки. И не мигая
Застыл. В глазах кругами мгла.
Да! Это Люба! Дочь родная!
Так только мать смотреть могла.
Ну, не кощунственно ли было
Безбожно врать ему со зла?
(Однажды Лена сообщила,
Что дочь от кори умерла).
Но есть ещё молва людская.
И на десятый только год
Узнал он: Люба, дочь – живая,
Лишь неизвестно, где живёт.

4

Те дни встают сегодня зримо,
Как за прозрачную слюдой:
Отлогий берег, солнце Крыма,
И встреча с Леной. Молодой.
Нередко в том, что станет горем,
Мы видим счастье впопыхах...
Он от неё, любуясь морем,
Остановился в трёх шагах.
На берег шла волна прилива.
Всё ближе, ближе пенный вал.
За ним – ещё. – О, как красиво! –
Клим звонкий голос услышал.
Красиво было, в самом деле:
Шли волны, берегу грозя...
Потом она и он сидели
В беседке рядом, как друзья.
Синел высокий звёздный полог.
Мерцал на море бледный свет.
– Вы не поэт?
– Нет, я геолог.
А почему же вдруг – поэт?

– Такой мечтательный мужчина.
Всегда один...
– И вы одна.
– Ну, я... На это есть причина.
Я просто трауру верна.
– Как? Траур?
– Что же здесь такого?
... Был муж. Он умер год назад.
Теперь она – вдова Светлова.
– А вы?
– Пока что не женат.
И замолчали. Ночь, цикады,
Чуть слышный шёпот волн морских,
Само молчание и взгляды –
Всё, всё спешило сблизить их...
Он ясно помнит ту беседку
И то, как Лену изучал:
Её он видел, словно ветку,
А что за дерево – не знал.
Как он Еленой любовался!
Её лицом, фигурой всей.
Он даже сам себе казался
Красивым очень рядом с ней.
Каким верна она заветам,
Чем занята её душа –
Едва ли думал он об этом,
Он видел только – хороша...
Шло время. Чувства их прибоем
Всё нарастали, в плен беря.
Уж было ясно им обоим:
Случилась встреча их не зря.
И если так – ну, так, конечно! –
То что ж о главном мы молчим?
Ведь ей вдовою быть не вечно,
Ему – не вечно холостым.
Но... Это «но» он почему-то
Тогда, в горячке, проглядел:
Она ушла из института...
Как говорится, не удел...
Живёт у папы иждивенкой.
И, по её словам, отец
Своею Ленкой-несравненной
Доволен. Папа – военспец...
Ну, что ж, подыщем в жизни дело!
Открыт нам ныне путь любой...
Она ждала. Она хотела,
Чтоб он позвал её с собой.
... Однажды, в жаркий день, на пляже
Сказал он: – Скоро уезжать...
Елена вздрогнула: – Когда же?
И по глазам он мог понять –
Она спросила об отъезде,
В глазах же был другой вопрос:

Когда мы снова будем вместе?
Иль наша встреча – не всерьёз?
По лебединой нежной шее,
Загаром тронутой чуть-чуть,
С волос неспешно, словно млея,
На туго стянутую грудь
Стекали струйки водяные...
И он от близости такой
В тот миг за много дней впервые
Вдруг понял: кончился покой.
Сказать сейчас же, непременно!
Сказать, что он на всё готов.
Пусть решает... – Слушай, Лена...
Нет, не хватает нужных слов.
Привстал. Песок обжёт колени.
Ждёт Лена, голову склонив,
А сбоку две коротких тени
Лежат, одежду их прикрыв.
Он помолчал. И без усилий
Вновь начал. С главного, с того,
Что не сулит он ей идиллий,
Что кочевая жизнь его,
Что не в палатах, а в землянке
Подчас придётся строить быт,
Что в рюкзаке, а не в сбербанке
Свои богатства он хранит.
Что он привык к судьбе бродячей,
Свой труд всем сердцем любил,
Что бросить всё и жить иначе
Не сможет он: не хватит сил.
– Подумай, Лена, трезво, ясно,
Согласна ль стать моей женой...
– Я много думала. Согласна.
Теперь мне мука – быть одной.
... Так он женился. Было время,
Когда – без отдыха и сна –
Он мог снести любое бремя!
Ведь рядом с ним была она!
В уютном домике, в посёлке,
Где в окнах – лес да гор зубцы,
Она возьмёт, бывало, с полки
Пород различных образцы,
На стол положит, сядет рядом
И что-то думает своё
С таким невинным, милым взглядом,
Что подходи – целуй её!
Как на чудесную картинку,
На каждый камешек глядит.
Что самоцветы! Ей в новинку
Обыкновенный антрацит...
И Клим сиял: к своей работе
Он вызвал в Лене интерес...
Под осень с нею на охоте

Вдоль-поперёк исхожен лес.
Прошло полгода. Раз весной –
Не вспоминать бы ту весну! –
Придя домой, совсем иною
Он увидел свою жену.
Она лишь вскинула ресницы,
Прищурясь, будто от огня,
И нервно книжные страницы
Листала, голову склоня.
Смывая кляксы глины липкой,
Клим покосился из угла:
Всегда встречавшая улыбкой,
Елена пасмурной была.
Спросил тревожно: – Что случилось?
В ответ, не глядя на него,
Она, сдержатъ волнение силясь,
Кусала губы: – Ничего...
И вдруг, захлопнув книгу, встала.
– Нет, Клим, я здесь сойду с ума!
Я не виню тебя... Я знала...
Да, да, ошиблась я сама.
Любовь к тебе была сильнее
Всего... И там, на берегу,
Казалось – всё смогу, сумею.
Теперь я вижу: не могу.
Ты дорог мне ничуть не меньше,
Но мы на разных берегах.
Я не из тех безвкусных женщин,
Кто терпит баб в мужских штанах.
Ну, на кого они похожи!
А ты такой ли добрый к ним.
Ты и меня причислить тоже
Не прочь к сотрудницам твоим...
А Клим, в слова её вникая,
Смотрел, глаза всю открыв.
Эх, чёрт! Красавица какая.
Какая страсть! Какой порыв!
– Ты не поймёшь моих мучений, –
Ловил он звуки жарких фраз. –
На свете столько развлечений!
А что за общество у нас?
Ну, с кем обмолвиться тут словом?
С кем, кроме мужа своего?
Куда я выйду в платье новом?
И кто оценит здесь его?
Кто? Эта выскочка соседка?
Тебе-то что! Ты был – и нет.
Ты дома так бываешь редко,
Что мне не мил уж белый свет...
И Клим опомнился мгновенно.
Не он ли любит горячо?..
– Ну, успокойся... Молча Лена
Рывком отдёрнула плечо.

Клим растерялся: вот так чудо –
Они на разных берегах...
Прошёл к столу. Письмо? Откуда?
Но миг – конверт в её руках.
Схватила будто бы в испуге.
И покраснела. – Что – секрет?
– Прочти, коль хочешь. От подруги.
Мы с ней, как сёстры, с детских лет.
В его ушах ещё звучали
Слова: «Я здесь сойду с ума!»
Не понимая их вначале,
При виде странного письма
Подумал: есть тут связь прямая
Со всем, что сказано ему.
Подруга... Кто она такая?
Как Лена кинулась к письму!

5

Лукич очнулся: резко, грубо
Вошёл в сознание плеск ладош.
Сомнений нет. На сцене Люба.
И снова горечь: ну и что ж?
Что из того, что на спектакле
Сидит отец её родной.
Родной, тоскующий. Не так ли?
И всё равно ты ей чужой...
Кто шёл с ней к школьному порогу
В единой радости сердец?
Кто вывел Любу на дорогу
В большую жизнь? Не ты, отец.
Кого, как здесь, на сцене, папой
Назвать могла она любя?...
Уймись же, совесть, не царапай,
Ему сейчас не до тебя...
Глядит Лукич, не замечая,
Как что-то руку обожгло...
Вся в Лену... Копия живая.
Совсем такая, как назло!
Зря Любе роль такую дали,
Где мало счастья, много слёз.
Как будто облако печали
К ней от него перенеслось.
Какой-то фантик перед нею
Сверкает зеркалом сапог.
Вот поклонился: – Честь имею!
И важно вышел за порог.
В слезах она... Визит прощальный...
Что ж так артистку эту жаль?
Как будто видишь натуральной
Влюблённой Любушки печаль...
Едва идёт... Согнулись плечи...
Никто не сжалится над ней...

А память снова ищет встречи
С живою явью прошлых дней.

6

Письмо, письмо... Спокойный с виду,
Открыл он медный портсигар.
Он на словах простит обиду.
Но это... Это был удар!
Кто? Что? Тревога подозрений
Всё ощутимей, всё ясней.
– Ты с кем же хочешь развлечений?
С подругой, да? – Хотя бы с ней!
В ответе Лены явный вызов.
Стоит, бумагу теребя.
– Скажи мне просто, без капризов –
Что так расстроило тебя?
– Вот!
И письмо на стол упало.
– Бери, читай. Ответ мой тут.
Не то, что мы, не как попало
Все люди добрые живут.
«Что это? – думал он с тоскою, –
Игра в доверье? Если б знать!»
А сам дрожащею рукою
Листки уж вынул. Стал читать.
Он презирал себя, и всё же
Читал про чьё-то там житьё,
Ценя любовь её дороже,
Чем самолюбие своё.
Нет, Клим на вызов не ответил
Таким же вызовом. Не мог.
Читал... И даже не заметил,
Как папирасой лист прожёт.
В одно сливались буквы, точки –
Так быстро бегали зрачки.
Казалось, тронь случайно строчки –
Закопошатся паучки...
«...Вчера, – подруга сообщала, –
Была в гостях у Ильиных.
Всё шло как следует сначала,
Всё так, как водится у них.
Вино, отличная закуска.
А после – танго и фокстрот.
На мне была в горошек блузка,
Она чертовски мне идёт!
Ну вот. Ильин ко мне подходит:
«Станцуем с вами?» Я иду.
Ты помнишь, Лена, как он водит?
С ним отдыхаешь на ходу.
Ильин мне нравится, не скрою...
Я отлучилась в коридор,
Гляжу, и он бежит за мною,
Сам озирается, как вор.

– Что, закружил вас?
– Да, немного...
– Уф, я и сам порядком взмок.
Вдруг встал вплотную:
– Ради бога!
И – понимаешь? – в губы чмок!
Ну, я, конечно, возмутилась.
А он – ещё... Как ошалел!..
Жена бы, может, не хватилась,
У ней, хозяйки, – уйма дел,
Но тут – и надо же случиться! –
Вадим распахивает дверь.
Решил он, видишь, прохладиться,
А я же с ним дружу теперь.
Ну, верно, он – наивный мальчик.
А неудобно перед ним.
Но слушай дальше. Будто мячик,
Ильин – в сторонку. А Вадим
Взглянул и стал красней пиона.
Молчит. Не вытерпела я.
Ты вроде, говорю, шпиона
Везде преследуешь меня!
Зачем ты вышел? Он – ни слова.
Вздыхнул неслышно и ушёл.
За ним и мы вернулись снова.
Я – танцевать, Ильин – за стол.
Так с полчаса прошло. Вдруг Вадька
Шепнул мне: «Слушай!»
За стеной
«Ты эту цыпочку отвадь-ка!» –
Я слышу голос Ильиной.
– Вот до чего дошла ты, Белла, –
Вадим бурчит, – твоя вина...
– Гони сама, мне нету дела, –
Раздался голос Ильина.
– А что ты делал с ней за дверью? –
Кричит жена. – Средь бела дня?
А я ушам своим не верю:
Так, значит, это про меня?
Прогнать? Я – цыпочка? Я лично?
Ильин... Плевать мне на осла!
Но я веду себя тактично,
Я оскорбление снесла.
Не подала я даже виду,
Что разговор известен мне.
Но эту страшную обиду
Я не прощу его жене.
Я кое-что о ней слыхала –
Теперь весь город будет знать...
У-у, новостей у нас немало!» –
Но дальше Клим не стал читать.
Слова сползали постепенно
С бумаги... Вот уже на ней

Лицо... Лицо подруги Лены
Во всей наглядности своей:
Глаза большие, рот в улыбке,
И белизна зубов, и взгляд –
Зовущий взгляд, какой-то липкий.
Так эти женщины глядят.
Облокотясь, молчал он хмуро.
А на листе, как сквозь туман,
Уже знакомая фигура –
Высокий бюст и гибкий стан.
И в чувство скованности, плена
На миг душа погружена.
Постой, постой. Да это ж Лена!
Его любовь, его жена!
Он представлял её подругу,
А вышла вдруг она сама...
Клим опустил в раздумье руку,
Прикрыл ладонью лист письма.
Жена к нему вполоборота –
Смотрела в дали за окном.
Любовь ли к ней, другое ль что-то
Создали образ этот в нём?..
А если?.. Робкая догадка,
Блеснув, исчезла, как дымок.
Не может быть! Как это гадко!
Как он подумать это мог!..
Ещё сравнений не хватало.
Но мысль зудит:
Подумай, Клим!
Она бы так же написала,
Да только почерком другим...
Он встал, взлохмаченный, угрюмый.
Прозреньё выросло само:
А не казалось ли – подумай! –
Что ты читал её письмо?
Она грустит о развлеченьях.
А что подруга пишет ей?
И о каких таких мученьях
Кричит, встречая у дверей?
О тех, быть может, что с тобою
Ей, как подруге, жить нельзя?
Что неприятны ей порою
Твои сотрудницы, друзья?
Не тем, что в дружбе, в разговорах
Стремясь достоинство сберечь,
Они не ищут в коридорах
С чужой женой иль мужем встреч?..
Нет! Это б страшным горем было,
Огромным горем. Через край.
И так письмо их жизнь разбило –
Теперь осколки подбирай...

Наутро Клим узнал в конторе:
Им – в путь... А тут разлив, дожди...
И впрямь одно не ходит горе,
Вслед за одним – другое жди.
В иной бы раз собрал пожитки –
И был таков. Не то сейчас.
Союз с женой – на тонкой нитке.
Отъезд пугал на этот раз.
Письмо подруги было вестью
Из той удушливой среды,
Где лжи простор, почёт бесчестьем,
Где мишурой одной горды.
Знать, в этом мире и Елена
Успела след оставить свой.
И как покинутая сцена
Тот мир манил её порой.
Письмо явилось первым зовом,
И криком вырвалось в ответ:
«Куда я выйду в платье новом?
Мне здесь не мил уж белый свет!»
Не мил под крышей. Что же будет
В самой тайге, в лесной глуши,
Где не гудки, а птицы будят,
Где не дома, а шалаши?..
И как винить её. Вы оба
Ошиблись, путь один избрав.
Смешно звучит «любовь до гроба»,
Когда любовь твоя без прав.
Чем заслужил ты это право –
Женой командовать своей,
Силком тащить её направо,
Когда налево надо ей?
Трудна дорога без единства...
Есть огонёк, но он один:
Семью скрепляет материнство...
Вот если б дочка или сын...
В то утро с неба моросило,
От грязи кисли сапоги...
Он ей сказал.
Переспросила:
– Далёко, значит?
Вглубь тайги?
– Да...
Скинул плащ, одёрнул свитер.
И усмехнулся на упрёк:
– Опять ты ноги, Клим, не вытер.
Смотри, как выпачкал порог.
Ну, где уж к ней, такой чистюле,
Предъявишь мужнины права.
Вот здесь она сидит, на стуле,
А там – лишь ветки да трава...

Хоть примиренье состоялось,
Исчезла тучка, гром утих,
Но тень размолвки всё ж осталась,
Тревожит каждого из них.
Елену – тем, что нервно слишком
Вчера вела себя при нём,
Его ж готовит к новым вспышкам
Вся жизнь теперь – игра с огнём...
Вот и сейчас слова, как спички:
– Так едем, Лена?
Как всегда
Чуть исподлобья по привычке
Она взглянула.
– Едем, да.
И как-то странно улыбаясь,
Молчала, чашками звеня.
– Я тоже ехать собираюсь,
Но не с тобою... У меня...
Вдруг подошла к нему, прижалась,
Уткнулась в грудь его лицом.
Вот так ребёнок, сделав шалость,
Ждёт объяснения с отцом.
Отец!.. Да так и есть, похоже.
Отцом он должен скоро стать!
Жена сказать хотела то же.
Жена... И скоро, значит, мать?
Такая радость – и в секрете.
– Не шутишь, Лена?
– Правда, Клим...
Как хорошо, что кто-то третий
Готов придти на помощь к ним!
И с новым чувством – бережливо –
Обняв жену, стоял он с ней
Чуть-чуть растерянный, счастливый,
Нежнее прежнего, сильнее.
А тень размолвки неизменно
Висела... Вслух сказал: – К чертям!
– Кого? – отпрянула Елена.
– К чертям подружек всяких там!
Зачем нам жить они мешают,
Пятнают письмами тебя.
Как жить им – сами пусть решают.
Забудь о них! Цени себя.
Не по душе моя работа?
Займись другим. Ведь жизнь вокруг!
А вот теперь ещё забота...
Она куда важней подруг.
И спохватился: – Ты сказала,
Что едешь тоже? Не со мной?
– С тобой немного... До вокзала.
– А там куда?
– А там – домой...
Опять удар. Ну что такое!

Всё утряслось – ещё сюрприз.
– Нет, нет, ты можешь быть в покое,
Ты не волнуйся, разберись.
В тайгу нельзя мне. Не одна я...
Вдруг где споткнусь да упаду...
А дома, знаешь, мать родная,
Врачи, у всех там на виду.
Хотел связвить он: – И подруги?..
Сдержался. Брови только свёл.
А не убьёт она в разлуке
Того, в ком помощь он обрёл?
Он долго вглядывался в Лену.
Она как будто поняла.
– Вчера устроила я сцену...
Ты извини. Я не со зла.
Я, может быть, совсем не стою
Твоей любви. Какое ж зло...
Я не хотела ссор с тобою.
Сама не знаю, что нашло...
Фу! До чего всё это сложно!
Его и пот уже прошиб.
В глаза ей смотришь – верить можно,
В себя заглянешь – ясно: влип.
Ребёнок... Дом... Где ложь? Где прихоть?
Как этот узел развязать?
– Ну, ты почаще мне пиши хоть, –
Вот всё, что смог он ей сказать.

8

Клим с головой ушёл в работу.
Он в ней забвения искал.
Подчас к пустычному расчёту,
Как к плану боя, приступал.
То рылся в груди старых съёмок,
То сам, от стана вдалеке,
Бродил по лесу до потёмок
С привычным компасом в руке.
Вгрызаясь в почву острым буром,
Сверял места, куски пород.
Потом, присев на камне буром,
Итоги дня вносил в блокнот.
Пусть же валит с ног усталость,
Ныряй, как в омут, в сон глухой,
Чтоб ни минуты не осталось
Борьбе с тревогой и тоской!..
А на заре, едва меж елей
Порозовеют облака,
То здесь, то там опять звенели,
Перекликались голоса.
И снова компас, карту – в руки.
Шум леса, встречный ветерок...
Живя с Еленой в разлуке,

Он всё же не был одинок.
Друзья –
Не помнится уж, кто там,
Немало в жизни было встреч –
Бывало шуткой, анекдотом
Его стараются развлечь.
А он готов им крикнуть: – Бросьте!
Сам разберусь в своей судьбе!..
Лишь одному – Сизову Косте
Прошал участие к себе.
При Косте – был он непоседа,
Неутомимый весельчак –
Любая скучная беседа
Всегда звучала как-то так,
Что всё плохое забывалось,
Мечтать хотелось, даже петь.
Как будто солнце появлялось
В ненастный день, чтоб всех согреть.
Всё в парне: чуб лихой, веснушки,
Как искры в розовом дыму,
Фуражка где-то на макушке –
Всё было кстати, шло к нему...
В тот день – он памятный довольно –
Клим не видал его с утра.
Придя на стан, тотчас невольно
Заметил Костю у костра.
Сизов отбросил мигом фляжку,
Вскочил. – А ну, спляши, спляши!
И сам, на ухо сбив фуражку,
Чечётку выбил от души.
Все будто ждали этой вести,
Как про себя отметил Клим:
Тотчас задвигались на месте,
Заулыбались вместе с ним.
И лишь один бывалый дядя,
Начальник партии Тачков,
Сидел спиной, спокойно глядя
На трепет рыжих язычков.
Он Лёну знал. Ещё зимою
Он как-то к Климу заходил
И целый час с его женою
О том, о сём судил, рядил.
Была в словах его заминка...
– Ну, как? – спросил позднее Клим.
Тот пробурчал: – На вид – картинка.
А так... Посмотрим. Поглядим...
Вот и сейчас Тачков всем видом
Как бы хотел сказать ему:
Нет, что ты мне ни говори там,
А радость эта – ни к чему.
Но сам же Костю урезонил:
– Отдай! Не мучай парня, шут.
И Клим теперь лишь ясно понял:

Добряк... Характер только крут...
Присел к огню от всех в сторонке.
В кусты метнулся мрак ночной.
Из дальних далей голос звонкий
Дошёл до сердца: «Клим, родной!
Ну, как ты там? Скучаешь? Очень?»
Да, нежный тон ему знаком.
Но всё – общо. Всё – между прочим.
И – странно! – Дышит холодком.
День встречи их – не за горами.
«Привет от папы. Жди. Пока».
Под стать служебной телеграмме
Была та весть издадека...
– Скучаю, милый, и целую? –
Прервал раздумие Тачков.
– Эх, сколько ж вас, как погляжу я,
Таких вот добрых простачков!
– Да я люблю её! Поймите!
Как быть? Любовь свести к нулю?
Тачков вздохнул.
– Любовь... Скажите!..
Я тоже кое-что люблю.
Костёр, к примеру, звёзды эти. –
Он смерил взглядом вышину.
– Игрушки, скажем, любят дети.
А мы ж толкуем про жену...
Стоп!
Я, кажись, вторгаться начал. –
Начальник встал. – Пойду-ка спать...
Он крепко Клима озадачил.
Игрушки... Звёзды... Как понять?
Всмотрелся в небо. Нет, не в диво.
Он к нему звёздному привык.
А что красиво, то красиво.
Не усомнишься ни на миг.
Игрушки... Что в намёке этом?
Из них, конечно, лучше те,
Что поприглядней, ярче цветом.
Выходит, суть-то – в красоте?
Намёк Тачкова стал понятен:
Пуста, мол, эта красота.
Но ведь и солнце не без пятен?
Пусть для него она пуста!
А Климу... Чем ещё он в Лене
Гордиться может, дорожить?
Он, встать готовый на колени,
Чтоб счастье – быть с ней – заслужить?
Да пусть она была б спесива,
Груба, бездарна, всех глупей,
Он лишь за то, что так красива,
Всем сердцем предан был бы ей!..
– Подать? – спросила повариха.
Не сразу понял: что подать.

– А-а. Нет, спасибо, – молвил тихо.
И поспешил скорее встать.
Пошёл во тьму. Какой там ужин.
Эх, незадачливый супруг!..
Острей, чем хлеб насущный, нужен
В часы такие верный друг.
Сизов?.. Но чем же он поможет.
Едва ль подскажет он ответ.
Ещё, пожалуй, брякнуть может:
Мол, плюнь на всё – и ваших нет.
Клим, отводя руками ветки,
Шагал куда-то наугад.
Нет, Костя годен лишь в разведке.
А здесь – любовь. Особый клад.
Ладонь на что-то накололась.
Боярка. Ну и темнота!
Вдруг за кустами – Костин голос:
– Не шутка это, а мечта!
– В который раз мне заявляешь, –
Другой, девичий, перебил.
– А ты о Климе всё вздыхаешь?
Да если б он тебя любил!
А то привёз... Да я бы сроду...
И тишина вокруг опять.
Тяжёлый камень бухнул в воду,
Сизовым брошенный, видать.
Ещё как будто тише стало.
Узнал Круглову Варю Клим.
О нём – он знал – она вздыхала,
Дружить мечтала только с ним.
А он молчал. И что ей скажешь?
Будь вроде Кости посмелей,
Сказал бы: – Сердцу не прикажешь...
Забудь меня – и не жалеи!
Был холостой – другое дело.
Теперь женат уже. Так нет,
Всё так же ласково глядела,
Один ей Клим – в окошке свет.
Душа – ценней любого дара:
С любимым – товарищ, верный друг.
Чем, скажем, Костя ей не пара?
Вот заколдованный-то круг!
Смугла. Глаза – как у цыганки:
С огнём... Но всё ж не так мила...
Клим присмотрелся. На полянке
У речки чёрной, как смола,
Сидела Варя. А поодаль,
Повыше чуть стоял Сизов.
Смотрел на девушку, на воду ль,
Не находя, как видно, слов.
Плескались волны еле слышно,
Шептался глухо тёмный лес.
И Клим подумал: «Глупо вышло.

На кой я шут сюда залез?»
Нащупал вновь, в кармане шаря,
Конверт с Елениным письмом...
– Ну, что молчишь? – спросила Варя.
– Я тоже думаю о нём.
Сизов прошёлся, чиркнул спичкой,
Не торопясь поднёс ко рту.
Взметнулось пламя жёлтой птичкой
И вмиг погасло на лету.
Клим усмехнулся: «Интересно,
Что скажет Костя про меня».
– Без этой барыньки, известно,
Не может он прожить и дня...
Клим чуть не крякнул от досады.
Смотри ты, прозвище уж дал...
Поспорить, выйти б из засады!
Но Костя с жаром продолжал:
– Сама же видишь, как он сохнет.
Того и жди – возьмётся пить.
Умри ты нынче – и не охнет.
А я... Да что там говорить!
И по груди себя ударя,
С тоскою выдохнул Сизов:
– Ты только дай согласие, Варя!
Я ждать готов хоть сто годов!
Известно дело, нелегко мне...
Но что бы ни было с тобой,
Ты об одном, Варюша, помни:
Есть где-то Костя... Друг такой...
Я всё стерплю. Мне жалко Клима...
– За что?
– Да, честно говоря,
Зря не прошёл он в жизни мимо,
На Ленке он женился зря.
Не раз рога ему наставит.
Мне это ясного ясней...
Всю жизнь страдать его заставит.
Ох, и натерпится он с ней!
Не быть счастливой этой паре.
Хоть с кем поспорю я. Не быть!
– Как можно так, – вздохнула Варя, –
Как можно Клима не любить...
– Поверь мне, Варенька, не любит!
Так, притворяется. Пока.
Она любого приголубит.
– С чего ты взял?
– Не с потолка.
Я знаю точно. Без обмана.
Сизов немного помолчал.
– Был случай... Как-то утром рано
Зашёл к нему – и не застал.
Она была в такой рубахе –
Почти в чём мама родила.

Но где там ваши «охи», «ахи»,
Хотя бы бровью повела.
Ну, коль вошёл – куда я денусь.
Лишь повернулся к ней бочком.
– Я, – говорит, – сейчас оденусь.
Вот что-то с лифчиком... С крючком...
Ну, что стоишь-то: Помоги же.
Как друга близкого, прошу.
Ну, подойди ко мне поближе!
Не бойся, я не укушу.
И засмеялась как-то странно...
Я – дай бог ноги поскорей!
Удрал, как будто от капкана...
Нет, нет, натерпится он с ней!
Сказать ему – как гром обрушить...
Коротким Варин был ответ:
– Молчи. Противно даже слушать.
Совсем стыда в ней, видно, нет...
Сизов умолк, махнул рукою,
Пшик – воду клюнул огонёк.
...Уже светало. Над рекою
Дышал прохладный ветерок.
Среди кустов в лесу сгущался
Туман белёсый, словно пар...
Клим никогда так не смущался.
Его бросало в холод, в жар.
Ну, как, браток? Пилюлю скушал?
Всё выдал Костя: не таю...
И вправду он как гром обрушил
На дурью голову твою.
Какой он выказал Елену!
Выходит – вот позор и стыд! –
Она способна на измену,
Такая кроткая на вид?..
Он повернулся осторожно
И прочь пошёл. А за спиной
Ещё расслышать было можно:
– Хороший парень ты... Прямой...
Клим ощутил: росла в нём зависть,
Слепая зависть к этим двум.
Какой-то новой мысли завязь
Вплеталась в душу, в хаос дум.
На что уж, кажется, счастливый,
Но почему в иные дни
Слова «хороший» и «красивый» –
Совсем друг другу не сродни?
Он знал: красавицей все звали
Его Елену. Как не знать.
А вот хорошею – едва ли,
Едва ли мог бы кто назвать.
Не в красоте, выходит, дело.
Так в чём же, в чём любви секрет?
Ответа нет. И нет предела

Тревоге... Должен быть ответ!
И снова вихрь противоречий:
Пусть нехорошая она,
Но как же ждёт он с нею встречи!
И как она ему нужна!
Уж так устроено от века,
Тут не изменишь ничего:
Коль полюбил ты человека,
То, значит, стоит он того.
И чем украдкой жадным взглядом
Ловить его со стороны,
Пусть будет он с тобою рядом
По праву мужа иль жены!
Бывает: сам себя обманешь,
Рассудку сердце подчинишь,
Законным другом чьим-то станешь –
И не живёшь потом. Коптишь.
Клим не таков! Кто как ни судит,
Мол, жить – не поле перейти,
А он с Еленой – будь что будет! –
Пойдёт, пока им по пути...
Со лба стирая капли пота,
Он пробирался сквозь кусты...
Есть в этой Варе, видно, что-то,
Что поважнее красоты.
Как говорил-то Костя с нею,
Как слово дать просил её...
И всё же Лена всех милее!
Что ж. В жизни всякому своё.

9

Антракт. Поднявшись торопливо,
Лукич направился в буфет,
Чтоб охладиться, выпить пива...
Подумать только – тридцать лет!
Не зря в народе говорится:
Гора не сходится с горой...
Кому-то надо бы открыться.
Какое счастье, боже мой!
Не сон ли всё?..
Сдувая пену,
Решил он так: дождусь конца –
И к ней немедленно, за сцену,
Мол, принимай, встречай отца...
У Кости с Варей жизнь другая:
Сошлись они душа с душой.
Живут, планиду не ругая,
Семьёю дружною, большой.
Живут без горя и печали.
Как говорят, хвала и честь.
Им дети внуков нарожали –
Дай бог! Зацепка в жизни есть.

Им хорошо, не сиротливо...
Лукич меж тем очки надел,
Людей оглядывал пытливо:
Кого-то выискать хотел.
Нет, всё не то, хоть людно в зале,
Эх, будь Тачков покойный тут!
Поговорил бы с ним вначале...
До встречи с ней... Хоть пять минут...
Воспоминаний боль и горечь,
Смятенье радости большой –
Всё мог бы он, Степан Егорыч,
Как старший друг, принять душой.
Среди людей при ярком свете,
Что мягко лица озарял,
Казалось, он в минуты эти
Улыбкой доброй подбодрял:
«Крепись, Лукич!.. Открыто скажем,
Жизнь, брат, – не тишь и благодать.
И коммунист с солидным стажем
Промашку в жизни может дать».
Промашка. Да ещё какая.
До слёз безрадостный удел...
Миг встречи с Любой приближая,
В фойе звонок уже звенел.

10

Ну, а покамест суд да дело –
Есть время вспомнить жизнь свою...
Душа без Лены опустела,
Клим испугался: «Впрямь запью!»
От водки спас, должно быть, случай.
Однажды, в поисках руды,
В березняке, в траве под кручей
Высокой каменной гряды
Шли вместе с Костей и наткнулись
На человека странный вид:
Лежит пластом. Переглянулись.
Зарезан кем-нибудь? Убит?..
Нет, вроде дышит.
– Пьяный в стельку! –
Расхохотался Костя вдруг. –
Вот друг, нашёл себе постельку.
Ни ног не чувствует, ни рук.
А человек пошевелился
И... – Эх, калинушка моя-я!..
– Дошёл до ручки. Вовсе спился.
Лесничий это. Знаю я...
Клим только морщился брезгливо.
Не раз внушал себе потом:
Начни – и скатишься с обрыва,
Вот так же кончишь... Под кустом.
Но чем утешиться? Работой?

Нет, откровенно говоря,
За всё он брался с неохотой,
Как будто попусту всё, зря.
В одно лишь верил – твёрдо, страстно:
Чтоб изменить житьё-бытьё,
Он должен чувствовать всечасно
Улыбку, голос ли её.
Делить с ней радости, удачи,
И если спорить – тоже с ней!
Тогда б работа шла иначе,
Намного легче, веселей!
Взамен того – странички писем
Шуршат опавшею листвою...
А был когда-то независим,
Считал все чувства трын-травой.
Давно, юнцом ещё зелёным,
Заметив: брат не спит, не ест,
Трунил, бывало, над влюблённым,
Да так, что часом надоест.
Теперь вот сам с дороги сбился.
Эх, знай, что он полюбит так,
Прошёл бы мимо, не женился.
Большое дело – холостяк!
Потом ловил себя на мысли:
А кто живёт один-то? Кто?
Одно ведро на коромысле,
Как ни наполнено – не то.
Сравненье верным показалось.
Несла бок о бок их любовь,
Хрусть – коромысло поломалось.
Другое, новое готовь...
Что, если стал бы мужем Вари?
Но почему-то мысль о ней
Рожила мысль о самоваре,
О куче маленьких детей.
Его желания и просьбы
Законом были бы в дому.
Спокойней, проще с ней жилось бы...
Нет, эта жизнь не по нему!
Смиренье, преданные взгляды –
Кто счастьем этакому рад.
Любовь – весна, где есть преграды,
Привычка – там, где нет преград...
Когда же вместе будем?
Жди вот.
Жди не по дням, а по часам...
Всё передумав, сделал вывод:
Возьму да к ней нагрюну сам!
Спросил про отпуск – тут же дали.
Тачков лишь хмуро промычал:
– М-да...
Дескать, не было печали,
Так чёрт нашёлся, накачал.

И вот за окнами вагона
Плывёт осенний березняк.
Как отзвук сердца, учащённо
Стучат колёса: – Так, так, так...
Спешишь? Так, так,
Раскис в разлуке.
Так, так. Посмотрим,
Ждут ли нас.
Вознаградят ли наши муки
Или убавят сил запас...
Он к месту прибыл на закате.
Вид городка его привлёк:
Красив был, словно на плакате,
Весёлый южный городок.
Шла от вокзала мостовая,
А по бокам – домов ряды.
Их укрывали, полыхая,
В багрянце, в золоте сады.
Пылали клумбы и газоны.
В глазах рябило от садов,
От белых стен, от крыш зелёных,
От яркой радуги цветов.
И хоть не видно было моря,
Дышало свежестью оно.
Казалось: нет на свете горя,
Всё бурной радости полно.
Ласкало солнце щёки, плечи,
Склонясь подсолнухом большим.
Дом Лены где-то недалече...
Не шёл – летел на крыльях Клим!
... Собака цепью загремела.
И чей-то окрик из окна:
– Лежать, Марго!..
Идите смело.
Она не тронет вас. Умна.
Клим, поднимаясь на террасу,
Еленин голос услышал.
– Кто там? Покоя нет ни часу.
Опять, наверно, тот нахал...
Смущённо вырос перед нею,
Как будто в чём-то виноват,
Он думал: бросится на шею.
И... удивлённый встретил взгляд.
Молчанье – словно оплеуха.
Никто не смел прервать его.
Лишь мать, дебелая старуха,
Спросила важно: – Вам кого?
– Ты?!
Лена густо покраснела,
Так и застыла, вскинув бровь.
Мать зорко гостя оглядела

И дочку выручила вновь:
– Да вы садитесь! Что ж ты, Лена?
А та, едва он к ней шагнул,
Вдруг с неприязнью откровенной
К порогу выставила стул.
Так вот оно, её объятье!
Она, как раньше, не зажглась –
Была уже в нарядном платье,
Куда-то, видно, собралась.
Встав у окна, заговорила:
– Напрасно ехал ты сюда.
Конечно, это очень мило...
Но не вернусь я... Никогда...
Мать покачала головою,
Ушла, оставив их вдвоём.
– Ведь мы чужие, Клим, с тобою.
Не зря так долго врозь живём.
А у него стучали зубы.
Нежданно грянул гром беды...
Сказал, расклеивая губы:
– Будь доброй, Лена, дай воды...
В её глазах испуг метнулся.
Схватила быстро за графин.
Клим выпил, глупо оглянулся:
– А как же... дочка или сын?
– О чём ты? Я не понимаю, –
Пожала плечиком она. –
Сама ребёнка воспитаю,
Твоя мне помощь не нужна.
Ещё одно узнать – и точка.
И всё. Такие вот дела.
– А кто у нас родился?
– Дочка.
Дочурка... Любой назвала.
Любовь... Ты тягостное бремя,
Когда жена и муж – враги...
– Я... – начал он,
Но в это время
В сенях послышались шаги.
Духами щёголь чернобровый
Пахнул на Клима у дверей.
– Ну, как вы, Леночка, готовы?
Не опоздать бы. Поскорей!
Клим встал. Понятно.
Он здесь лишний.
Напрасно мерил даль дорог.
– Прощай, – сказал он еле слышно,
Ступив понуро за порог.
Пред этим, в миг какой-то краткий,
За дверью в комнате другой
Успел заметить край кровати,
Подумать: там ребёнок мой...
Он шёл и ждал – спиной, всем телом –

Шагов поспешных за собой,
Иль, может, окриком несмелым
Она воротит: «Клим, стой!»
Тогда всё было бы иначе,
Жена бы стала вновь родной.
Но лишь ворчание собачье
Дышало глухо за спиной...
Пусть ревность выпустила жало,
Пусть так. Но это был конец.
Не позвала, не задержала...
Ни муж не нужен, ни отец...
Вся жизнь совместная мгновенно
В горячей памяти всплыла.
И понял он: его Елена
Всегда чужой ему была.
Сейчас предельно ясно стало:
Напрасно мучился весь год.
Ещё когда домой сбегала,
Она решила на развод.
А письма? Это лицемерье,
Коварством пущенный волчок.
Ведь у таких один за двери,
Другой – красавчик – на порог.
Кого он любит жадно, слепо?
Забавно даже. Ну и ну,
Как это, в сущности, нелепо –
У глупой страсти быть в плену.
И хорошо, что отрезвленье,
Хоть поздно, всё-таки пришло.
Он, встать готовый на колени,
Сам над собой смеялся зло...

12

Уже актёры и актрисы
Прощальный делают поклон.
Сейчас уйдут все за кулисы,
Туда же, к Любушке – и он.
Лукич поднялся. Сел. И плечи
Отяжелели как-то вдруг.
Он ждал, он жаждал этой встречи,
А на душе опять испуг.
Причина робости, испуга –
Вся жизнь, все прошлые года.
Поймут ли дочь с отцом друг друга,
Коль не встречались никогда?..

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 97)

СОДЕРЖАНИЕ

«МОЯ ЛЮБОВЬ – КАК СВЕТ В СУДЬБЕ...»:

СТИХИ О ЛЮБВИ

Предисловие	116
«Как сказать об этом покороче...»	117
«Как сказать об этом покороче...»	117
НЕЖНОСТЬ (<i>Бывает состояние души...</i>)	117
«Бывает состояние души...»	118
«Хорошей, славной называю...»	118
«Хорошей, славной называю...»	118
«Хорошей, славной называю...»	119
«Смолоду друг друга не жалели...»	119
«Как быстро мчатся дни за днями...»	119
«Как быстро мчатся дни за днями...»	120
«Как быстро мчатся дни за днями...»	121
«Опять в саду цветёт сирень...»	122
«Если выпадет счастье такое...»	122
СЧАСТЛИВАЯ.....	122
БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ.....	123
В РАЗЛУКЕ	123
ВСТРЕЧА.....	124
ВСТРЕЧА.....	124
ВСТРЕЧА.....	125
ЛЮБЛЮ.....	125
«Гляжу в лицо твоё простое...»	126
ЛЮБОВЬ.....	126
СЕРДЦЕ ВЕСТЬ ПОДАСТ... ..	126
«Много в мире прекрасного...»	127
«Много в мире прекрасного...»	127
«Много в мире прекрасного...»	128
«Далеко ты, милая, далёко...»	128
«Как горько мне...»	129
«Когда ты спишь...»	129
«Когда ты спишь...»	130
«Когда ты спишь...»	130
«Любви экзамен...»	130
«Нечаянно словом обидел...»	130
«Ты в первый раз уехала далёко...»	131
«Ты в первый раз уехала далёко...»	131
«Долго ль будем мы порознь томиться...»	132
«Долго ль будем мы порознь томиться...»	132
«Долго ль будем мы порознь томиться...»	133
«Как всегда бывает при разлуке...»	133
КАК СКАЗАТЬ МНЕ.....	134
«Как я скучаю по тебе...»	134

С ГОДАМИ.....	134
«Ты помнишь вечер в ноябре?..».....	135
«Нехорошая нынче весна...»	135
«Как это славно и мудро...».....	136
«Опять не спал ты ночь...»	136
«Вхожу ли в зал...»	136
«Сердце вдруг заныло...».....	137
ТВОЁ ВНИМАНИЕ.....	137
«Что за наважденье...»	137
«Что мне горы бесценного золота...»	138
«От взглядов чужих вдалеке...»	138
«На виду у стройных, мощных сосен...».....	139
ПРИМЕТА	139
«С днём осенним в немом поединке...»	139
ПОДСКАЖИ.....	140
НЕ ЗАБЫВАЙ!	140
«Говорю, приветствуя весну...»	140
ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА (Повесть в стихах)	141

Михаил Небогатов

ТВОРЧЕСТВО

«В ПОЭЗИИ ГОТОВ СТОЯТЬ ГОРОЙ...»

СТИХИ О ТВОРЧЕСТВЕ

*Михаил Небозатов
за своим рабочим столом*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главным творческим принципом Михаила Александровича Небогатова было: оставаться самим собой, писать просто, понятно, не прятаться за заумные разглагольствования, не отпугивать читателя излишней сложностью, какими-то новомодными «наворотами». У него по этому поводу есть несколько стихотворений, в которых он предельно ясно излагает свою позицию Поэта и Гражданина.

К себе и к своему творчеству он относился очень требовательно, порой, даже жёстко. Всю свою долгую жизнь в литературе стремился к выразительности поэтического языка, искал себя в разных формах, постоянно работал со словом. Одни и те же стихотворения, порой, переделывал по нескольку раз, шлифовал, оттачивал, доводил до совершенства. При этом часто оставался недоволен собой, считал, что чувствует он гораздо глубже, нежели что-то умеет сказать. Но не это ли недовольство собой, неустанное стремление писать лучше и есть признак талантливости поэта?!

Он имел совершенно определённый взгляд и на творчество своих собратьев по перу. Талантливых поддерживал всей душой, начинающим помогал добрым словом и советом. Не один из тех, кто только вставал на этот тернистый литературный путь, мог бы назвать Михаила Александровича своим учителем. Недаром такой популярностью и успехом пользовался «Факультет молодого литератора» в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса», бессменным руководителем которого Небогатов был на протяжении нескольких лет! Литературной учёбой и самообразованием он занимался с упорством, достойным самых высших похвал.

В этот сборник я постаралась включить все наиболее значимые стихотворения о творчестве, которые бы в точности соответствовали кредо Небогатова, как непревзойдённого МАСТЕРА СЛОВА.

Автор-составитель.

***

Помню первый свой в жизни стишок:
«Всюду зелени чуткое море».
Помню, как он волненьем обжѐг
В летнем сине-зелѐном просторе.
Я, мальчишка – на горке, в лесу,
А внизу – городьба, огороды...
Так вот – с детства – в себе и несу
Чувство родины, чувство природы.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 91)

***

В поэзии готов стоять горой
За то, чтоб быть всегда самим собою,
Чтоб за меня лирический герой
Не щеголял придуманной судьбою.
Свою судьбу – и радость, и беду –
Вверяю я стихам, что встали строем.
Такой, как есть, к читателям иду,
Не прячась за лирическим героем.

(Из сборника «Перепѐлка», 1988 г., с. 76)

***

И я имел когда-то псевдоним.
Однажды,
Предложив стихи газете,
Я подписался:
Ключевой Вадим.
Как хорошо слова звучали эти!..
Фамилии отцовской изменил! –
Винил себя потом,
Газету спрятав.
С чего Вадим, когда ты
Михаил!
Чем хуже Ключевого
Небогатов!

*(Из сборника «Благодарю, благодарю...»,
1995 г., с. 127)*

***

Всю ночь сижу, всю ночь ищу слова.
А за окном **бледнеет** синева.
Я знаю, что мой путь не на века,
Но если б хоть одна моя строка,
Один хоть штрих, пускай других **бледней,**
Дополнили картину наших дней!..
Близка заря. И, впаян в алый свет,
Передо мной – завода силуэт.

Быть может, там, за окнами цехов
Мои герои ждут моих стихов.
Чтобы трудом стране своей помочь,
Мы вместе не заснули в эту ночь.
Так у станка, забыв про тяжесть век,
Стоит мой сверстник, русский человек.
Простой на вид, ничем не знаменит,
Он вдохновлён работой. Он творит.
Он каждый день на новом рубеже.
Он в будущем году живёт уже!
Пусть мой стих – лишь отблеск, а не сталь,
Зато в руке у токаря деталь.
Я счастлив тем, что кто-нибудь из нас
Свою победу празднует сейчас.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 144. Это стихотворение, ставшее самостоятельным, раньше было 3-ей частью стихотворения «Творчество» в сборнике «Солнечные дни», 1952 г., с. 76. Здесь, в настоящем тематическом сборнике, см. стихотворение «Творчество» на с. 252. Последнее слово в 5-й строчке, по всей вероятности, имеет ошибку: должно быть «бедней», а то во 2-й строчке уже «бледнела» синева...)

***

Обидно мне: за тридцать с лишним лет
Я не сказал значительного слова.
А может быть, его в душе и нет?
Быть может, зря ищу его я снова?
Нет, есть оно! Недаром же в груди
Всегда живёт такое ощущение,
Что не в былом, а где-то впереди
Мой лучший стих, всей жизни откровенье.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 140)

НА РЕКЕ

По переулочку кривому,
Не торопясь, иду к реке.
А зной – парной. Ни туч, ни грому,
Жарынь, как в бане на полке.
Озноб прохлады предвкушая,
Снимаю майку на ходу.
И вдруг – заминка небольшая:
На речке – брёвна на виду.
Они подобны мёртвым рыбам.
С баграми люди на плотках.
А за изгибом – брёвна дыбом
Стоят, столпясь в иных местах.
В работе сплавщики едины:
Тот в запань делает проход,

Другой, багром лова лесины,
Их на конвейер подаёт.
Из-за изгиба-поворота
Всё лес плывёт. Не счесть его...
И здесь нелёгкая работа,
А лесорубам каково?
Не продохнёшь сейчас, в июле,
В тайге, где солнце жарит пни,
Где рукава к рукам прильнули,
В лицо впиваются слепни...
Хоть образ, может быть, не точен,
Но мне подумалось: «А ты
Всегда ли мог заторы строчек
Вязать в послушные плоты?»

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 29)

РОДНИК ПОЭЗИИ

Пропахший травами и хвоей,
Порою мокрый от дождя,
Делюсь я радостью с женою,
Под вечер из лесу придя:
– Ну, поздравляй меня с удачей!
Хороший выдался денёк:
Я нынче справился с задачей,
Гляди-ка, сколько сделал строк!
С природы все. Пока – наброски,
Так. Разговор с самим собой.
Но штрих живой, пускай неброский,
Дороже выдумки любой.
Что видел, слышал – пригодится:
И всплески рыбы на реке,
И в лодке – в стареньком корытце –
Мальчишка с удочкой в руке,
И перекличка конских ботал,
И взлёт тяжёлый глухаря...
Неплохо, в общем, поработал,
Считай, что день прошёл не зря.
– Ишь, поработал! – Вижу, тёща
Сейчас подпустит мне ежа.
Работать так куда, мол, проще,
На пень тетрадку положи.
Ну, так и есть:
– Нашёл работу!
Сидеть на солнце, спину жечь.
Добро бы жердь прибил к заплоту,
Сметал бы стог, сложил бы печь.
А то – стихи. Да неужели
За это деньги платят вам?
Вот чудачки! Совсем сдурели.
Привыкли к разным пустякам...

Наутро тихо, без бахвальства,
Беру я гвозди, молоток,
И – где по шляпкам, где по пальцам –
Такой там поднял стукоток!
...Готова новая ограда.
Светла, как летняя заря.
И сам я рад, и тёща рада,
Смеётся: – День прошёл не зря.
И хоть заноза на занозе –
Доволен я, как ученик...
Нет в жизни места скучной прозе,
Вся жизнь – поэзии родник!
1955

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 125)

РОДСТВО ДУШ

Это мненье, мы знаем, не ново:
Дескать, скучно бывает,
Когда
Понимаем друг друга без слова
И сближаемся мы без труда.
Дескать, лучше, стократ интересней,
Коль несхожие люди сошлись –
Чтобы разные думы и песни,
Чтобы разные взгляды на жизнь...
Но тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищу:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.
Не хочу недоверьем обидеть
Тех, с кем радость работы делю:
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.
Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас, –
Облака над полями, лесами
И весёлого дождика пляс,
И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...
Для кого бы творили поэты,
Если б не было родственных душ?
1963

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 140)

***

Хорошо, наверно, быть поэтом, –
Говорила дочка лесника.
А сама задумчиво при этом
Провожала взглядом облака.
Только стихло грома грохотанье,
И, спеша куда-то на восток,
Облака меняли очертанья –
Подгонял их свежий ветерок.
Было хорошо небеспричинно
Слышать рядом голос молодой...
– Посмотрите, целая картина:
Дом, река, деревья над водой.
Вон мигнула звёздочка над лесом,
Месяц вышел – глаз не отвести...
Мёдом пахнет клевер под навесом.
Как всё интересно! А в пути!
На коне верхом, бывает, еду.
Все деревья, кажется, родня.
То шумят – ведут со мной беседу,
То молчат – сердиты на меня.
Вы гостить к нам ездите всё летом,
И зимой бы надо побывать...
Хорошо, наверно, быть поэтом, –
Повторила девушка опять.
Что она под этим разумеет –
Я не знаю. Но сомненья нет:
Так природу чувствовать умеет
Только тот, кто сам в душе поэт.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 86)

***

...Что-то нехотя и вяло
Муза вдруг заковыляла.
Не застряла бы совсем
На дороге новых тем!
Нет, не дам случиться горю.
Отдохнёт – опять пришпорю!
Важно сделать шаг вперёд,
С места взять, «а там пойдёт»!
Этой фразою крылатой,
Новым замыслом объятый,
Сам Твардовский в трудный час,
Знать, стегал себя не раз...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 149)

О ТЕМАХ

Ты говоришь, что темы нету,
Что дело с творчеством – труба.
Мой друг, нельзя же так поэту.
А опыт твой? Твоя судьба?
А жизнь – со всем, что рядом, близко,
С хорошим, радующим всем?
Ты только пристальной взглядишь-ка:
В ней всяких тем – на сто поэм!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 84)

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

*Кто придёт и кто меня научит,
Как мне жить и как стихи писать?*

Ярослав Смеляков

В молодости, светлой от улыбок,
Столько сил, что незачем беречь.
И напрасно кто-то от ошибок
Пробует тебя предостеречь.
Всё легко, доступно и понятно,
Этим ты и счастлив, и богат.
Начал путь – не пятишься обратно,
Лишь вперёд, хотя бы наугад!
Не поладил с другом – завтра снова
Открываешь душу перед ним.
А какое редкостное слово
Появилось под пером твоим!
...За плечами, как приборя ропот,
Жизни шум – немалые года.
Ты богат – большой имеешь опыт,
Ты мудрей во многом, чем тогда.
Стал плохим, хорошим ли – поэтом.
И не ты к кому-нибудь уже,
А к тебе приходит за советом
Юноша на трудном рубеже.
Не поверит он, что над строкою
Проливаешь сам ты сто потов,
Что в иные дни махнуть рукою
На свою поэзию готов.
Всё сложнее, чем юности казалось,
Всё трудней, чем думала она.
Опыт есть, но он – такая малость,
Каждый день загадок жизнь полна,
Не один вопрос тревожит, мучит,
И как часто хочется сказать:
Кто придёт и кто меня научит,
Как мне жить и как стихи писать?

1966

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с.113)

СУЕТА

Перо уж лучше и не трогать,
Не мчаться строчечной тропой,
Когда толкает нас под локоть
Быт надоедливо-тупой.
Бывает, в суетности быта,
Как в шумном городе в час «пик»,
То мысль какая-то забыта,
То перед чувствами тупик.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 42)

***

Глухая полночь, в доме тишь,
А ты над чистою бумагой
Уже который час сидишь,
Как над ручьём с пропавшей влагой.
И вдруг в песке, на самом дне,
Живая струйка показалась –
Слова родились в тишине,
А там и строчка заплескалась!
Глядишь – звенит уже ручей:
Готово всё стихотворенье!
...Как жаль, что множество ночей
Ушло на сон, ушло в забвенье.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 148)

***

Есть стихи, как перезвоны
Серебристого ручья,
Есть, как лёгкое дыханье –
Ветра вешнего струя;
Есть, как звёздочки сиянье,
Как сиреневый закат
Над задумчивой землёю,
Там, где неба край покат.
Много есть стихов весёлых,
Как вечерние огни.
Знать, в такие вот минуты
И слагаются они!
Но едва ли я сумею
Рассказать тебе сейчас,
Как люблю я всё на свете –
Словно вижу в первый раз.
И не спрашивай, не надо –
Отчего да почему.
Лучше выйди, полюбуйся
На закатную кайму.
Пусть лицо твоё обвеет
Тёплый южный ветерок,

Пусть он сам тебе расскажет
Лучше вышколенных строк,
Как он счастлив, что ласкает
Щёки смуглые твои,
Как, до ночи не смолкая,
О тебе звенят ручьи,
Как похожа ты глазами
На далёкую звезду,
Как по людному проспекту
Одинок я бреду...
1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953 г., с. 124)

***

Читатель! Друг мой неизвестный!
Ты стал судьёй в моей судьбе.
Едва родится в сердце песня –
Я вспоминаю о тебе.
Такой, как есть, всегда со мною
Сидишь ты рядом за столом:
С открытой щедрою душою,
С живым, бесхитростным умом,
С любовью к людям, с вечной жаждой
Работы, нового всего...
Тебе служу я строчкой каждой,
Всей страстью слова моего.
Пусть наш союз живёт и дальше!
Порви его – и между строк
Вкрадётся тень невольной фальши
И равнодушья холодок...

(Из сборника «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 115)

ВЕКА ЖИВЁТ СТИХОТВОРЕНЬЕ

Века живёт стихотворенье,
Коль настоящее оно:
Где и душевное горенье,
И мысли свежее зерно.
Но есть стихи и есть подделки.
Глядишь – в печать шукарь пролез.
Мыслишки серы, чувства мелки,
Зато уж форма – верх чудес:
Кой-как срифмует две-три строчки,
Расставит лесенкой... И что ж?
Считает: в этой оболочке
На Маяковского похож.
А результаты, как ни странно,
Всегда одни выходят тут:
Как будто шапку великана
Примерить хочет лилипут...

Порой бывает даже модно
Хвалить новаторство того,
Кто пишет, так сказать, «свободно»,
Причём свободно... от всего:
От содержания большого,
От человечности живой,
От поэтического слова
И от грамматики простой...
Нет, настоящий продолжатель,
Собрат и друг его лишь тот,
Кто званье гордое – «писатель»,
Как стяг, с достоинством несёт!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 146)

***

Пушкин – наше небо.
Все под ним.
С тем, что мы
Имеем и умеем –
С маленьким
Багажиком своим –
Смотрим в это небо
И немеем.
А вдали
И рощи, и холмы
Манят нас.
И был бы
Путь несносен,
Если б
Не надеялись и мы
На свою
На Болдинскую осень.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 103)

О ПРОСТОТЕ

Обидно мне за простоту:
Иной в презрении ретивом
Её обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В неё лишь верит непреложно,
Не зная истины простой, –
Что эта сложность часто ложна.
Абстракций красочный потоп
Увидят тонкие эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты.
Мол, сразу видно мастерство.
Здесь что-то есть, хоть непонятно...

Да бросьте! Нет же ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Стихи ли модные прочтут,
Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут,
В бреду без запятых и точек...
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той – высокой, благородной.
О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надёжен.
Она – как скромный свет берёз
И вместе с тем – как блеск из ножен.
1966

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 154)

ЧИТАТЕЛЬ – ДРУГУ ПОЭТУ

Ты человек. И всё мирское
Тебе не чуждо, знаю я.
Порой и грустью, и тоскою
Душа встревожена твоя...
Любил, как водится, кого-то,
Свиданье милой назначал...
Под вечер, выйдя за ворота,
В груди волненье ощущал.
И нынче, ставши семьянином,
Со всеми с нами наравне
Всегда готовишь к именинам
Подарки детям и жене...
Своё здоровье ценишь свято:
Нормально ешь, нормально спишь.
Как всем, нужна тебе зарплата,
Не даром трудишься – творишь.
Спеша по городу родному,
Иль тропкой по полю идя,
Ты рад цветам, берёзке, грому
И каплям звонкого дождя.
И не одни в труде «находки» –
Сравненье, рифма, верный ритм –
Бывает так, что стопка водки
Тебя с морозу ободрит...
Ты человек! И всё мирское
Тебе не чуждо. Верю я!
Так почему ж в стихах – другое?
Скажи, где в них душа твоя?
Твои герои даже в горе
Под стать безумным бодрячкам.
Всегда огонь у них во взоре,
В душе – пристрастие к речам.
Сам бродишь в роще, на охоте,

А твой лирический герой
И днём и ночью на работе,
Не ест, не пьёт, не спит порой.
Увидят критики вот это
И, от восторга чуть дыша,
Начнут расхваливать поэта,
Мол, тут идея хороша:
Воспета жизнь в таёжном крае,
Детали стройки хороши...
А я, читатель, так считаю:
Пустая штука, без души.
Комплект машин благоговейно
Ты описал со всех сторон,
И всё в порядке: раз – «идейно»,
Вопрос поэзии решён.
Ты не заметил даже листик,
Задевший девичье лицо...
И не художник, а статистик
В холодных строчках налицо.
Да что читатель! Если честно
Признаться мог бы ты ему,
Сказал бы: нет, не интересно
Читать такое самому...
Не спорю, труд – всего основа.
Но человек – не механизм.
А ты считаешь: всё готово,
Коль вставил слово «коммунизм».
Пером поэта не владея,
Тебя прошу я об одном:
Пускай высокая идея
Родится в образе живом!
Писать лишь критикам в угоду –
Подумай сам – большая ль честь?
Ведь ты решил служить народу,
Так покажи, какой он есть!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 150)

***

Мы ценим всё, что сделано добротной,
Что для души приятно и для глаз –
Дворцы, стихи, художников полотна
Иль просто мебель в комнате у нас.
Чем лучше вещь, изделие, творенье,
Тем незаметней главное всегда:
Какое в это вложено уменье,
Какого это стоило труда.

(Из сборника «Времени река», 1991 г., с. 33)

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Целый час стихи звучали в зале.
Знал поэт все строчки наизусть
Про свои заботы и печали,
Про свою любовь, тоску и грусть.
Он читал не серенькое чтиво,
Было чувство в строчках, лад и склад.
Слушали подчёркнуто учтиво,
Как обычно слушают доклад.
Кончил автор с поднятой рукою.
И раздался голос между тем:
– Почитайте что-нибудь такое,
Чтобы интересно было всем!
Велика растерянность поэта.
Мол, чего вам надо, не пойму.
Мол, прочёл немало. Разве это
Интересно мне лишь одному?
Видно, не достиг он нужной цели,
Рассказав о собственной судьбе...
Так и не поняв, чего хотели,
Он продолжил чтение... о себе.
И хотя в стихах была лиричность,
Провожали с явным холодком.
Видно, просто авторская личность
Не нашла симпатии ни в ком.
Почему да как – гадать не будем,
Только вывод сделаем один:
Можешь о себе поведать людям,
Если ты душою гражданин.
Если ж нет – помедли со строкою,
С мелочами комнатных проблем.
Расскажи нам что-нибудь другое,
Чтобы интересно было всем.

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 53)

***

Написать стишок – нетрудно,
Рифмой звякнуть – просто.
Мол, безлюдно, тихо, чудно
Ночью возле моста.
Ради речки вспыхнут «свечки» –
Белые берёзки,
Или выплывут колечки –
Дым от папироски.
Клён в папахе, вёсел взмахи –
Всё в стишке сподручно.
Поцелуй, струи, ахи...
До чего, мол, звучно!
Не в укор себе и многим

Говорю об этом.
Мне ли быть судьёю строгим
Молодым поэтам.
Говорю по той причине –
С откровеньем смелым, –
Что и я считал доньше
Стих нетрудным делом.
Пусть написано немало –
Живо или нудно, –
Мне до боли ясно стало:
Как же это трудно!
Рассказать тебе хотелось,
Что в душе творится –
И куда уменье делось!
Стих мой не клеится.
Не клеится! Что ни делай,
Как слова ни ярки –
На листе бумаги белой
Лишь одни помарки.
Рифмы, звонкие когда-то,
Вроде мушек хилых,
Чем душа моя богата –
Передать не в силах.
И молчит живое чувство,
Словно глубь затона...
Настоящее искусство
Далеко от звона.

(Из сборника «Моим друзьям», 1958 г., с. 170)

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

Мы подчас как малые ребята:
Ненадёжна дружбы нашей нить.
Часто смотрим косо на собрата,
Не умеем труд чужой ценить.
Не шутя, отстаиваем право
Первым парнем зваться на селе.
А зачем? Подумаем-ка здраво:
Нас и так немного на земле...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 120)

О САДАХ

Когда какой-то мой собрат
Вдруг начинает заноситься,
Когда лишь свой он видит сад,
Что робко, реденько кустится,
Из-за своих кустов, чуждак,
Он сад, цветущий по соседству,
Не хочет рассмотреть никак, –
Одно лишь остаётся средство:

Задуматься, хотя б на миг,
С почтением к могучим всходам,
Понять: он – только ученик
Пред настоящим садоводом.

(Из сборника «Времени река», 1991 г., с. 56)

СУХАРЬ

Принёс в редакцию поэт
Весной подсказанные строчки.
В них было всё – тепло и свет,
И зелень первая, и почки.
Была в них – главное – душа,
Природе гимн и слава жизни,
Всё то, чем юность хороша
И чем сильна любовь к Отчизне...
Какой-то сумрачный сухарь
Прочёл те строчки.

– Не годится!

Где, скажем, трактор? Инвентарь?
Тут даже слова нет «трудиться».
Нельзя, товарищ, забывать,
Что мы живём в двадцатом веке.
Не травку надо воспевать,
А пыл рабочий в человеке!
Вот – сад. А чей, к примеру, он?
Не частный, думаю, – колхозный.
Влюблён здесь кто-то. Кто влюблён?
Вопрос любви – весьма серьёзный.
Быть может, это донжуан,
За кем-то просто волочится,
И, между тем, срывает план...
Нет, стих – туманный. Не годится!..
Понятно было: спорить зря.
Пустая выйдет перепалка.
Скорее прочь от сухаря!..
И как ему себя не жалко!

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 166)

РЕКА

Александр Пинаеву

...Бывало, скроет до плечей,
Едва ты с берега соступишь,
А нынче – узенький ручей,
Где донный камень кажет кукиш.
Да, незавидное житьё.
Была река, звалась Барзасом,
И вот – как не было её.
Не заблудился ли я часом?..

Но, без особого труда
Сдвигая каменную грудю,
Вдруг мощно хлынула вода
Через открытую запруду!
Река привольно разлилась,
Как в половодье, в полдень вешний.
И обрела былую власть,
И обрела свой голос прежний!
... Не торопитесь хоронить
Поэта, коль молчит подолгу.
Не перестал он жизнь любить,
Молчит по внутреннему долгу.
Он силы копит в тишине,
Распределяет их умело,
Чтоб на высокой на волне
Его поэзия взлетела!
1964

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 138)

ЖАВОРОНОК

Памяти Анатолия Саулова

С голубыми ясными глазами,
С волосами светлыми, как лён,
Он недолго побыл вместе с нами,
В жизнь, в людей, в поэзию влюблён...
С малолетства увлечён был страстью
К звучным рифмам, чья всесильна власть...
На беду, наверно, а не к счастью
Достаётся людям эта страсть.
Не искал он славы и почёта,
Воспевая солнце, россыпь рос.
В нём самом, казалось, было что-то
От российских пашен и берёз.
Над рекой, где пениться воронкам,
У опушки, на лесной меже
Так мечтал он: «Быть бы жаворонком!»
И не знал, что им он был уже.
Чьи-то строчки, вскинув подбородок,
Повторял на память, как свои,
Весь светясь от образов-находок,
Говорил про многих: – Соловьи!..
Не берёг себя, как всякий русский,
Был у бурь житейских на виду,
И устав, не выдержав нагрузки,
Разорвалось сердце на ходу...
Молодой, он молодым оставил
Птицу-песню, нежную до слёз.
Сам ушёл. Как будто бы растаял
Где-то там, во ржи среди берёз.
И напрасно в душном жарком хлебе

Ищем взглядом друга своего.
Тишь. Покой. Лишь жаворонок в небе
Всё звенит нам голосом его...
1968

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 40)

***

Виктору Баянову

Есть у меня поэт любимый,
Не из маститых – молодых.
Ах, как мне мил неповторимый
Настрой стихов его простых!
Чужды красоты и лоску,
Они живут. Читаешь их –
И словно смотришь на берёзку
Среди колосьев золотых.
Иные рифмой щеголяют,
Выводят образов шитьё,
А он читателям вверяет
Лишь сокровенное своё.
Душой подсказанное слово
Гранит, шлифует не спеша.
И повторить хочу я снова,
Что суть поэзии – душа.
Вот, симпатичен, ладно скроен,
Сидит он рядом за столом
И, как всегда, застенчив, скромн.
О чём-то думает своём.
Хоть улыбается от шуток,
Но не скрывает, что устал:
В ночную смену он полсуток
На паровозе простоял.
Вы только чуткость проявите –
И он тотчас же в мире строк.
– Ну, что есть новенького, Витя?
– Да написал один стишок...
Гляжу на строчки, чуть косые,
Что скромно названы стишком, –
И говорит со мной Россия
Сердечным русским языком.
1965

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 142)

***

С увлеченьем книжку дочитал,
Переполнен свежим, светлым чувством,
И ещё, наверно, с час листал,
Наслаждаясь истинным искусством.
Всё, что было в сердце, на уме,
В миг, когда закрыл я книгу эту,
Захотелось выразить в письме,

Благодарность высказать поэту.
То-то будет радостно ему
Получить восторженное мнение!..
Но, скользя глазами по письму,
Я в душе почувствовал сомнение.
Нет, пожалуй, незачем мне лезть
Со своим горячим излияньем.
Вдруг порыв мой примет он за лесть,
Гордый, избалованный вниманьем.
Может, в этом отклике простом
Что-нибудь не так совсем сказалось...
Долго размышлял я над письмом.
И письмо... непосланным осталось.
...Ах, как часто, искренность любя,
Избегая слов и дел фальшивых,
Мы привыкли сдерживать себя
В самых добрых чувствах и порывах!
Перед кем-то, очень дорогим,
Запираемся душою чуткой,
Обходясь молчанием глухим
Или просто грубоватой шуткой.
Если б знал ты, доброе тая,
Проходя с застенчивостью мимо,
Что как раз признательность твоя
Человеку так необходима!..

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 98)

***

А. Т. Твардовскому

Как-то раз, простой и свойский,
Добрый, видно по всему,
Пётр Иванович Замойский
Дал записку нам к нему.
Помню радость, счастье наше,
Той записки лад и склад:
«Дорогой, – в ней было, – Саша!
Посмотри стихи ребят.
Оба парня* – из Сибири.
Мне понравились они...
Может, что-то в «Новом мире»
Напечатаешь? Взгляни».
Голова ходила кругом.
Путь к Твардовскому манил.
Но... Кому-то был он другом,
А для нас – великим был.
И хотя, как солнца блики,
Радость теплилась в груди,

---

* – вторым парнем, кроме Михаила Небогатова, был Алексей Косарь, поэт и журналист областной газеты «Кузбасс» (*Примечание – Н. Инякиной*).

Мы к тому, кто был великим,
Не осмелились пойти...
От любимого поэта
Пачку писем я храню.
Сердца дар, богатство это,
Как святыню, я ценю.
Но письма любое слово
Не заменит нам вовек
Взгляда, голоса живого,
Чем так дорог человек.
1974–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 106)

***

Нежданно краткая открытка
Пришла в честь праздничного дня.
В ней мой собрат от чувств избытка
Назвал учителем меня.
Польщён, смущён. Но суть не в этом,
А в том, что в горле – горький ком:
Выходит, юношам-поэтам
Давно кажусь я стариком.
Всё очень сложно в этом чувстве:
Пускай во что-то я проник,
Пускай немолод, но в искусстве
Я сам доньше ученик.
1973

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 96)

***

По капельке-словечку
Скоплю я свой ручей.
Журчи, вливайся в речку,
Чей путь – в простор морей.
Авось в минуту жажды,
Верша нелёгкий путь,
Из речки той однажды
Напьётся кто-нибудь...
1975 г.

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 97)

***

С грустью читаю иного поэта.
Ну и на громкие фразы мастак:
«Я – и Вселенная», «Я – и Планета»,
«Я – и Эпоха»! Не меньше никак.
Что ни метафора – вроде плаката,
И восклицаньям не видно конца.
Личность масштабная! Только беда-то:
Нет у личности этой лица.
1973–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 98)

***

Любил я в детстве поезда отход...
Ещё состав недвижим у перрона.
Толпится провожающий народ.
И плач, и смех – у каждого вагона.
Отрывистые фразы и слова,
Гармонь и чьё-то пьяненькое пенье...
Вдруг – в колокол ударят – раз и два.
Целуйтесь поскорее – отправленьё!
Уже свисток дежурного звучит,
Ответно паровоз гудит протяжно.
И сердце так взволнованно стучит,
Сам еду, провожаю ли – неважно.
Рывок. Толчок – сперва чуть-чуть назад,
Потом вперёд, вперёд – сильней, быстрее.
С перрона все невесело глядят,
А из вагонов – будто сожалея.
Их мысли где-то там уж, далеко,
У нового, иного перегона...
Плывёт состав свободно и легко
Вдоль бестолково-шумного перрона.
Вот и вагон последний отстучал
Скороговоркой бойкой и весёлой.
И паровоз задорно прокричал.
И лёгок на ходу состав тяжёлый.
Мелькнул за поворотом и пропал.
Растаял дым над будкою, над башней...
И только в пятнах масла серость шпал,
Да рельсов звон – уже как день вчерашний.
А поезду такой простор открыт,
Что выразит лишь песня, а не слово.
Он мчит на всех парах. Почти парит
Железным чудом, что взлететь готово.
...Недвижно над листом перо твоё.
Но вот едва заметное скольжение –
Мысль набирает ход. Сейчас её
Подхватит скорый поезд вдохновенья!
1975

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 102)

КАК ЛЕТОМ В ПОЛЕ...

С хорошим встретиться поэтом,
Стихи хорошие прочесть, –
Как в поле очутиться летом,
Где все на свете краски есть.
Там в васильках дробится небо,
И с тёплым, лёгким ветерком
Навстречу дышит море хлеба,
Кивая каждым колоском.
Там блеск реки, небес сиянье,
И каждый куст – как давний друг.

Там сердцем чувствуешь слиянье
Со всем, что видится вокруг.
Со всем, что звучно и безгласно,
Что отцвело и расцвело.
Всё так естественно и ясно,
Всё так открыто и светло!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 37)

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Когда сосредоточенность лучом
Вдруг озаряет начатое дело,
Тогда любая трудность нипочём,
Всё ловко получается, умело.
В работе мысль, и чувства бьют ключом.
Нет творческой фантазии предела.
Сейчас ещё рубеж пересечём –
И выйдет, как душа того хотела.
Но иногда всё комом, как назло.
Жизнь на помехи делу не скупится.
То помешало. Это отвлекло.
Берёт досада: надо ж так случиться!
И дело – как разбитое стекло,
В котором мысль уже не отразится...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 36)

МОЛОДОСТЬ

Ты вся – как лебедь, в белом платье,
И звонок смех, и голос твой,
И вспышки звёзд на синей глади,
И гул над трепетной листвою.
В хороший день любви и лада
Ушли за город мы, и вот
Встречаем добрую прохладу
И запах трав, и свежесть вод...
Там и поэзии начало
Среди деревьев и теней...
Хочу, чтоб снова зазвучала
Живая музыка тех дней.
Чтоб чистый голос не слабел в ней,
Годами в старость унесён,
Чтоб он звенел ещё напевней
С двумя сердцами в унисон!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с.31)

***

Нет ничего безликого на свете,
На всём своя особая печать.
Невежество узнаешь по примете:
Оно безмерно любит поучать.
А у величья – скромное обличье:
На нём морщины чёрного труда.
И поучать не станет вас величие,
Лишь дать совет решится иногда...
1960

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 101)

***

Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет:
Красивое растение –
Обычный пустоцвет.
Есть видимость поэзии,
Но острый вкус, как нож,
Разрежет строчки резвые –
И в них проступит ложь.
Есть зло, добру подобное,
Но время лоск сотрёт –
Увидишь только злобное,
Когда придёт черёд.
И есть добро, похожее
На зло. Но жизнь и там
Проявит всё хорошее,
Расставит по местам.
Советов поучительных
Не дам. Не обессудь.
Я сам ищу мучительно,
Где видимость, где суть.
1965

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 99)

СВОЯ ПЕСНЯ

Песнь у всех по-разному поётся,
Иногда зачином неплоха.
А бывает, голос вдруг сорвётся,
Даст, как говорится, петуха.
Пусть средь запевал – не первый в роте,
Но за ними мне идти, спешить.
И на самой задушевной ноте
Я хотел бы песню завершить.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 48)

МАСТЕР

Нигде не лезет напролом –
Обидчив, даже мнителен...
Зато за письменным столом –
Отважен и решителен.
В ладу искусная рука
С душой и мыслью быстрою.
И что ни образ, ни строка –
Сверкает божьей искрою!

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 46)

ТВОРЧЕСТВО

1

Всё стихло в полночной квартире.
Такой она дрёмой полна,
Что кажется, будто бы в мире –
Спокойствие, мир, тишина.
И только в груди беспокойство.
Оно не утихнет и впредь!
У сердца хорошее свойство
Сквозь время и дали смотреть.
И стены всё шире и шире.
Потом исчезают совсем...
Я вижу в разбуженном мире
Героев грядущих поэм.
Под самую звёздную крышу
В лесах поднялись этажи.
Я голос строителя слышу:
– О наших делах расскажи!
Все силы отдам без остатка
В бессонные ночи труда –
И всё же кирпичная кладка
Мне будет примером всегда!
В огнях предрассветная проседь.
Спешите моё сердце, спешите
К шахтёрам, которые просят:
– О нашем труде напишите!
Но как ты на песни ни щедро,
Не знаешь пока, что под стать
Тому, кто подземные недра
Заставил послушными стать,
А нам ещё в мире огромном
К колхозникам надо поспеть,
К пылающим в зареве домнам,
Чтоб всё повидать и воспеть.
Чтоб медные трубы трубили
Под золотом наших знамён
О доблести, славе и силе
Открытых тобою имён!

Не верь, что сейчас на планете
Спокойствие, мир, благодать.
Свистят где-то за морем плети,
Там негра линчуют опять.
Так вот отчего беспокойство,
Так вот что тревожит меня...
У сердца чудесное свойство
Гореть, не пугаясь огня.
Взвивайся же, песня, скорее
О том, как в дыму и огне
Рождаются зори в Корее,
В сожжённой врагами стране!
Пусть задушевное слово
Поможет корейцам в бою!..
.. Не надо мне счастья иного,
Как славить Отчизну свою.
В полях, где поднимется колос,
На стройке, в таёжной глуши
Я рад отозваться на голос:
– Товарищ! О нас напиши!

2

Ты ищешь слово, грезишь песней.
Оставь же комнатный мирок.
Что может быть ещё чудесней
Земных просторов и дорог!
Где труд кипит, подобно бою –
Родится столько чувств и дум!
И песнь придёт сама собою,
Как ветра свист, как листьев шум...

3

Всю ночь сижу, всю ночь ищу слова,
А за окном бледнеет синева.
Я знаю, что мой путь не на века,
Но если б хоть одна моя строка,
Один хоть штрих, пускай других бедней,
Дополнили картину наших дней!..
Близка заря. И, впаян в алый свет,
Передо мной – завода силуэт.
Быть может, там, за окнами цехов
Мои герои ждут моих стихов.
Чтобы трудом стране родной помочь,
Мы вместе не заснули в эту ночь.
Там, у станка, забыв про тяжесть век,
Стоит мой сверстник, русский человек.
Простой на вид, ничем не знаменит,
Он вдохновлён работой. Он творит.
Он каждый день на новом рубеже.
Он в будущем году живёт уже!
Пусть мой стих – лишь отблеск, а не сталь,
Зато в руке у токаря деталь,

Я счастлив тем, что кто-нибудь из нас
Свою победу празднует сейчас.

(Из сборника «Солнечные дни», 1952 г., с. 76)

СОДЕРЖАНИЕ

«В ПОЭЗИИ ГОТОВ СТОЯТЬ ГОРОЙ...»: СТИХИ О ТВОРЧЕСТВЕ

Предисловие	170
«Помню первый свой в жизни стишок...»	171
«В поэзии готов стоять горой...»	171
«И я имел когда-то псевдоним...»	171
«Всю ночь сижу...»	171
«Обидно мне...»	172
НА РЕКЕ	172
РОДНИК ПОЭЗИИ	173
РОДСТВО ДУШ	174
«Хорошо, наверно, быть поэтом...»	175
«Что-то нехотя и вяло...»	175
«Один сказал...»	176
РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ	176
«О чём не подумал...»	176
О ТЕМАХ	177
ГЛАВНЫЙ ВОПРОС	177
СУЕТА	178
«Глухая полночь, в доме тишь...»	178
«Есть стихи, как перезвоны...»	178
«Читатель! Друг мой неизвестный...»	179
ВЕКА ЖИВЁТ СТИХОТВОРЕНЬЕ	179
«Пушкин – наше небо...»	180
О ПРОСТОТЕ	180
ЧИТАТЕЛЬ – ДРУГУ ПОЭТУ	181
«Мы ценим всё, что сделано добротой...»	182
ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ	183
«Написать стишок – нетрудно...»	183
СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ	184
О САДАХ	184
СУХАРЬ	185
РЕКА (<i>Александру Пинаеву</i>)	185
ЖАВОРОНОК (<i>Памяти Анатолия Саулова</i>)	186
«Есть у меня поэт любимый...» (<i>Виктору Баянову</i>)	187
«С увлечением книжку дочитал...»	187
«Как-то раз, простой и свойский...» (<i>А. Т. Твардовскому</i>)	188
«Нежданно краткая открытка...»	189
«По капельке-словечку...»	189
«С грустью читаю...»	189
«Любил я в детстве поезда отход...»	190
КАК ЛЕТОМ В ПОЛЕ	190
ЛЮБИМОЕ ДЕЛО	191
МОЛОДОСТЬ	191
«Нет ничего безликого на свете...»	192
«Есть видимость цветения...»	192
СВОЯ ПЕСНЯ	192
МАСТЕР	193
ТВОРЧЕСТВО	193

Михаил Небогатов

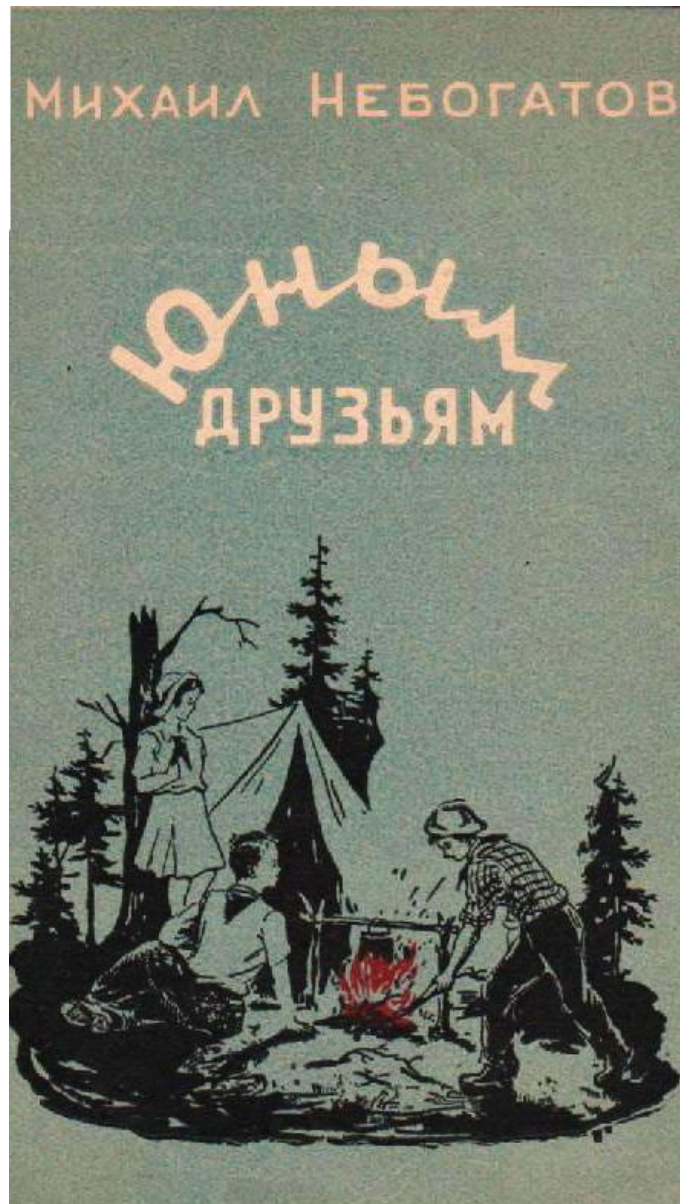
СТИХИ ДЕТЯМ

ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Переиздание

*Оригинальная обложка книжки,
изданной в 1957 году*

ПРЕДИСЛОВИЕ

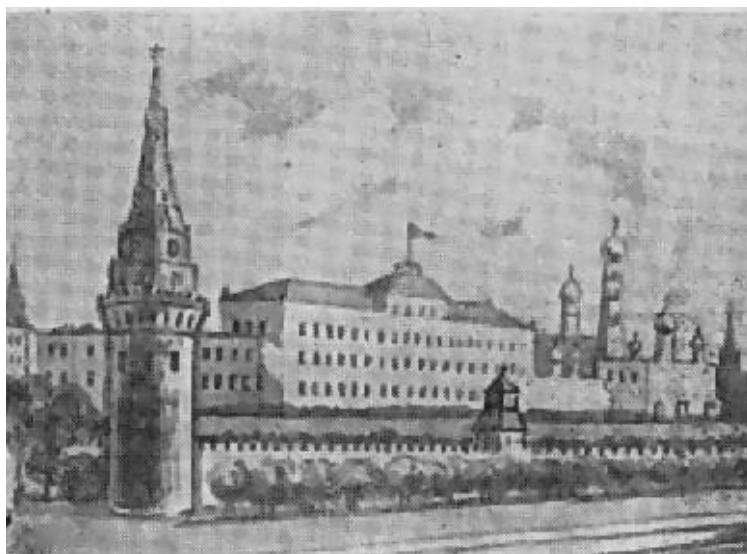
Михаил Александрович Небогатов был одним из тех поэтов Кузбасса, кто стоял у истоков нашей Кемеровской писательской организации. Широкую известность он приобрёл, прежде всего, как мягкий и лиричный автор стихов и книг о любви, о природе. Но, как это часто бывает в жизни, став многодетным отцом, он попробовал себя и в другом качестве – написал целую книжку детских стихов. Эта книжка получила название «Юным друзьям» и вышла в свет в 1957 году.

Очень хотелось бы познакомить сегодняшних читателей с этими добрыми стихами. Я, сама уже четырежды бабушка, только сейчас впервые смогла увидеть и прочитать эту книжку своим внучатам – праправнукам поэта. Стихи им очень понравились, и Полина, Антон и Маша выразили желание выучить их наизусть.

Предлагаю перепечатку этой единственной детской книжки поэта, которая ещё раз свидетельствует о его неоспоримом таланте, о его всесторонне одарённой личности. Для того чтобы передать атмосферу тех лет, когда была создана книжка, сохраняю художественное оформление, выполненное художниками В. Черепановым и Г. Бородулиным.

Перепечатка приближена к оригиналу.

*Подготовила к переизданию:
Нина Инякина – старшая дочь
М. А. Небогатова*

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

С чем сравнить любовь к Отчизне,
Как сказать о ней?
Ничего, ребята, в жизни
Нет её сильней.

С чистотой её сравнится
Синева озёр,
Золотистый свет зарницы
И ребёнка взор.

Глубока она, как реки,
Горяча, как кровь.
Как заря, светла навеки
К Родине любовь.

НАШ ИЛЬИЧ

Пройди по краю своему,
Его портрет – в любом доме.

С улыбкой ясных, мудрых глаз,
Он, как живой, глядит на нас.

Малыш, писать начав едва,
Слагая первые слова,

Взяв непослушный карандаш,
С волнением пишет: «Ленин наш».

Да, Ленин наш! Пусть много лет
Его, живого, с нами нет.

Но всё, чем жил он и дышал,
Что нам с любовью завещал,

Всей нашей жизни торжество
Озарено душой его!

В стране, где стал свободным труд,
Заветы Ленина живут.

Мы любим родину труда,
Как он любил её всегда.

Мы бережём страну побед,
Как он берёг её от бед.

Крепим мы армию свою,
Как он крепил её в бою.

Мы знамя партии несём
Высоко, гордо, как при нём.

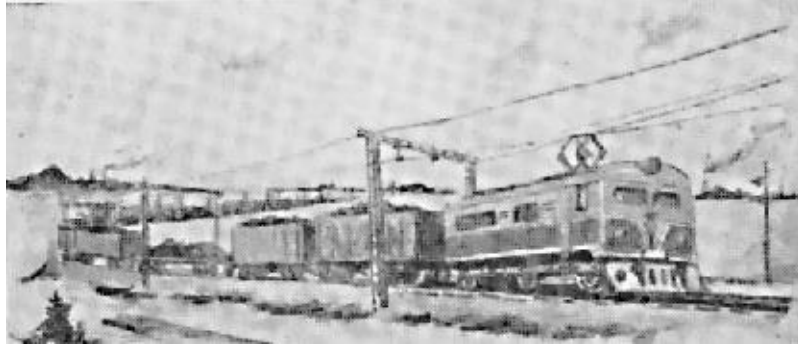

ЗА КНИГОЙ

Русоголовые детишки
Уселись рядышком за стол,
Шуршат в руках страницы книжки...
И вдруг я слышу:

– Вот! Нашёл!

– Не ты, – Алёша возражает, –
Совсем не ты нашёл, а я.
Ведь это Ленин, я же знаю. –
Глядят, дыханье затая.
Молчанье первой нарушает
Светлана, старшая из них.
Она братишкам заявляет:
– Про Ленина я знаю стих! –
И, перестав искать картинки,
Смотря в окошко, на восход,
Уверенно и без запинки
Читает: «Ленин не умрёт!»

ВСЁ ДЛЯ МИРА

В тишине предутреннего часа,
На закате, солнечным ли днём
Поезда уходят из Кузбасса
С коксом, лесом, сталью и углём.

Мчат составы в дальние просторы
Средь лесов дремучих и полей.
Сталевары, химики, шахтёры
Шлют подарки Родине своей.

Пусть металл, что выдал кузнечанин,
Станет мостом где-то над рекой!
Пусть сияет в лампочках ночами
Ценный клад, добытый под землёй!

Каждый лист добротной стали нашей,
Каждый малый камешек угля –
Всё для мира! Для того чтоб краше
Расцвела советская земля!

ЁЛКА

Сегодня в нашей школе
С утра весёлый гам:
Колхозные ребята
Прислали ёлку нам.

Под шорохи метели
Спала она в лесу,
Скрывая в снежной шубе
Зелёную красу.

И век бы так стояла
От города вдали,
Но вот её срубили,
На праздник привезли.

Мы ёлку нарядили,
Зажгли на ней звезду.
Сверкай, светись огнями,
Красуйся на виду!

И радуется ёлка,
Довольная, небось,
Что в шумном коридоре
Местечко ей нашлось.

Протягивает ветки,
Подарки раздаёт,
Со всеми с нами вместе
Встречает Новый год.

СЛАВНАЯ ДАТА

Февраль. Конец морозам...
А ну-ка посмотри
На листик календарный –
Где цифра двадцать три.

Не меркнет эта дата.
Войдёт она в века,
Как первая победа
Советского штыка.

Народ мы очень мирный,
Недаром говорим:
– Чужой земли не надо,
Своей не отдадим!

Но есть на свете люди,
Разбойникам сродни.
Без крови и пожаров
Не могут жить они.

Давно они мечтают,
Враги народных масс,
Присвоить землю нашу,
Рабами сделать нас.

Смешно о том подумать!
Наверно, господа
Забыли, как в России
Встречала их беда –

На Волге, в Подмосковье,
Под Курском и Орлом...
И впредь от нас им бегать,
Как бегали в былом!

Стоит на страже мира
Наш воин день и ночь,
Захватчика любого
Готов отбросить прочь!

ВСТРЕЧА ПЕРВОМАЯ

Далеко умчалась вьюга,
Перестал трещать мороз.
Снова тёплый ветер с юга
Дни весёлые принёс.

Говорливыми ручьями,
Птичьей трелью у окна,
Солнца яркими лучами
Нас приветствует весна!

Что ни день – простор яснее,
Рад весне Кузнецкий край.
Добрый другом вместе с нею
К нам приходит Первомай.

Вновь у школьного порога
Он стоит в сиянье дня,
Задаёт вопросы строго:
– Чем встречаете меня?

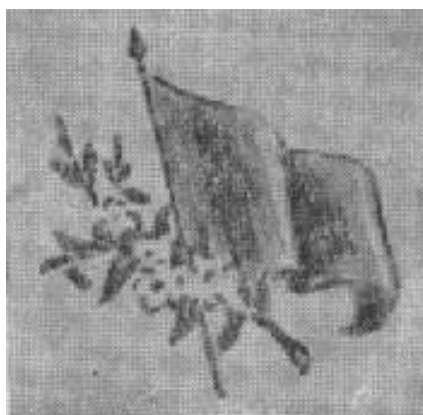
Все готовы сдать экзамен?
Двойки есть у вас, друзья?
Признавайтесь лучше сами,
Всё равно узнаю я...

Льётся свет над нашим краем
После сумрачной зимы.
Этой встречи с Первомаем
С нетерпением ждали мы.

Много радостного вскоре
Будет в жизни у ребят –
Песни, флаги на просторе,
Новый праздничный наряд...

Как один, без оговорки,
Заявляем наперёд:
На четвёрки, на пятёрки
Завершим учебный год!

Ведь не зря у нас алеет
Красный галстук на груди.
Приходи, наш Май, скорее,
Всем на радость – приходи!

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Стихла в поле метель...
Зазвенела капель,
Зажурчали ручьи на дворе.
Вновь с далёкого юга весёлый апрель
Птичьи песни принёс на заре.
Рано утром в тиши
Крепко спят малыши.
Снятся им корабли и дворцы...
Что за шум под окном?
Кто там спорит? О чём?
...То скворцы прилетели. Скворцы!
Любо выйти гурьбой
На простор голубой,
Громко крикнуть пернатым: – Привет!
Под блестящей пилой
Доски пахнут смолой,
Пеной стружек рубанок одет.
Вот и выстроен дом.
Блещет краска на нём:

Словно листья, зелёным он стал.
Все ребята горды
коллективным трудом,
Только Вовка-засоня проспал.
...Есть берёзка в саду,
Что спустилась к пруду.
Пусть скворечник её оживит.
Пусть висит он на ней
В свете солнечных дней,
Молодую листвою обвит!
Скрылись дети и ждут...
Воробей тут как тут.
Знать, решил он: квартира моя.
Вдруг один из гостей,
Тот, что был посмелей,
Прыгнул в дом и прогнал воробья!
До чего ж молодец
Забияка-скворец!
Разгадал он желанье ребят.
Даром, что ли, они мастерили дворец.
И ещё не такой смастерят!

ЮНЫЕ ТУРИСТЫ

Здесь широки просторы,
Здесь трубы не дымят –
Над речкой возле бора
Палатки встали в ряд.

С утра взмывают флаги
Над зеленью полян.
Шумит весёлый лагерь –
Наш дружный туристан!

...Ещё деревья мгlistы,
Туманны небеса,
А юные туристы
Спешат уже в леса.

Темнеют в чаще тени...
И радостно в пути

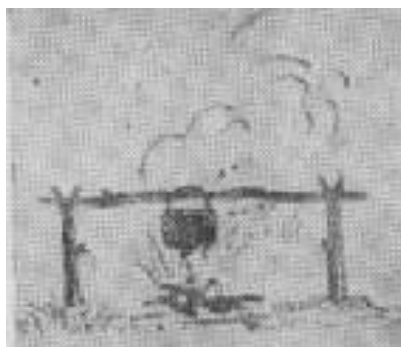
То редкое растение,
То чей-то след найти.

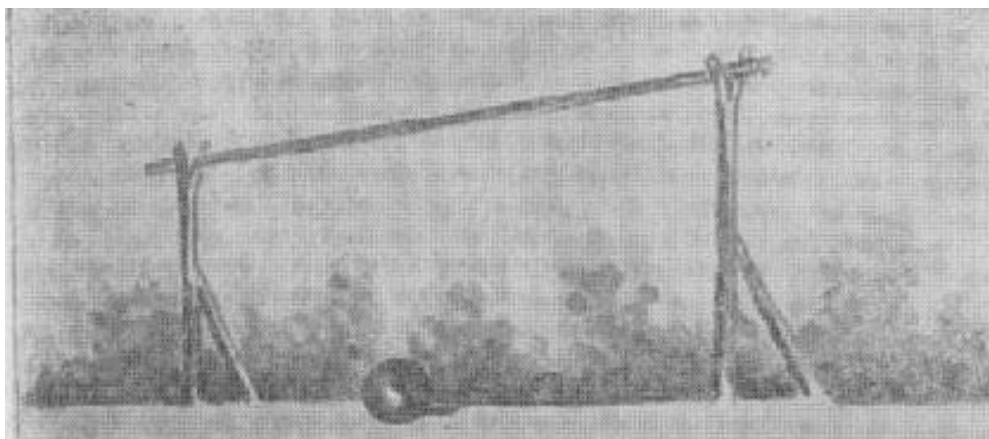
Красив росистым утром
Скользкий в соснах луч.
Сверкая перламутром,
Журчит студёный ключ.

А в нём чудесный камень,
Обточенный водой,
Лучится, точно пламень,
Под чистою слюдой...

В небесном океане
Все краски вечер стёр.
И снова на поляне
Горит, горит костёр.

И песня – друг крылатый –
Летит, звенит во мгле...
Как хорошо, ребята,
Жить на родной земле!

НА ШКОЛЬНОМ СТАДИОНЕ

Во дворе у нашей школы
Есть полянка. Благодать!
Для любителей футбола
Лучше места не сыскать.

Полчаса проходит в споре:
Чья возьмёт?

Посмотрим – чья.

Наконец, команды в сборе.
– По местам! – кричит судья.

Разбежались. Ждут сигнала.
Присмирели до поры.
И стоят не как попало,
А по правилам игры.

Этот, ясно всем – в защите,
В нападении – вон тот.
За одно лишь не взыщите:
Настоящих нет ворот.

Ничего, что нет и сетки.
Был бы мастер бить мячом.
Коль удар хороший, меткий,
Тут уж сетка ни при чём.

Здесь любой – спортсмен
заправский,
Не смотри, что малый стаж...
Заглянул бы к нам Синявский,
То-то был бы репортаж!

БАБУШКИНЫ ДНИ

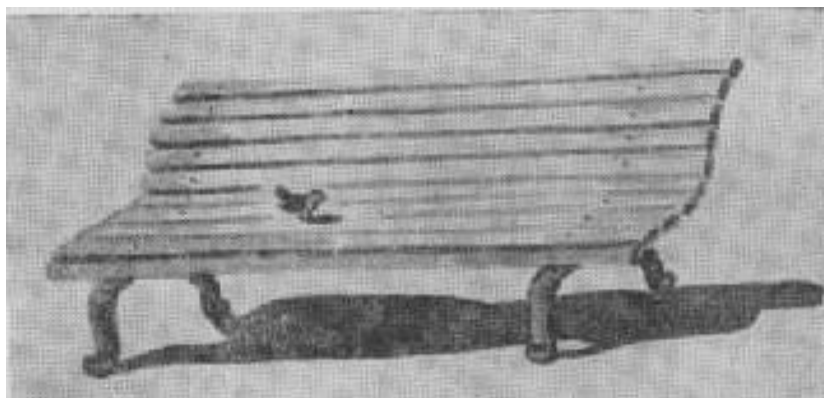
Бабушка вздыхает:
Быстро дни бегут!
Только рассветает –
Вечер тут как тут.

Я гляжу в окошки:
Где бегут они,
Быстрые, как кошки,
Бабушкины дни?

Вижу управдома
С трубкой у ворот.
Мальчик незнакомый
Мимо нас идёт.

Вот, сигнала звонко,
Промелькнул «Москвич».
А потом трёхтонка
Провезла кирпич.

По скамье солидно
Ходит воробей...
Нет, нигде не видно
Бабушкиных дней.

НА УЛИЦЕ

Они счастливей
всех на свете!
Румянит щёки им мороз.
Скажи: «Домой пора вам, дети»,
Не обойдётся тут
без слёз...

Так не мешайте!
Пусть играют
Хрустящим искристым снежком.
Пусть к простору привыкают –
Не всё ж под стол
ходить пешком!..

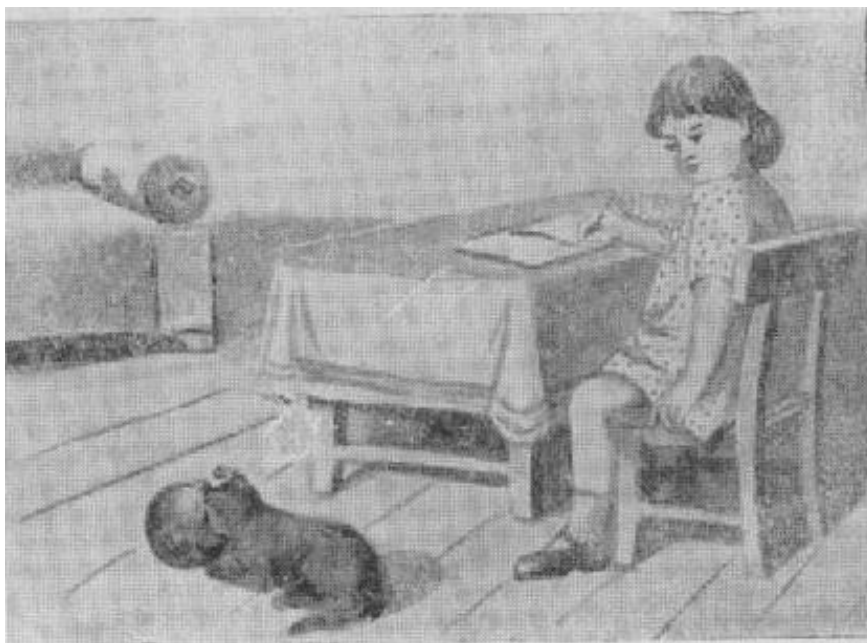

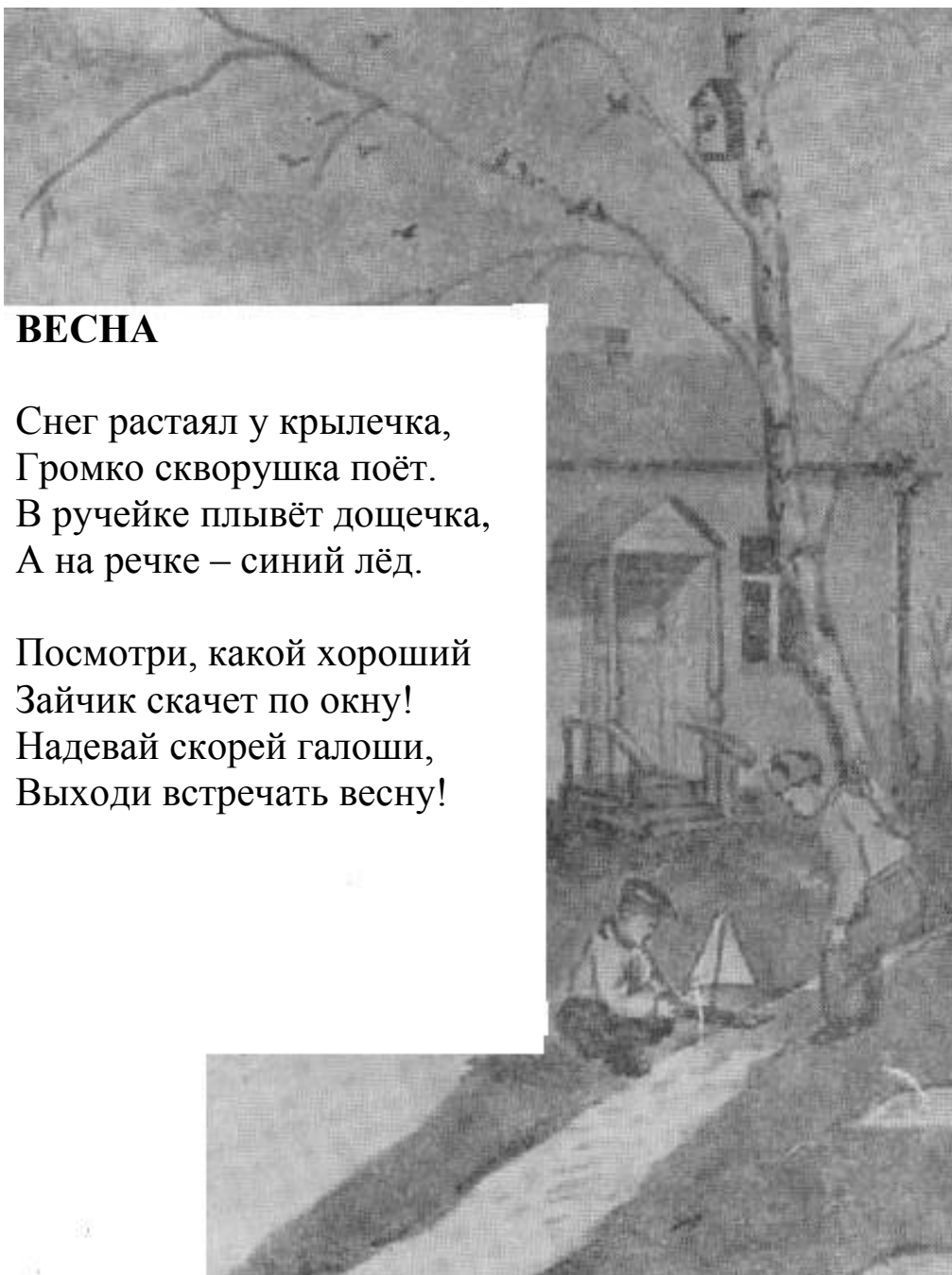
УРОК

Света спрашивает Люду:
– Люда, где мой карандаш?
А писать на чём я буду?
А тетрадь мне тоже дашь?

Тут же ходит Васька-кот.
Беззаботно он живёт.
Мяч катает,
Отвлекает,
Заниматься не даёт.

Уходи-ка, гость незваный!
Убирайся за порог!
Ты нарочно у Светланы
Захотел сорвать урок.

ВЕСНА

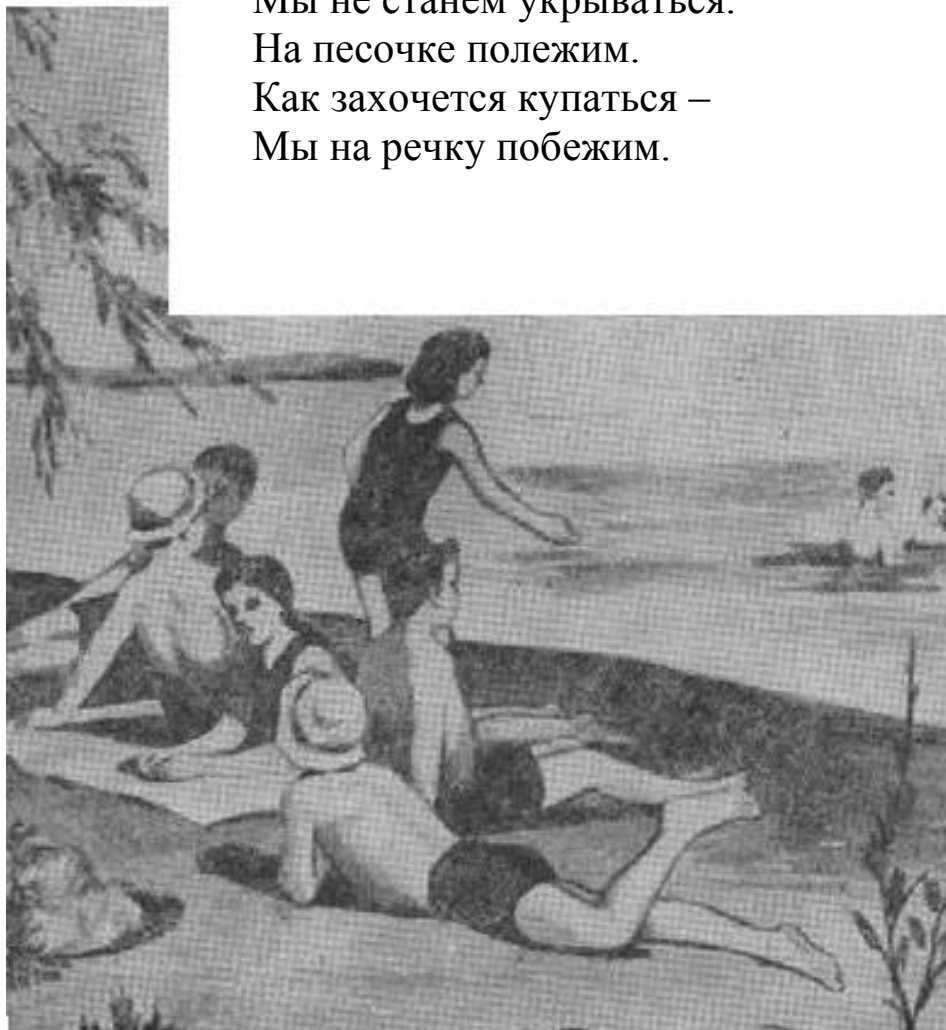
Снег растаял у крылечка,
Громко скворушка поёт.
В ручейке плывёт дощечка,
А на речке – синий лёд.

Посмотри, какой хороший
Зайчик скачет по окну!
Надевай скорей галоши,
Выходи встречать весну!

ЛЕТО

Красный мак цветёт на грядке...
Очень жарко в летний день.
Даже курочки-хохлатки
От жары укрылись в тень...

Мы не станем укрываться.
На песочке полежим.
Как захочется купаться –
Мы на речку побежим.

ОСЕНЬ

Туча хмурится сердито –
Это осень нам грозит.
Частый, частый, как из сита,
Дождь из тучи моросит.

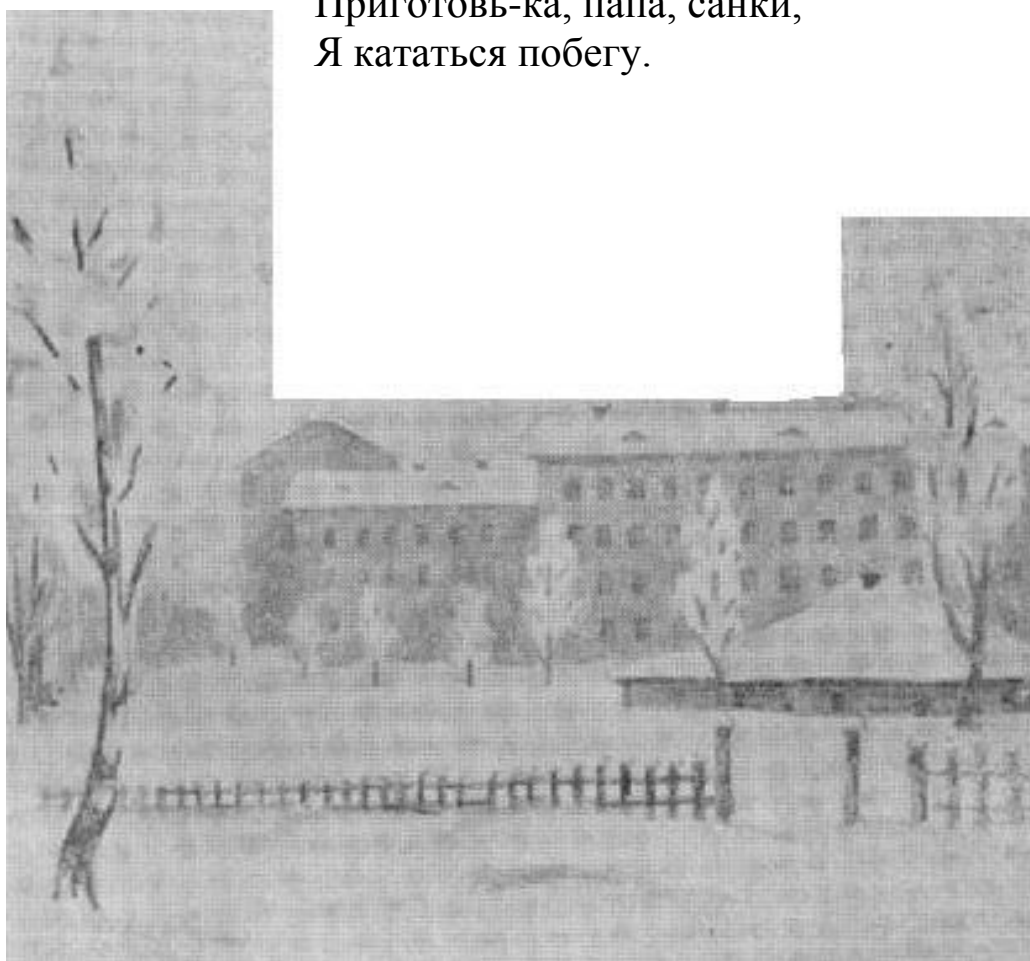
Нас под крышей не замочит!
Дома солнышка мы ждём.
Только клён домой не хочет –
Мокнет, мокнет под дождём.

ЗИМА

Рано утром пробудились,
А на улице – зима!
Словно сахаром покрылись
Все деревья и дома.

И дорожки, и полянки –
Всё нарядное, в снегу.
Приготовь-ка, папа, санки,
Я кататься побегу.

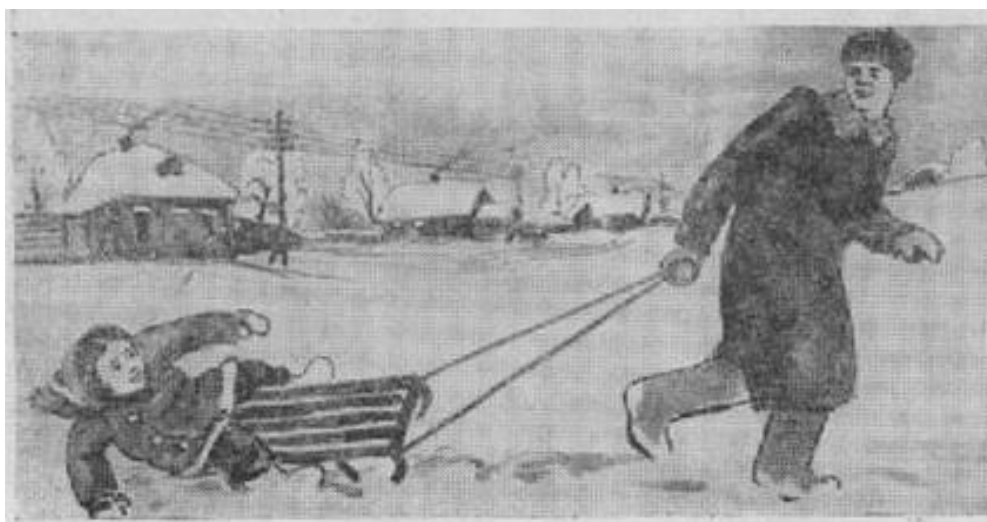
НА САНКАХ

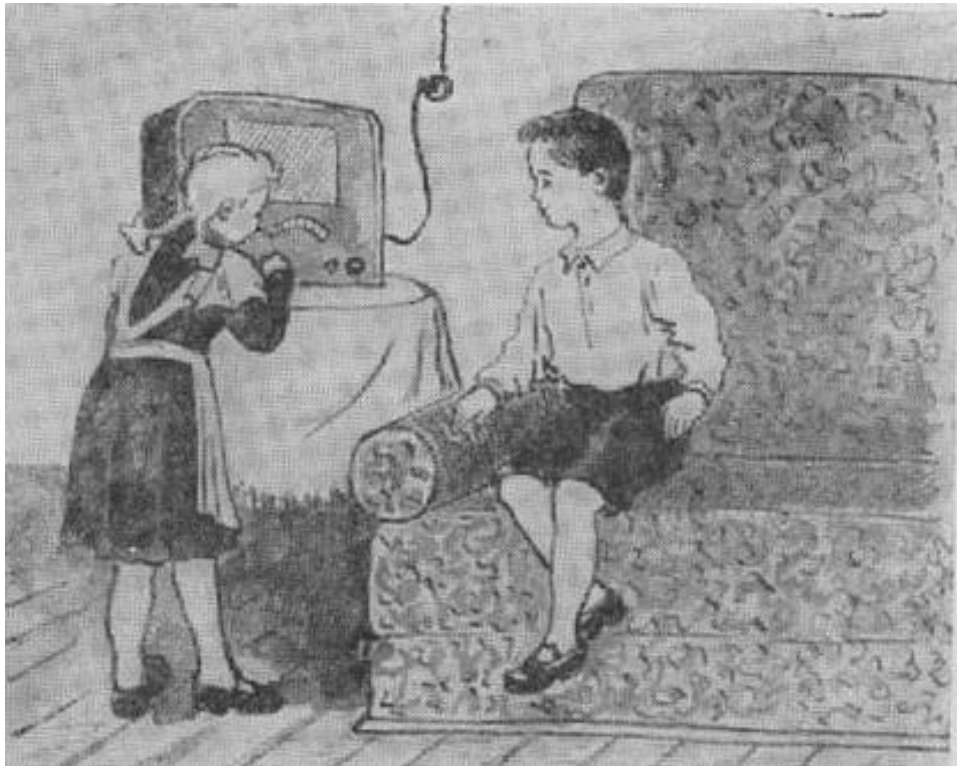
Я по-зимнему одета.
Я как взрослая на вид.
– Ну, садись на санки, Света!
Едем! – папа говорит.

По дорожке ровной, гладкой
Он повёз меня бегом.
Я кричу: – Но-но, лошадка!
Прыг – и санки под кустом!

Вот так ровная дорожка,
А пришлось в снегу лежать!
Отряхнулась я немножко
И поехала опять.

А на горке на крутой
Попросилась я домой.
– Эх, какая ты трусиха! –
Засмеялся папа мой.

У ПРИЁМНИКА

Много знаю я фамилий:
Горький, Чехов есть у нас...
Вот мы радио включили,
Будет музыка сейчас.

Я и голос различаю,
Только путаю порой:
Кто Чапаев, кто – Нечаев,
Кто – певец, а кто герой.

ПРОГУЛКА

Едем, едем с дядей Гришей
На машине легкой.
Галя просит: – Тише! Тише!
Упаду я! Ой-ой-ой!

Станем под гору спускаться,
Галя плачет, я смеюсь.
Я привык уже кататься.
Я нисколько не боюсь.

СЕМЬ ДНЕЙ

Говорят, я был малышкой,
Забавлялся лишь пустышкой.
Нет, неправду говорят!
Я давно хожу в детсад.

В понедельник на зарядке
Плывать учатся ребята.
Поглядишь издалека –
Синий коврик, как река.

***

А во вторник из бумаги
Мы салфетки, платья, флаги
Вырезали за столом,
Чтобы вклеить их
в альбом.

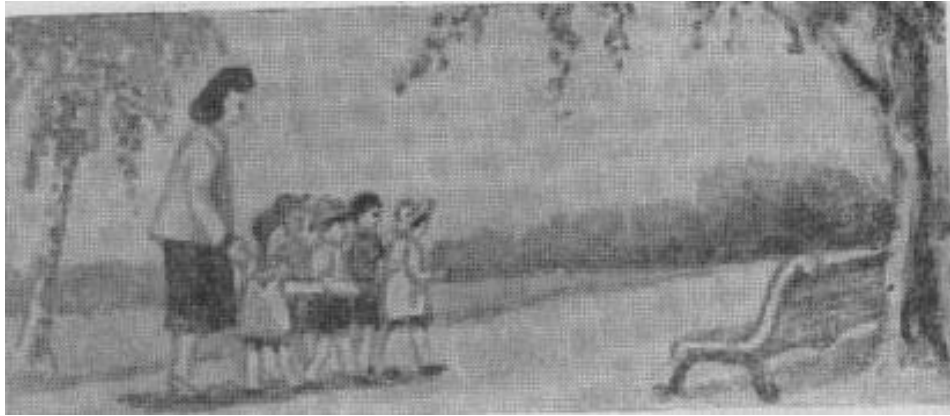
И за флаг и за салфетку
Нам поставили отметку.
Жду я вторника опять:
Флаг я вырезал на «пять»!

***

На другое утро, в среду,
Про Кузбасс вели беседу.
Знаю, шахта – под землёй,
В шахте – угольный забой.

Захочу – шахтёром стану,
Если лампочку достану.
Захочу – построю дом.
Кирпичи-то мы найдём!

***

Весь четверг гуляли в парке.
Видел я плакат на арке:
Дяди, тёти обнялись,
Как на праздник собрались.

Мы играли на аллейке.
Отдыхали на скамейке.
Я не хныкал. Я терпел.
Только си-и-льно пить хотел.

***

Утром в пятницу вначале
Голубей мы рисовали.
После я смотрел журнал
И картинку срисовал.

Это – рельсы. Путь проводят.
За рекою солнце всходит.
А людей на берегу
Срисовать я не могу.

***

Дни к субботе подлетели.
В этот день мы песни пели,
Танцевали под рояль.
Но недолго. Очень жаль.

Наконец, идут за нами!
Я бегу навстречу маме.
До свиданья, детский сад!
Через день встречай ребят.

***

В воскресенье, только встали,
С папой в шашки поиграли.
И про флаг и про журнал –
Всё я папе рассказал.

А потом в театре были.
Ух, как там в ладошки били!
Папа целый день со мной:
У обоих выходной.

ПТЕНЧИК

К нам в окно, в квартиру прямо
Птенчик маленький влетел.
Он искал, наверно, маму,
Он в гнездо попасть хотел.

Вот чудак. Шалит он, что ли,
Испугался ли кого?
Ничего! Сейчас на волю
Вновь мы выпустим его.

СЛАДКОЕЖКА

Не хочу я борщ, котлеты,
Я хочу варенье, мёд.
Папу очень сердит это:
– Сладкоежкой дочь растёт!

Рассуждают папа с мамой:
– В самом деле, как же быть?
Что нам делать с ней, с упрямой?
– Что? – сказала я. – Любить!

ГУДКИ

– Принимайтесь все за труд! –

По утрам гудки зовут.

Иногда они гудят

Специально для ребят.

Вот гудок. Сигнал к подъёму?

Нет. Сигнал совсем другой:

Страшно выглянуть из дому,

На дворе мороз большой.

Можно даже не являться

На уроки в этот день.

Рад без дела оказаться

Тот, кому учиться лень.

Есть такой лентяй, проказник

На примете у меня.

У него сегодня праздник:

Был гудок в начале дня...

Проучились уж полгода.

Скоро вновь придёт весна.

С каждым днём теплей погода,

Всех нас радует она.

Лишь лентяй один сердит:

Что-то долго не гудит...

ТРУД

Есть особенная глина –
Разноцветный пластилин.
Из комочка пластилина
Маша вылепила блин.

Улыбнулась: «Отгадай-ка,
Что получится сейчас?»
Блин помяла – смотрим, зайка
На столе пустился в пляс.

Поработала немножко –
Превратился зайка в кошку,
А из кошки вышел слон,
Длинный хобот поднял он.

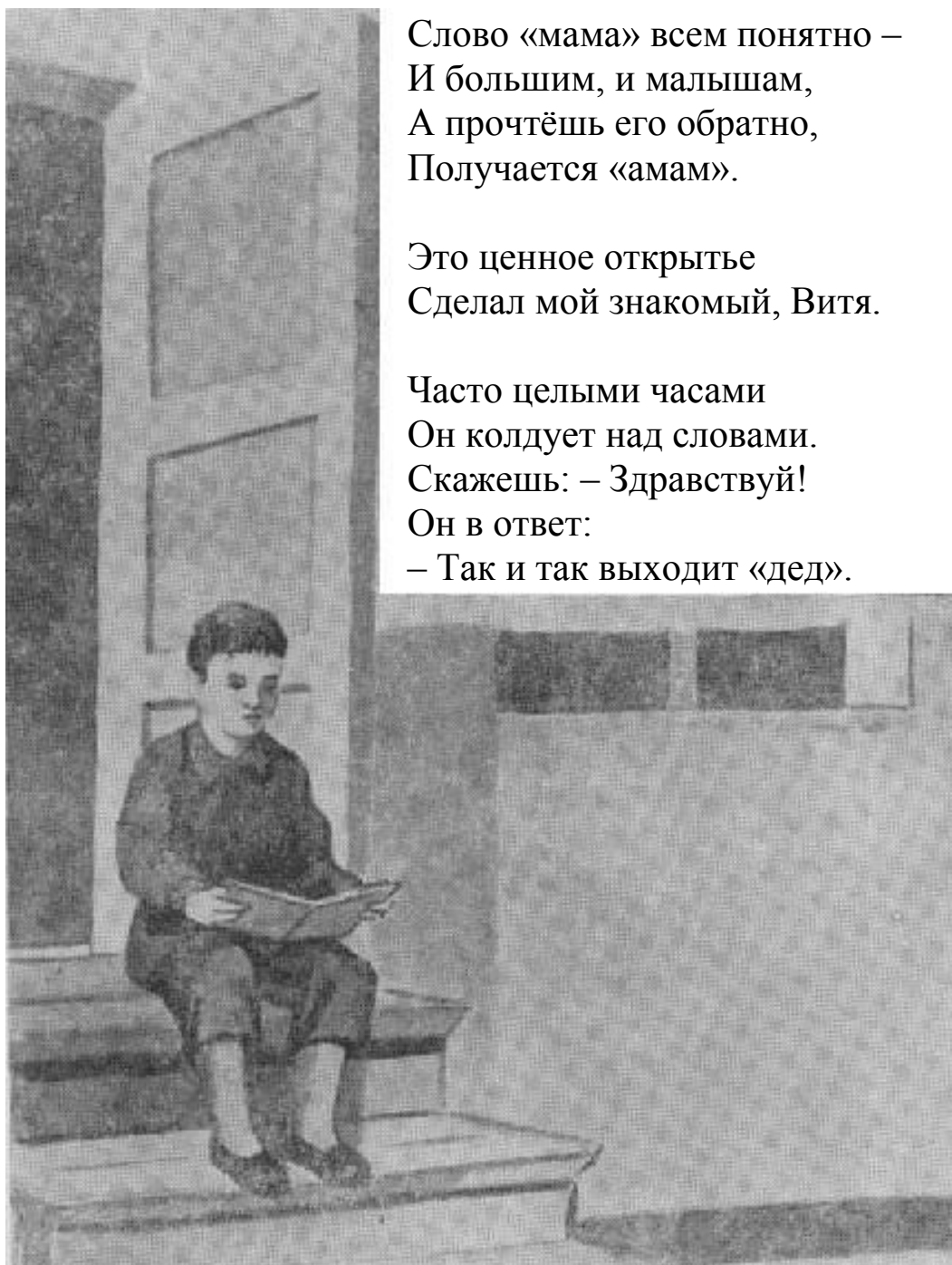
Всё, что хочешь, по заказу –
Куклу, птичку, чайник, вазу
Можно сделать в пять минут.
Вот какой чудесный труд!

СЛОВА

Слово «мама» всем понятно –
И большим, и малышам,
А прочтёшь его обратно,
Получается «амам».

Это ценное открытие
Сделал мой знакомый, Витя.

Часто целыми часами
Он колдует над словами.
Скажешь: – Здравствуй!
Он в ответ:
– Так и так выходит «дед».

Подскажите мне слова,
Чтоб из слова вышло два.
Я немножко сам нашёл:
Слово «лог» обратно – «гол».

Так «тропа», а так «апорт» –
Яблок самый лучший сорт,
А из «сорта» выйдет «трос».
В чём тут дело? Вот вопрос!

Сядет с книжкой на крылечке
И пыхтит «учёный» наш –
Ищет разные словечки,
Чтобы взять на карандаш.

Всех соседей озадачил –
Заговариваться начал.

Раз слыхала тётя Маша,
Как он детям во дворе
Крикнул вместо «ералаша»?
– Что у вас за шаларе?!

ПЕРВОКЛАССНИЦА

Немало радостей бывало,
Припомним их сейчас:
Когда сама на ножки встала,
Шагнула в первый раз;

Когда впервые без запинки
«Мои!» – произнесла,
Стащив красивые картинки
У папы со стола;

Когда жучка поймала в поле
(Присел он на цветок)
И отпустила. Пусть на воле
Летает жук-жучок!

Игрушка новая и сладость –
Всё радовало, всё!
А с чем сравнить вот эту радость?
Как выразить её?

Тут что-то новое, такое,
Чему сравненья нет,
Что не даёт сейчас покоя
Впервые за семь лет.

Забыты куклы и скакалка...
Серьёзен детский взгляд...
Хотя немножко их и жалко –
Пусть пока лежат.

У дочки с мамой есть занятия,
По-взрослому они,
Готовя фартуки и платья,
Сдружились в эти дни.

Портфель и книжки все купили,
Всё сшили, но опять
Быть может, что-нибудь забыли?
Гадают дочь и мать...

Уж солнце в облачных волокнах,
Но свет его горяч.
Ребячий смех влетает в окна,
Мелькает резвый мяч.

Вот заплела свои косички,
Задумалась... О чём?
И вдруг, сорвавшись по привычке –
Вдогонку за мячом!

А мысль одно твердит упрямо –
О том, что впереди:
– Мне завтра в школу!

Слышишь, мама?

Пораньше разбуди!

В ШКОЛУ

Семилетний Боря
Дни считал всё лето.
Наконец-то пробил
Долгожданный час.

Как большой, с портфелем,
Празднично одетый,
Он идёт сегодня
В школу, в первый класс.

До свиданья, лето!
Ты прошло недаром.
Всем на удивленье
Наш Борис подрос.

Посвежел, покрылся
Бронзовым загаром,
До сих пор от солнца
Шелушится нос.

Говоря по правде
(Это между нами),
Очень не хотелось
Дачу покидать.

Там и лес, и поле
С ягодой, цветами,
Птичек щебетанье
И речная гладь...

В городе уж листья
Золотыми стали.
Тихо дым струится
К сизым небесам...

Хочется Борису,
Все чтоб увидали,
Как идёт он в школу,
Словно взрослый, сам!

Речкой голубою,
Алой земляникой
Промелькнуло лето.
Где оно теперь?

Маленький хозяин
Родины великой
Смело открывает
В будущее дверь.

ПРО ОТМЕТКИ

Прихожу домой под вечер,
Дочка старшая – навстречу:
– Папа, папа! Я опять
Принесла сегодня «пять».

Разве это не причина –
Шоколадку ей вручить?
В самом деле, молодчина,
«Пять» не просто получить...

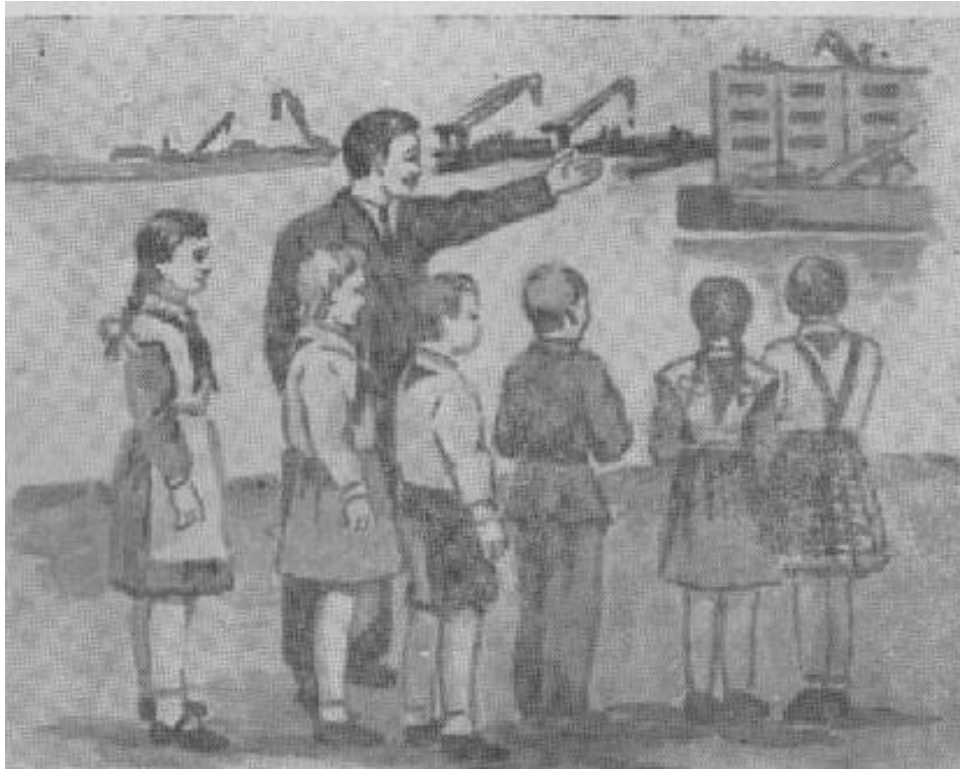
Но бывает (правда, редко),
Прихожу я – дочь молчит.
Знать, неважная отметка,
Раз такой унылый вид...

– Есть «пятёрки»? Получила?
Дочка явно смущена.
Без особенного пыла
Отвечает: – Есть одна...
И совсем уже не бойко
Добавляет: – «Пять» и «тройка».

– В чём ошибка? Цифра, слово?
Вместе ищем корень зла...

А на завтра слышу снова:
– Все «пятёрки» принесла!

СОЛНЕЧНОЕ ДЕТСТВО

Обойди весь белый свет,
И нигде на свете
Лучше вашей доли нет,
Дорогие дети.

Подарила вам страна
Солнечное детство.
Землю русскую она
Вам дала в наследство.

Эту землю в грозный час
От врагов проклятых
Защищали мы не раз
Ради вас, ребята.

Не один солдат в бою
На полях Отчизны
Честно отдал жизнь свою
Ради вашей жизни.

Вспомним каждого, кто жил,
Рвал цветы, смеялся...
Всех, кто головы сложил,
Но врагам не сдался...

Весь народ за мир сейчас.
Знайте же, ребята:
Не взорвётся возле вас
Ни фугас, ни атом.

Отстоим мы солнца свет
Ради вашей жизни.
Жить вам много-много лет,
Жить при коммунизме!

СОДЕРЖАНИЕ

ЮНЫМ ДРУЗЬЯМ: СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Предисловие	199
Любовь к Родине	200
Наш Ильич	201
За книгой	203
Всё для мира	204
Ёлка.....	205
Славная дата	207
Встреча Первая	209
Скворцы прилетели	211
Юные туристы.....	213
На школьном стадионе	215
Бабушкины дни	217
На улице	219
Урок	220
Весна.....	221
Лето.....	222
Осень	223
Зима	224
На санках.....	225
У приёмника	226
Прогулка	227
Семь дней.....	228
Птенчик	231
Сладкоежка	232
Гудки	233
Труд	234
Слова	235
Первоклассница.....	237
В школу	239
Про отметки.....	241
Солнечное детство	242

**Михаил
Небогатов**

**РАЗНЫЕ
СТИХОТВОРНЫЕ
ФОРМЫ**

«НЕ УДИВЛЯТЬ, А УДИВЛЯТЬСЯ...»

(Поэмы, сонеты;
эпиграммы, басни, пародии;
переводы)

*Иллюстрация из сборника
«Спасибо сентябрю», 1972.
Художник Н. И. Кофанов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник – не совсем тематический, и поэтому немного «выбивается» из общей серии. Здесь под одной обложкой Вы найдёте разные по форме и жанру произведения: крупные и крошечные, серьёзные, ироничные, шуточные. Это поэмы, сонеты, басни, пародии, эпиграммы. Сюда же я включила несколько стихотворений – переводов с шорского и венгерского.

Главная мысль при составлении этого сборника: показать поэтический дар автора столь разных стихотворных произведений со всех сторон. Настоящий поэт пробует в своей творческой жизни всё, пишет даже то, что даётся ему нелегко. Так, например, Михаил Александрович говорил о публицистических стихах, которые он буквально заставлял себя писать, как бы трудно это ни было. Или, например, сонеты. Своему другу – фронтовику, журналисту, работавшему вместе с ним в редакции газеты «Кузбасс», Юрию Дмитриевичу Баландину – он посвятил целый Венок сонетов, который называется «Золотая осень».

Пародии, эпиграммы, басни получались очень хорошо. Они пользовались большим успехом у слушателей, перед которыми довольно часто доводилось выступать Михаилу Небогатову. Одна из таких встреч сохранилась и у меня в памяти: работая учительницей в 40-й кемеровской школе, я однажды по просьбе детей приглашала отца на беседу. Он с радостью отозвался и пришёл в школу, которую, как узнала я много лет спустя из «Дневниковых записей разных лет», окончили его сыновья Владимир и Александр. Время, отведённое на эту незабываемую встречу, пролетело незаметно. И ученики, и учителя остались очень довольны. А папа досадовал: среди них так и не увидел свою дочь (я пряталась за спины школьников, стеснялась попасться ему на глаза...).

Читателям эта книжка может показаться неровной по мастерству – написанное относится к разным периодам творчества, но одно все заметят сразу: многогранность таланта автора.

Необходимо сделать ещё одно примечание: как и в самом первом тематическом сборнике – «СТИХИ О ВОЙНЕ» – произведения даются в нескольких вариантах.

Автор-составитель.

ПОЭМЫ

ФЁКЛА НИЛОВНА

Есть средь сибирских деревень
Камышенка. Слыхали?
Недаром ей в далёкий день
Название это дали.
На юг, на север поглядишь –
Кругом одно и то же:
Камыш, камыш, сплошной камыш,
Безлюдье, бездорожье...
Но глушь любая нипочём,
Коль человек явился,
Срубил избу – добротный дом,
Освоился, прижился.
Так, незаметно, шли года.
Был дом – деревня стала.
И вот – мечтал ли кто когда! –
О ней Сибирь узнала...
В те дни, с которых буду я
Вести повествованье,
Жила в Камышенке семья
Достойная вниманья.
В ней было столько человек,
По тем годам – излишек,
Что не хватило б двух телег
Для всех Марусек, Мишек.
«Везло» Скворцовым. Что ни год –
Хозяин беспокойней:
Жена то сына принесёт,
То встретит сразу двойней...
А в жизни полный кавардак.
Колчак грозит проклятый.
В одной деревне – красный флаг,
В соседней – полосатый.
Здесь власть уже в руках крестьян,
А там – другие планы.
Созвал друзей Скворцов Иван.
– Пойдёмте в партизаны!
Дадим по шее белякам.
Иначе – суд их краток –
Нагрянут сами ночью к нам,
Побьют, как куропаток...
В затылке стали все чесать.
Иван толкует дело!
Пора свой край в бою спасать.
Отсидка надоела.
Два дня готовили подряд
Коней и снаряженье,
На третий – в лес ушёл отряд
И вскоре дал сраженье.

***

Давно ль мужские голоса
Гудели басовито:
– Труба нам нынче без овса...
– Да... погорело жито... –
А что в Камышенке теперь?
Телок проскачет лихо,
Всплакнёт ребёнок, скрипнет дверь –
И вновь тоскливо, тихо.
Не мил без мужа дом родной.
Однако, слава богу,
Война обходит стороной,
Забыла к ним дорогу.
Присядет женщина к столу –
Ладонь у подбородка –
И долго смотрит в ночь, во мглу
Задумчиво и кротко.
Один прохожий, говорят,
Рассказывал недавно,
Мол, стал Камышенский отряд
Почти что самым главным.
Мол, колчаковский генерал,
Из самых образцовых,
В одних кальсонах удирал
От нашего Скворцова.
Где склад горит, где поезда
Взрываются нежданно,
Где бой, засада – там всегда
Скворцова партизаны!
Кто знает, правда или нет,
Верны ли эти слухи...
– Ох, помутился белый свет, –
Печалились старухи...
Однажды августовским днём,
От знойной дымки блёклым,
За речкой где-то ухнул гром,
Да так, что дрожь по окнам!
Живой сигнал военных гроз
Здесь слышали впервые.
В глазах у всех немой вопрос:
– Свои или чужие?
Кто б ни был там – скорей во двор!
Гремят крючки-железки.
Скорей ворота на запор,
Плотнее – занавески!..
Как раз напротив, где жила
С детьми жена Скворцова,
Был новый дом, второй с угла,
Игрушка, право слово!
Созданье сильных, умных рук,
Других просторней, выше,

Смотрел он весело на юг
Из-под тесовой крыши.
Как все, Гречушкин Михаил,
Хозяин той игрушки,
Сейчас был там, где нужен был –
Где грохотали пушки.
Вот и хозяйке молодой
Спокойно не сидится.
Глядите, вышла за водой,
Нисколько не боится.
Послушав, что там вдалеке,
Румяная, босая,
Свернула за угол, к реке,
Чуть вёдрами качая.
– Вернись! – раздался чей-то крик.
С улыбкой обернулась.
Мол, ничего. И в этот миг
За балкой пыль взметнулась...
Плескалась в вёдрах синь небес.
А гости верховые
Уже неслись наперерез,
Вгляделась... Ой, чужие!..
Усатый дядя впереди.
Наган, погоны, шашка...
Ремни – крест-накрест на груди...
Высокая фуражка...
Конём как будто невзначай
Толкнул. Спросил сурово:
– А ну, молодка, отвечай,
Где тут изба Скворцова? –
Едва ль заметил офицер –
Бродила в жилах водка, –
Как изменилась вдруг в лице
Красивая молодка.
«Хотят расправу учинить», –
Догадка промелькнула.
Как это горе отстранить?
Куда направить дула?
Усатый дёргает коня.
Глаза – под стать булавам...
«Там детвора... А у меня
Не семеро по лавкам...
А Михаил? Что ж Михаил.
Да разве он осудит?»
И вроде больше стало сил,
Решила – будь, что будет!
Сама душа, сама судьба
Ей выход подсказала.
Сказала: – Вон его изба. –
И дом свой показала.
Команду подал офицер...
И к ней: – Как звать-то?

– Фёкла...

Лишь замер топот на крыльце,
Дзинь! – вдребезги все стёкла.
Сверкая зубом золотым,
Усатый млеет над тыном:
– Так поступаем мы с любимым
Гнездом... ик...ик... осиным... –
Он мог бы, будь трезвей чуть-чуть,
Смекнуть – нечисто дело:
Схватила женщина за грудь,
Как стенка, побледнела.
Под сердцем первенца она
Три месяца носила.
И мысль зловещая одна
Её сейчас пронзила:
Вдруг, разгромив её жильё,
Он спросит о хозяйке?
Не зная хитрости её,
Всё скажут без утайки,
Тогда конец... известный суд –
Штыком проткнуть, повесить...
Ну, что ж. Две жизни пусть берут.
Две! А могли бы – десять...
Хитри и дальше, да умней,
Гречушкина Феклуша!..
Усатый вновь с улыбкой к ней:
– Одна живёшь, без мужа?
Небось соскучилась... Ха-ха!
Ишь, сдобная какая... –
– А вы б нашли мне жениха.
И впрямь, живу одна я! –
Тот улыбается: напал
На добрую бабёнку!..
Слез. Лошадь к тыну привязал.
– Кхм... Отойдём в сторонку...
Брось вёдра! Дай-ка помогу.
Сюда вот... в палисадник... –
Вдруг поднял руку к козырьку:
– Постой-ка. Что за всадник?..
Солдат с пакетом подскакал
И вытер пот в истоме...
– Кончай! – усатый заорал
Хозяйничавшим в доме.
Проворно прыгнул на коня.
– Я к вам ещё приеду... –
Мигнул Феклуше: «Жди меня –
Продолжим, мол, беседу».
С усмешкой бровью повела
(Дом подожгли злодеи!)
– У вас, я вижу, есть дела
Гораздо поважнее... –
И закружилась снова пыль
В другом конце селенья...

Была сегодняшняя была
Как страшное виденье.
Взрыв... суматоха... общий страх...
Отвод беды обманом,
Игрой – от смерти в двух шагах –
С бандитом полупьяным.
Жених! Семь бед – один ответ...
Не знал ты о невесте:
Не привези солдат пакет –
Убила бы на месте...
Прошла б игриво, на виду,
В потёмки сеновала,
А там, как муху на меду,
Навек бы приласкала...
Сбежали. Скрылись без помех.
Ни дна им, ни покрышки!..
Трещало пламя... Раньше всех
Опомнились мальчишки.
Как воробьи, из-за оград
Повысыпали с криком:
– Пожар! Гречушкины горят!
– А дыму-то! Смотри-ка!
И в самом деле, дом пылал
С какой-то злобой дикой.
Сбегались люди – стар и мал
С ведром – а подойди-ка!
Приковылял столетний дед.
Рукой махнул с досадой:
– Сгорит. Спасти надежды нет.
Спасать соседей надо.
Ворота рушьте. Лейте здесь.
Ну, жарит! Эко диво... –
Есть командир – порядок есть.
Взялись за дело живо...

***

Какая радость, боже мой:
Негаданно-нежданно
Пришли в Камышенку, домой,
Родные партизаны.
...Обросший, хмурый, Михаил
Стоял над пепелищем.
– И здесь каратель, значит, был...
Что ж, и его разыщем!
Дождётся встряски он, буржуй,
И пули в лоб впридачу...
Не плачь, Феклуша, не горюй.
– Да я совсем не плачу. –
Вздохнув, поведала ему,
Как было, всё сначала...
– Теперь ты знаешь, почему
Жилья у нас не стало.

– Э, вот в чём дело. Молодцом!
Рисково, но толково!
Гречушкин с радостным лицом
Нашёл в толпе Скворцова.
– Ты не слышал, Иван Кузьмич?
Пожар-то неспроста ведь!
С тебя положен магарыч.
Придётся, братец, ставить.
Скворцов в тужурке, весь в ремнях,
Попыхивая трубкой,
Шагнул с дочуркой на руках,
Глазастенькой и хрупкой.
И взгляд, каким поверх голов
Окинул он Феклушу,
Сказал ей всё без лишних слов,
Запал глубоко в душу.
Никто вокруг понять не мог,
С чего вдруг при народе
Скворцов к себе её привлёк,
Расчувствовался вроде...

***

Чтоб не остался мой рассказ
В загадках – в тёмных пятнах, –
Скажу: Гречушкины сейчас –
Семья шахтёров знатных.
Большая жизнь вошла в права.
Смела былую горечь...
И Фёкла Ниловна жива,
И Михаил Егорыч.
Коль двух телег, на чей-то взгляд,
Скворцовым не хватало,
То для Гречушкиных орлят,
Небось, трёхтонки мало.
На днях читали мы Указ
(Всё в жизни мудро ныне!):
Медаль у Ниловны сейчас
И званье Героини.
Гостей сошлось на торжество –
Со всех краёв, похоже!
Детсад у сына одного
И у другого – тоже!
Была родня Скворцовых здесь.
Их всех – больших и малых –
Теперь нельзя уже и счесть.
И вряд ли кто считал их.
А вывод мой в конце таков,
Скажу не ради шутки:
Чтоб крепкий род сибиряков
Да вдруг иссякнул? Дудки!..
Пусть нет красот в словах простых
Про дальние события, –

Вам, Фёкла Ниловна, свой стих
Хотел бы посвятить я.
Пусть не меркнет, став строкой,
Живёт в душе народной
Ваш образ, сердцу дорогой,
Ваш подвиг благородный...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 212)

ФЁКЛА ГРЕЧУШКИНА

Рассказ в стихах

Есть среди сибирских деревень
Камышенка. Слыхали?
Недаром ей в далёкий день
Название это дали.
На юг, на север поглядишь –
Кругом одно и то же:
Камыш, камыш, сплошной камыш,
Безлюдье, бездорожье...
В те дни, с которых буду я
Вести повествованье,
Жила в Камышенке семья,
Достойная вниманья.
«Везло» Скворцовым. Что ни год –
Хозяин беспокойней:
Жена то сына принесёт,
То встретит сразу двойней...
А в жизни полный кавардак.
Колчак грозит проклятый.
В одной деревне – красный флаг,
В соседней – полосатый.
Здесь власть уже в руках крестьян,
А там – шумят смутьяны...
Созвал друзей Скворцов Иван.
– Пойдёмте в партизаны!
Я так считаю, не с руки
Нам без Советской власти.
Она за нас ведь, мужики.
Давайте с печек слазьте!
Дадим по шее белякам.
Иначе – суд их краток –
Нагрянут сами ночью к нам,
Побьют, как куропаток...
В затылке некогда чесать.
Иван толкует дело!
Пора берданки в руки брать!
Отсидка надоела.
Два дня готовили подряд
Коней и снаряженье,
На третий – в лес ушёл отряд.
И вскоре дал сраженье.

***

Не мил без мужа дом родной.
Однако, слава богу,
Война обходит стороной,
Забыла к ним дорогу.
Присядет женщина к столу –
Ладонь у подбородка –
И долго смотрит в ночь, во мглу
Задумчиво и кротко.
Один прохожий, говорят,
Рассказывал недавно,
Мол, стал Камышенский отряд
Почти что самым главным.
Мол, колчаковский генерал,
Из самых образцовых,
В одних кальсонах удирал
От нашего Скворцова.
Где склад горит, где поезда
Взрываются неожиданно,
Где бой, засада – там всегда
Скворцова партизаны!
Кто знает, правда или нет,
Верны ли эти слухи...
– Ох, помутился белый свет, –
Печалились старухи...
Однажды августовским днём,
От знойной дымки блёклым,
За речкой где-то ухнул гром,
Да так, что дрожь по окнам!
Живой сигнал военных гроз
Здесь слышали впервые.
В глазах у всех немой вопрос:
Свои или чужие?
Кто б ни был там – скорей во двор!
Гремят крючки-железки.
Скорей ворота на запор,
Плотнее – занавески!..
Как раз напротив, где жила
С детьми жена Скворцова,
Был новый дом, второй с угла,
Игрушка, право слово!
Как все, Гречушкин Михаил,
Игрушки той хозяин,
Сейчас был там, где нужен был –
В лесах он партизанил.
Вот и хозяйке молодой
Спокойно не сидится.
Глядите, вышла за водой,
Нисколько не боится.
Послушав, что там вдалеке,
Румяная, босая,
Свернула за угол, к реке,
Чуть вёдрами качая.

– Вернись! – раздался чей-то крик.
С улыбкой обернулась.
Мол, ничего. И в этот миг
За балкой пыль взметнулась...
Плескалась в вёдрах синь небес.
А гости верховые
Уже неслись наперерез,
Вгляделась... Ой, чужие!..
Усатый щёголь впереди.
Наган, погоны, шашка...
Ремни – крест-накрест на груди...
Высокая фуражка...
Конём как будто невзначай
Толкнул. Спросил сурово:
– А ну, молодка, отвечай,
Где тут изба Скворцова? –
Едва ль заметил офицер –
Бродила в жилах водка, –
Как изменилась вдруг в лице
Красивая молодка.
Усатый дёргает коня.
Глаза – под стать булавкам...
«Там детвора... А у меня
Не семеро по лавкам...
А Михаил? Что ж Михаил.
Да разве он осудит?»
И вроде больше стало сил,
Решила – будь что будет!
Казалось, что сама судьба
Ей выход подсказала.
– Скворцова? Вон его изба! –
На дом свой показала.
Команду подал офицер...
И к ней: – Как звать-то?
– Фёкла...
Лишь замер топот на крыльце,
Дзинь! – вдребезги все стёкла.
Сверкая зубом золотым,
Усатый млел над тыном:
– Так поступаем мы с любым
Гнездом... ик...ик... осиным... –
Он мог бы, будь трезвей чуть-чуть,
Смекнуть – нечисто дело:
Схватила женщина за грудь,
Как стенка побелела...
Хитри и дальше, да умней,
Гречушкина Феклуша!..
Усатый вновь с улыбкой к ней:
– Одна живёшь, без мужа?
Небось соскучилась... Ха-ха!
Ишь, сдобная какая... –
– А вы б нашли мне жениха.
И впрямь, живу одна я!

Тот улыбается: напал
На добрую бабёнку!..
Слез. Лошадь к тыну привязал.
– Кхм... Отойдём в сторонку...
Брось вёдра! Дай-ка помогу.
Сюда вот... в палисадник... –
Вдруг поднял руку к козырьку:
– Пстой-ка. Что за всадник?..
Солдат с пакетом подсказал
И вытер пот в истоме...
– Кончай! – усатый заорал
Хозяничавшим в доме.
Проворно прыгнул на коня.
– Я к вам ещё приеду... –
Мигнул Феклуше: «Жди меня!»
Продолжим, мол, беседу.
С усмешкой бровью повела
(Дом подожгли злодеи!)
– У вас, я вижу, есть дела
Гораздо поважнее...
И закружилась снова пыль
В другом конце селенья...
Была сегодняшняя былъ
Как страшное виденье.
«Жених!» Семь бед – один ответ...
Не знал ты о «невесте»:
Не привези солдат пакет –
Убила бы на месте...
Прошла б игриво, на виду,
В потёмки сеновала,
А там, как муху на меду,
Навек бы приласкала...
Сбежали. Скрылись без помех.
Ни дна им, ни покрышки!..
Трещало пламя... Раньше всех
Опомнились мальчишки.
Как воробьи из-за оград
Повысыпали с криком:
– Пожар! Гречушкины горят!
– А дыму-то! Смотри-ка!
И в самом деле, дом пылал
С какой-то злобой дикой.
Сбегались люди – стар и мал
С водой – а подожди-ка!
Приковывлял столетний дед.
Рукой махнул с досадой:
– Сгорит. Спасти надежды нет.
Спасать соседей надо.
Ворота рушьте. Лейте здесь.
Ну, жарит! Эко диво... –
Есть командир – порядок есть.
Взялись за дело живо...

***

Какая радость, боже мой:
Негаданно-нежданно
Пришли в Камышенку, домой,
Родные партизаны.
...Обросший, хмурый Михаил
Стоял над пепелищем.
– И здесь каратель, значит, был...
Что ж, и его разыщем!
Дождётся встряски он, буржуй,
И пули в лоб впридачу...
Не плачь, Феклуша, не горюй.
– Да я совсем не плачу. –
Вздыхнув, поведала ему,
Как было, всё сначала...
– Теперь ты знаешь, почему
Жилья у нас не стало.
– Э, вот в чём дело. Молодцом!
Рисково, но толково!
И муж с задумчивым лицом
Нашёл в толпе Скворцова.
– Ты не слышал, Иван Кузьмич?
Пожар-то неспроста ведь!
С тебя положен магарыч.
Придётся, братец, ставить.
Скворцов в тужурке, весь в ремнях,
Попыхивая трубкой,
Шагнул с дочуркой на руках,
Глазастенькой и хрупкой.
И взгляд, каким поверх голов
Окинул он Феклушу,
Сказал ей всё без лишних слов,
Запал глубоко в душу.
Никто вокруг понять не мог,
С чего вдруг при народе
Скворцов к себе её привлёк,
Расчувствовался вроде...
1956

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 28. Отличия в текстах очевидны)

БРАТЬЯ

1

У Матрёны Петровой
Нынче праздник большой:
К ней из города в гости
Сын приехал старшой.
Не пылил сапогами,
Не шагал по тропе –
На своей на машине
Подкатил он к избе!
Чёрным лаком покрыта,
Так и светится вся,
Остроглазые фары
На прохожих кося...
Вёл расспрос у Егора
Николай – младший брат:
– Всё в забое?
– В забое.
– Рядовой?
– Как солдат!
В новой форме шахтёрской,
С виду – вроде моряк,
Гость дымил папироской,
Отвечал – что и как.
...Любовалась сынами
Хлопотливая мать:
Всем в отца. У обоих
Молодецкая статья.
Ясноглазы и русы,
Встанут в ряд – как один.
Только тот, что безусый,
Тот с «характером» сын –
Своевольный, упрямый,
С беспокойной душой...
В сердце матери старой
Нынче праздник большой.
Наглядеться не может,
Как в былые года,
На желанного гостя –
На Героя Труда.
А давно ль пеленала,
Умывала его.
Поджидала из школы
У крыльца своего...
Всё боялась, что мальчик
Может в жизни пойти
Без отцовского глаза
По плохому пути.
Да явилась родная,
Справедливая власть,

Подала ему руку,
Чтоб не мог он упасть,
В люди вывела сына!..
Кем же будет второй?
День и ночь он мечтает:
Дескать, мне бы в забой...
«Вот какой он, Егор-то, –
Думал парень меж тем, –
И звезда, и медали,
А простецкий совсем».
И светилась улыбка
На лице паренька.
Под бровями сверкали
Два живых огонька.
В нём всё ярче и ярче
Разгорались мечты,
Словно в дальние дали
Он взглянул с высоты...

2

Пришли соседи. Председатель
Колхоза здешнего – Носков –
С порога крикнул:
– Ну, приятель.
Кажись, кажись!.. Смотри, каков! –
С лицом открытым, загорелым,
Носков был строг, подтянут, прям.
– А я-то думал, грешным делом:
Уж не видать Егора нам.
Дай обниму тебя хоть, что ли...–
Расселись гости, где кто мог.
Приятен свежий запах поля,
Душист махорочный дымок!
Смотрел Егор на всех с любовью –
На земляков, друзей своих.
Спокойной силой и здоровьем,
Как прежде, веяло от них.
На что уж стар Савелий, сторож,
И у того в глазах огонь.
Коль слово взял – не переспоришь,
А под хмельком – тащи гармонь!
Вот и сейчас, с другими вместе
Одетый празднично пришёл.
Усы расправив, честь по чести,
«Зубровку» выставил на стол.
Сел – молчаливый и серьёзный,
Как будто совершил обряд.
– А кто ж на пост? – кузнец колхозный
Спросил, на водку бросив взгляд.
– Не беспокойтесь. Я старуху
Определил туда с полдня.
Она не то что вора – муху

Убьёт со злости на меня. –
Савелий крикнул. Дружным смехом
Ему ответили. А он:
– Толкую ей: «Шахтёр приехал!
И у него я быть должен».
Взяла ружьё. Патронов пару.
Да говорит: «Не ровен час –
Не вздумай шляться у амбаров,
Бабахну раз – и весь мой сказ!»
Вот... подвернись... Судите сами. –
И снова шутки, смех в ответ.
Весь дом наполнен голосами.
Погас в полях закатный свет...
Хлопочут братья, составляя
Скамейки, стулья, два стола.
Их мать, от радости немая,
В графины пиво разлила.
Подкралась ночь за разговором.
На окнах – блики синевы.
– Ну, как живётся там шахтёрам?
Дела, успехи каковы?
Звеня, стаканы шли по кругу,
Всё громче, жарче разговор.
Про всё поведали друг другу
В ту ночь сельчане и шахтёр.
...Никто не знал, какою думой
Петров меньшей встревожен был.
Он, безучастный и угрюмый,
О всех, казалось, позабыл.
Сидел, в пустой стакан уставясь,
И лишь порой не то в укор,
Не то восторженную зависть
В его глазах ловил Егор.

***

...Вставал рассвет, молочно-сиз,
Когда соседи разошлись.
Егор с сигарки пепел сдул,
К братишке свой придвинул стул.
Спросил (так сердце подсказало):
– Шахтёром, значит, хочешь стать?
– Шахтёром, да!
– Ну что ж. Пожалуй,
Мечта характеру под стать.
Мне лишь одно неясно что-то –
Душе и здесь большой простор –
Работа есть везде работа,
Будь ты колхозник, будь шахтёр.
Сейчас про всех слагают песни.
Любому слава и почёт...
А где трудней, там интересней.
И это надо брать в расчёт.
В углу украдкой мать вздохнула.

(«И ты из дому, Николай?»).
Но, пересилив грусть, сказала:
– Колхоз отпустит – поезжай.
Настало в комнате молчанье.
Стучали ходики в тиши.
– Смотри, обдумай всё заранее, –
Егор заметил, – Не спеши...

3

Проводили Егора.
Осень... Дождик с утра.
Скошен хлеб – и в дорогу
Николаю пора.
– Может, там и найдёшь ты
В жизни место своё, –
Говорила старушка,
Собирая бельё. –
Да равняйся на брата,
Будь поближе к нему.
Он добра тебе хочет,
Учит делу, уму.
Где в сердцах и обидит –
Помолчи, не беда.
Он подальше нас видит,
Не на день, на года.
По-партийному, зорко
Он на жизнь-то глядит.
Может, рядом с Егоркой
Станешь сам знаменит.
– Ладно, мама...
– Ну, с богом,
Путь счастливый, сынок. –
Перед тем, как покинуть
Свой родимый порог,
Зная русский обычай,
Оказал ему честь:
Не забыл на скамейку
Вместе с матерью сесть.
Закурил. На прощанье
Огляделся вокруг.
И таким ненаглядным
Всё представилось вдруг,
Так в душе защемило
От всего, что до слёз
Было дорого, мило –
Всё бы взял и унёс!..

4

Распахнулись гулкие просторы.
Вьётся-тает дыма полоса.
И бегут назад леса да горы.
Слева, справа – горы да леса!

Путь далёкий без края –
Увидал Николай,
В жизнь иную вступая.

6

Листвой, снежком октябрь сырой
Замёл у школы стёжку.
С утра весёлый снежный рой
Летит, летит к окошку.
Давно ль черёмуха цвела,
Звенел родник в овраге.
Опять земля белым-бела,
Как чистый лист бумаги...
И как свой дом не вспомнить тут
Хотя бы на минутку...
На дровни станешь, вскинешь кнут –
И в лес по первопутку.
Сбегутся кедры в тесный круг.
Возьмёшь топор. А ну-ка!
Проснётся эхо: тюк да тюк.
И снова – тишь. Ни звука...
Когда же в шахту? Что к чему –
Взглянуть одним бы глазом.
Чтоб стало ясно самому,
Не только по рассказам.
Своё желанье Николай
Поведал как-то брату.
А тот:
– Обсудим-ка давай,
Что надо знать солдату.
Вот, скажем, он собрался в бой.
– Ну, пулемёт, винтовку.
– А если ты не в бой – в забой?
– Шахтёрскую сноровку.
– Не всё.
– Отбойный молоток!
– А если он откажет?
– Тогда какой-нибудь знаток
Поможет мне, подскажет.
Свой чуб волнистый теребя,
Егор молчал с минуту.
– Выходит, дядя за тебя
Стрелял бы там, в бою-то?
– То молоток, а то ружьё...
– А я скажу иное:
Твой молоток – ружьё твоё,
Когда ты с ним в забое.
Запомни раз и навсегда
Хотя б одно вначале:
Давно прошли те дни, когда
Мы уголь силой брали.
Гордишься ей – коли дрова.

А механизм – загадка.
Нужна тут, Коля, голова,
А не медвежья хватка.
И вот совет мой от души:
Смири горячий норов.
Учись! И в шахту не спеши,
Чтоб не смешить шахтёров. –
А Николай совсем поник.
Сиди, мол, ту без дела.
Ведь там, в колхозе, он привык,
Чтоб всё в руках кипело.
Воспоминания свежи,
Толпятся снежным роем...
– Ну, ты хоть шахту покажи.
– А это мы устроим.

7

На рассвете Николая
Поднял брат – он рано встал.
Паренёк, в ладонь зевая,
Буркнул:
– Сам бы не проспал...
...Вот и шахта. Двор. Постройки.
В чёрной копоти забор.
Николай к стволу из мойки
Шёл – ни дать, ни взять – шахтёр.
Как и брат, в спецовке, в каске.
Не узнать – совсем другой.
Шёл, а сам не без опаски
Думал: «Как там – под землёй?»
Не заметил, как с толпою
Оказался у ствола.
Чуть отстал... Махнул рукою,
Эх, была, мол, не была!
С сердцем, бьющимся тревожно,
Под людской неясный гул
На пол клетки осторожно,
Как на хрупкий лёд, шагнул.
Смех и говор. Кто-то басом:
– Из деревни? Молодцом!
А другой:
– Перед Кузбассом
Не ударишь в грязь лицом?
«Лишь не выдать бы испуга», –
Он подумал. Тут как раз
Клеть чуть дрогнула упруго
И, как в пропасть, понеслась.
После радостного вздоха
Понял: не к чему тужить.
«Э, да тут совсем неплохо.
Пообвыкнешь – можно жить».
...Вагонеток стук ритмичный.

Лампы-звёзды. Топот ног,
И почти земной, обычный
Вездесущий ветерок.
Брат сказал лукаво:
                                  – Колька! –
(Хлопнул парня по плечу)
– Перетрусил, а?
                                  – Нисколько!
– Хочешь с нами жить?
                                  – Хочу.
– Коли так, то будь как дома
И шагай за мной пока.
...Непривычно, незнакомо
Всё вокруг для новичка.
Загремев у поворота –
Не поймёшь тут ничего! –
Ослепительное что-то
Надвигалось на него.
Вроде не было мороза –
Стало холодно спине.
Сторонясь электровоза,
Николай прильнул к стене.
Рельсы вдаль бегут, сверкая
Под цепочкою огней.
На душе у Николая
Всё просторней, всё светлей.
Сели в поезд. Отдыхая,
Брат прищурился хитро:
– Как дорожка?
                                  – Неплохая.
– То-то! Прямо как в метро.
...Поезд стал. И оживлённо
Говоря между собой,
Тротуаром от перрона
Зашагали все гурьбой.
Шли с беспечностью такою,
Будто им и невдомёк,
Что вверху над головою
Многотонный потолок.
Им-то что! А с непривычки
Так и ждёшь: вот-вот обвал.
Хрустнут стойки, словно спички,
И тогда – пиши пропал...
Но звучат под тёмным сводом
Голоса. Спокоен путь.
Разве с таким народом
Пропадёшь ты где-нибудь!
Просто всё. Как утром ранним.
Ни чудес вокруг, ни тайн.
– Ну-ка, – молвил брат, – заглянем,
Как орудует комбайн.
...Здесь уж ахнуть есть причина
В первый раз, со стороны:

Режет мощная машина
Толщу каменной стены.
Будто так, забавы ради,
За рулём – один шахтёр,
А другой – немного сзади,
Там, где лента-транспортёр.
Грохоча, за камнем камень
Вниз летит. Сплошной поток.
И тотчас же черпаками
Та машина, как руками,
Их бросает на лоток.
Поглядишь – и сердце радо.
До чего ж умна, сильна!
Не пройдёт за день бригада,
Что она пройдёт одна...
Дальше в лаве – тихо, глухо,
Только капель звон. И вдруг
Робкий звук дошёл до слуха.
С давних пор знакомый звук!
Тюк да тюк. Всё чаще, чаще,
Будто ждали до поры –
И внезапно где-то в чаще
Застучали топоры.
Стук всё ближе. В тусклом свете
В стороне – уступ, другой.
– А теперь, – Егор заметил, –
Завернём и в мой забой.
– Новичок?

И сменщик брата
Подошёл. Качнулась тень.
– Прибывают к нам ребята.
Ну, здорово!
– Добрый день!..
Чернолицый и усталый,
Он счастливо руки тёр:
– День-то добрый впрямь, пожалуй,
Нормы две я дал, Егор!
– Так, – ответил тот с улыбкой, –
Скоро будешь впереди.
Уморился?
– Нет, не шибко.
– Ну, иди домой. Иди...
Брат спокойно, деловито
Пыль с шахтёрки молча сбил.
Как по комнате обжитой,
По забою он ходил.
Наклонясь, соединяя
Шланг с отбойным молотком,
Думал он про Николая:
«Станет, нет ли горняком?
Станет! Было бы желанье,
И настойчив, и упрям».
Стоя рядом, в ожиданье,

Тот смотрел по сторонам.
Ощущал, как в сердце смутно
Чувство радости росло.
Здесь по-своему уютно,
Свет от лампочки, тепло.
А когда за глыбой глыба
Уголь вниз помчит рекой,
Скажет всяк тебе спасибо,
Молодец ты, мол, какой!
Чёрный камешек блестящий
На ладонь большую лёг.
Вот он – уголь настоящий.
Наш, кузбасский уголёк!
Так же бережно когда-то
Мял он в пальцах чернозём...
Вспомнил дом... Взглянул на брата:
– Ну, начнём, Егор?
– Начнём.
На! Торжественно вручаю, –
И, как верный автомат,
Молоток свой Николаю
Протянул любовно брат.
– Покажи-ка нашу хватку.
Бей смелее. Начинай. –
Осторожно рукоятку
Сжал, волнуясь, Николай.
Промелькнула мысль: «Гляди-ка!
Немудрое ремесло».
Раз! И в пласт вонзилась пика.
Застучало, затрясло.
«Хорошо! Ещё немного».
И ещё налёг на пласт.
А в душе его тревога:
«Неужели, чёрт, не сдаст?
Да чего ж тогда я стою!»
И нажав, что было сил,
Пику, бившею пыльцою,
До пружины вглубь вонзил.
– Стоп! – раздался рядом голос. –
Выключай!

И тихо вновь.

«Ни куска не отколосось.
Ни куска!» – стучала кровь.
– М-да. Одной горячей вспышки
Мало. Дай-ка покажу. –
Поглядел в глаза братишке:
– Бей вот так, по кливажу.
Что-то высмотрел. И ровно
Вновь зацокал молоток.
... Глухо грохнулся на брёвна
Чёрный угольный кусок.
С непокрытой головою,
(Отдышаться, кстати, рад),

Николай смотрел с тоскою,
Как работал старший брат.
Забывая неудачу,
Он смотрел, смотрел, смотрел,
Точно главную задачу
В жизни всей решить хотел...
На-гора поднявшись, братья
В предвечерней шли тиши.
– Кое-что сумел понять я?
– Да. Но в шахту не спеши.
– Почему?
– А очень просто.
Мало практики одной.
Без учёбы нету роста.
К ней нельзя вставать спиной.
Коль отстанешь – будет поздно.
Век живи – и век учись.
...Было ясно и морозно,
Дым из труб струился ввысь.
Серебрился бор. И солнце,
Завершая краткий путь,
В каждый дом, во все оконца
Норовило заглянуть.
Весь в сиянье снежной пены,
Как хорош он, мир земной,
После первой пробной смены
В тёмных недрах, под землёй!
На сугроб, как на перину,
Так и хочется прилечь,
Отдохнуть, расправить спину,
Будто тяжесть сбросить с плеч...

9*

В библиотеке, в светлом зале
Шахтёры книги выбирали.
Подумать можно – здесь у полок,
Где книг – вовек не перечесть,
Собрался нынче весь посёлок –
И старики, и молодёжь.
От самой двери полукругом
Стоят, беседуют друг с другом.
И так отрадно Николаю,
Что все знакомы. Свой народ.
Один приветливо кивает,
Другой подходит, руку жмёт.
Вот этот рос на Украине,
А лучший друг Петрова ныне.
Иван Мовчан – зовут парнишку.
Спокойный увалень. Добряк.
– Микола, бач, какую книжку

---

* – в поэме почему-то не выделена 8-я глава (*Примечание Н. Инякиной*)

Я взял.
– Какую?
– «Сталь и шлак».
Читали хлопцы – хвалят дюже.
Здесь гарных книг богато, друже...
Ушёл Мовчан. Петров с досадой
Подумал: «Мало я читал».
Что попросить, что выбрать надо,
Придя сюда, он сам не знал.
Уже и очередь подходит...
Он с книжных полок глаз не сводит.
Найти бы что-нибудь заране...
Читает: «Шолохов», «Манас»,
«Поэмы», «Полное собрание»...
– Ваш номер?
– Мой? Я в первый раз.
– Так разрешите паспорт.
– Можно.

А сердце замерло тревожно:
Увидел он перед собою
Глаза – два синих василька –
И в них сияние такое,
Что не забыть, наверняка.
Открытьем этим удивлённый,
Краснея, словно от стыда,
Он паспорт в корочке зелёной
Ей протянул.
– Шахтёр вы?
– Да!

– Ах, вон вы кто!.. О вас немало
От брата вашего слыхала.
– А что? – Петров насторожился
(Что мог сказать Егор о нём).
Смеётся девушка:
– Хвалился...

Да... Называл богатырём!
Досадно стало Николаю:
«Сказал, как уголь я рубаю».
– Не отвлекай, товарищ, Зою!
Ишь, разлюбезничался как! –
Беззлобно молвил за спиною
Какой-то пожилой горняк.
А Николай спросил поспешно:
– Почаще можно к вам? –
– Конечно!

10

Был соседом у Егора
Ветеран-шахтёр.
И любил того шахтёра,
Как отца, Егор.
Горняком почти полвека

Проработал он.
Уголька старик из штрека
Выдал много тонн.
Все подземные дороги
С другом-обушком,
Молчаливый, хмурый, строгий,
Исходил пешком.
С молотком отбойным всяко
Он мудрил потом.
Всё ворчал: – Трясёт, чертяка!..
Но решил на том:
– Мне инструмент ваш, ребята,
Шибко по нутру.
Я и с ним ещё как надо
Многим нос утру.
И утёр бы, может статья.
Подвели года...
Не хотел – пришлось расстаться
С шахтой навсегда...
Жить бы так пенсионеру –
Без хлопот-забот,
Но лишь утро – и по скверу
К шахте он идёт.
Отряхнёт с усов снежинки.
Сядет в стороне.
– Что, небось, уже поминки
Справили по мне?
Окружат его ребята,
Молодой народ.
– Помирать вам рановато, –
Скажут в свой черёд.

***

Седой, сутуловатый,
Он входит в светлый класс.
И вновь пред ним ребята
Сидят. Не сводят глаз.
Народ всё деревенский,
С полей – почти вчера,
Кто курский, кто смоленский,
Кто с Волги, кто с Днепра.
Следов их нет в помине
На стёжках полевых.
В шахтёрских куртках ныне
Не различите их.
Они, коль приглядеться –
Герои новых книг.
...А ты батрачил с детства,
Ты прожил жизнь, старик.
Что ж, плохо, хорошо ли –
Трудился ты с душой.
Как мастеру, и в школе
Тебе почёт большой.

...На стенах – слева, справа –
Плакаты, чертежи.
Где штрек какой, где лава,
Про всё им расскажи.

11

Шахтёром стать готовясь,
Петров обжился здесь.
Он, как в живую повесть,
Ушёл в учёбу весь.
Ему сегодня диво:
Как мог, живя в селе,
Одни леса да нивы
Он видеть на земле.
Изъездил на машинах,
Плугами испахал,
А что в её глубинах,
Подальше нор мышиных –
Не думал, не гадал.
А под землёю клады!
Там жизнь кипит ключом!
Пусть ливни, снегопады –
Там целые бригады
Идут к плечу плечом.
Укроет сумрак нивы,
Затихнет всё кругом –
А там грохочут взрывы!
А там светло, как днём!
Всегда – зимой и летом
Закат или восход –
В подземном царстве этом
Как будто бой идёт.
Всегда на изготовке
Машина, бур, топор.
Там человек в спецовке
Работает. Шахтёр.
По всем краям далёким
От тех шахтёрских рук
Живых лучей потоки
Расходятся вокруг!
На стройку, в поле, к домне
Бегут лучи, бегут!
И где бы ни был – помни
Подземный славный труд.
Ты в дом вошёл с мороза,
Присел у камелька;
Ты в топку паровоза
Подбросил уголька...
И там, в Кремле далёком –
Лишь лампочку включи –
Всю ночь глядят из окон
Твои, шахтёр, лучи!

...Душою беспокойной
Петров во всё вникал.
Он молоток отбойный
Раз десять разобрал.
Хоть завтра пусть экзамен:
Не заглянув в тетрадь,
С закрытыми глазами
Все части мог собрать...

12

Свиваются дыма волокна.
Мерцает в руке огонёк.
Рассвет в посиневшие окна
Пробился и лёг на порог.
Сегодня же первая смена!
Удачной ли будет она?
...Как будто раздвинулись стены
И всюду ликует весна.
Где были недавно сугробы –
Как будто ручей зазвенел...
Закончилось время учёбы.
И столько нахлынуло дел!
«Сверло, молоток лишь освоен.
Пока я – забойщик. А там...
За то, что попозже – спокоен.
А нынче? Вдруг норму не дам?
Ну, если случится загвоздка,
Ребята мне могут помочь...»
Погасла в руках папироска.
Кончается долгая ночь.
И было бы радостней вдвое
Начать трудовые дела,
Когда бы негаданно Зоя
Сейчас в общежитье вошла!

13

Сбылось желанье Николая:
Ему доверили забой!
...Вот, крепость кровли проверяя,
Он постучал по ней кайлой.
Ведь мастер их учил недаром –
Порою, прочная на вид,
Та кровля гулко под ударом,
Как выражался он, «бунит».
А это значит – чуть провисла
И может рухнуть. Но сейчас
Бояться, вроде, нету смысла.
Удар звенящий. В самый раз.
Шурша брезентовой шахтёркой,
К груди забоя подошёл.
«Так. А теперь займусь разборкой».
И вдруг:

– Ну, как дела, орёл?
(Егор! Заботится, как видно.
Пойду, взгляну, мол, как он тут?)
Ответил, кашлянув солидно:
– Да ничего... Дела идут.
Брат усмехнулся: «Ох и важен!
Поговорю-ка с ним всерьёз».
– А сколько думаешь ты скважин
Здесь пробурить?
– Что за вопрос!
– Нет, ты ответь!
– Сейчас, прикину, –
Сказал спокойно Николай.
«Здесь... по углам... сюда, в середину...»
– Двенадцать! Как тут ни считай.
– Так много? Это почему же?
– А чтобы лучше был уход.
И меньше можно – только хуже:
Угля немного оторвёт.
– Тогда бы делал два десятка.
– Ну, это явный уж просчёт.
Оно ж не что-нибудь – взрывчатка!
Вмиг всё хозяйство разнесёт.
– Ответил ты, как по тетрадке,
Учёл всё, значит, наперёд.
А с инструментом как?
– В порядке.

Мой инструмент не подведёт...
...Ни сил, ни времени не жалко,
Когда в работу весь уйдёшь.
И началось! Гремит отпалка,
Подземный мир бросая в дрожь..
Качнулся воздух. Волны гула
Прошли и замерли вдали.
Как будто порохом пахнуло
Средь прочной сырости земли.
Лишь вентилятор струйки дыма
Унёс невидимым путём –
И сила взрыва стала зрима:
Забой завален был углём.
И вот звенят уже лопаты –
Всех окрылил горячий труд.
Спешат поставить крепь ребята,
И вагонетки к ним бегут.
Шуршит, течёт по штреку уголь.
Течёт, и путь его далёк!
Мовчан под бок толкает друга:
– Пишол! Пишол наш уголёк!
«Вот так же рад я был когда-то, –
С восторгом думал Николай, –
Когда в район на элеватор
Мы отправляли урожай.
И всё ж не так всё это было.

Хоть цель одна, да труд – не тот.
Нет, никакая ныне сила
Меня отсюда не вернёт!»
Здесь всё – и лампочек мерцанье,
И гром, и скрежет – как в бою.
Здесь он нашёл своё призванье,
Свою любовь, судьбу свою!

14

Знала б Зоя, как сегодня
Там, в забое, вырос он!
Даже дышится свободней,
Даже сон теперь не в сон.
Поделиться б этим счастьем
И открыть свои мечты.
С нескрываемым участием
Смотрят звёзды с высоты...

***

Шёл Николай, шёл, как хмельной,
По тихой улице ночной.
И вдруг припомнился опять
Далёкий дом... Старушка-мать...
Дул ветерок. И звёздный рой,
Застыв, мерцал над головой.
А для него одна родная –
На шахте звёздочка земная.
Как он хотел бы, чтоб она
В родном селе была видна!

15

И вот уже, ясным-ясна,
Над рудником звенит весна...
Под животворным солнца душем
Идёт Петров. А день высок!
А рядом прыгает по лужам
Слепящий солнечный клубок.
Вдали – дымок. Ещё мгновенье –
Вблизи красавец-паровоз,
Как вихрь, в стремительном движенье,
В ритмичной музыке колёс.
Тяжёлый груз подняв на плечи,
Грохочет угольный состав.
Сама весна ему навстречу
Несётся, рельсы распластав.
Гляди, гордись! Ты нынче вправе
Сказать, что Родине помог,
Ведь в том грохочущем составе
И твой сверкает уголёк.
Пусть он теплом зовёт и манит
В далёком городе, в селе.
Пусть от него светлее станет

На нашей солнечной земле!
Иных наград тебе, признаться,
Не надо. Только лишь одно:
Вот если б Зое догадаться –
Хотя бы выглянуть в окно...

16

...До того это ново,
Так вот – с глазу на глаз,
Что и нужного слова
Не находит сейчас.
Да и девушка тоже
Сразу стала другой:
Смотрит пристальней, строже,
Дескать, вот ты какой!
В полной форме парадной
Он стоял перед ней –
Очень статный и ладный,
Всех знакомых видней.
– Погуляем немножко?
– Можно, – Зоя в ответ.
За оградой в окошко
Лился розовый свет.
Вот скользнул он по крыше
И померк без следа.
А на провод, повыше,
Примостилась звезда...
В эти вешние дали
Шёл бы, шёл без конца.
Только в лад бы звучали
И шаги, и сердца.
Только б милой дыханье
Ощущать на щеке
И не знать расставанья
Ни в каком далеке.
Так и шли... А в сторонке,
В чуткой лунной тиши,
Голос чистый и звонкий
Выводил от души:
«Ой, цветёт калина
В поле, у ручья,
Парня молодого
Полюбила я.
Парня полюбила
На свою беду,
Не могу открыться:
Слова не найду».
Шли и слушали вместе.
Даже вечер притих.
Очень славная песня!
И как будто... про них...
Словно белые чайки

Плыли вдаль облака.
Их весёлые стайки
Чуть качала река.
Плеск и свежесть – навстречу,
Шум невидимых крыл...
Молча девичьи плечи
Тёплой курткой накрыл.
Там, где летом ромашки,
Где шумит краснотал,
В белоснежной рубашке
Над рекою он встал.
Сбоку Зоя прижалась.
Хорошо им. Одни...
В целом мире, казалось,
Никого. Лишь они.
И как в песне поётся –
За рекой, за горой
Скоро зорька зажжётся
Золотистой каймой.
Ветер ночи дремоту
Унесёт на восток.
Позовёт на работу
Басовитый гудок...
–Зоя! Это такое...
Это... вроде огня!
Ты признайся мне, Зоя,
Любишь, нет ли меня?
Улыбнулась лукаво:
– Эх, какой ты чудной!
Разве ради забавы
Я встречаюсь с тобой... –
И опять замолчала,
Руки сжав на груди...
Это только начало!
Всё ещё впереди!

17

Облака на востоке
Загорелись вдали.
Пусть же в комнату входит
Утро вешней земли!
Постоял он минуту
И окно распахнул.
Улыбнулся чему-то,
Опустился на стул.
Сердце радостно билось.
Пело! Словно оно
Тоже настезь открылось,
Как большое окно...
В птичьем щебете, гаме
Просыпался рудник.
Громыхая бортами,

Пробежал грузовик.
Солнце в ярком накале
Жгло каёмку реки.
Не спеша прошагали
За окном горняки.
Лошадь била копытом.
Ставней стукнул сосед.
Всё он сердцем открытым
Принимал, как привет.
А пред мысленным взором,
Как за мутным стеклом –
Дом с тесовым забором,
Тополя над прудом.
Серебристые прядки...
Нежность выцветших глаз...
Всё ли дома в порядке?
Там ведь сеют как раз.
...Листик вспыхнул на ветке,
И услышал Петров,
Как стучат вагонетки
В стороне, у копров.
Слава здешнего края
Всё бодрила с утра:
Бункера наполняя,
Уголь шёл на-гора!

18

Желанный гость в любой квартире,
Лишь письмоносец на порог –
Как будто сразу станет шире
Уютный комнатный мирок.
Кто б знал, как рада мать седая,
Когда зайдёт он в избу к ней
И улыбнётся, подавая
Конверт с письмом от сыновей.
...Опять сегодня утром синим,
Всем расстояньям вопреки,
Она то с тем, то с этим сыном
Вслух говорит, надев очки.
«День добрый, мама!

Сообщаю

(Матрёна вся настороже) –
Большой успех у Николая:
Он впереди других уже.
Идёт на лад его работа.
Вчера сказал мне: дескать, верь,
Что не сотрут с Доски почёта
Мою фамилию теперь».
Скатилась светлая слезинка
Из-под сухих – в морщинах – век.
Сынок... Родимая кровинка...
И ты – почётный человек!

Добился, значит, мой упрямый.
Дай бог тебе здоровья, сил...
«Всем расскажи об этом, мама», –
В конце письма Егор просил.
И сколько рук потом держало
Листы, исписанные им!..
Савелий крякнул, как бывало,
И заключил: – На том стоим!
Мы и врагам умеем всыпать,
И потрудиться. Знает всяк.
А за братьев не грех бы выпить.
Ведь наши парни, как-никак... –
Носков – он тут же был, в конторе –
Расхохотался:

– Ну и плут!

Найти бы повод – радость, горе –
Наш дед со стопкой тут как тут.
Я так, товарищи, считаю:
Пусть выпьет дед один пока.
А мы напишем Николаю
Письмо. Поздравим паренька.
Не забывать о нас попросим.
Растёт, мол, твой колхоз родной.
Глядишь – заявится под осень
Героем знатным, со звездой.
Недаром рвался он к Егору.
Дорога, знать, у них одна.
Теперь пойдёт наш Коля в гору... –
. . . . .

А за окном – простор, весна...
Раскинув синее раздолье,
Весна звала: твори, дерзай!
Подземным гулом, песней в поле
Встречал зарю кузнецкий край.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 175. См. также сборник «Солнечные дни», 1952 г., с. 27: «Кузбасский уголёк» – отрывок из поэмы «Братья», начиная со слов: «...На рассвете Николая / Поднял брат – он рано встал...» и заканчивая словами: «...Точно главную задачу / В жизни всей решить хотел». А после «звёздочек» ещё один фрагмент со слов: «И вот уже ясным-ясна...» до «...Пусть от него светлее станет / На нашей солнечной земле!»)

У НАС В ПОСЁЛКЕ

(Из лирической поэмы)

Живут у нас в посёлке
Два друга паренька.
На шахте новичками
Считают их пока.
Считают, а напрасно:
Три месяца подряд

На самом видном месте
Портреты их висят.
Иметь бы в каждом деле
Таких вот новичков! –
Дай срок, заткнут за пояс
Бывалых горняков.
И нету в этом чуда,
Один простой секрет:
Ребята молодые,
Всего по двадцать лет!
Да только ли в работе
Удача молодым?
Небось, девчата вскоре
Начнут вздыхать по ним...
Давайте в клуб шахтёрский
Попутно завернём –
Мы всех, кого нам надо,
Сегодня здесь найдём.
Как жалко, что попали
На шапочный разбор!
Уже баян выводит
Знакомый перебор.
Вон лектор с толстой папкой
К дверям спешит бочком –
Райкомовский товарищ,
Он каждому знаком.
Давайте к баянисту
Подсядем. Так верней.
Вот «новенький», тот самый,
Один из тех парней.
А сколько тут, смотрите,
Поклонниц у него!
Мол, славно ты играешь,
И сам ты ничего...
Но что-то, знать, сегодня
Не в духе наш Степан.
О чём-то неизвестном
Грустит его баян.
– Сыграй нам польку, Стёпа!
Платочек подарю!..
– Включите радиолу,
Пока я покурю. –
Сердито чиркнул спичкой
И замер, глядя в пол.
Как будто не на танцы,
А к поезду пришёл.
Неладно со Степаном!
Пожалуй, в первый раз
На шумное веселье
Поднять не хочет глаз...
Давно ли он со всеми
Смеялся и шутил,
Забавно, по-актёрски,

Незримый ус крутил?
Тряхнёт, бывало, чубом.
Плечами поведёт,
Кому-то улыбнётся,
Кому-то подмигнёт,
И так рванёт тугие
Зелёные меха –
Ей-богу, раскачает
Любого старика!..
Окурок смял. Поднялся
Неловко, как на льду.
– Пускай под радиолу
Танцуют... Я пойду. –
Идёт, сутуля плечи...
А сбоку, позади,
Кричат ему девчата:
– Степан, не уходи!
Но вот и дверь закрылась.
Он вышел на крыльцо.
Смолистым ароматом
Повеяло в лицо.
На парочку в сторонке
Взглянул Степан, и вдруг
Померкли, потемнели
Все лампочки вокруг.
– Степан! Одну минутку.
Есть спички? Выручай. –
Подходит друг-приятель,
Забойщик Николай, –
Румяный, белокурый,
Подвыпивший слегка,
С гвоздикой белоснежной
В петлице пиджака.
Поэзии любитель,
Он может сто стихов
По памяти читать вам
До самых петухов.
Нашёлся бы охотник,
Любого уморит
Познаниями своими
О том, кто как творит.
На эти разговоры
От так неумолим,
Что девушка иная
Не рада встрече с ним...
– Ты что? – спросил со смехом, –
Дай спички, говорю!
А он суёт мне «Север»...
Ну, вот... Благодарю.
И к девушке вернулся.
Степан – как в землю врос.
Рассеянно смотрел он
На пачку папирос...

Затем привычным жестом
Засунул их в карман,
Тряхнул беспечно чубом
И вскинул свой баян:
Мол, счастливо оставаться!
Нас вы не тревожите.
До рассвета целоваться,
Миловаться можете.
Мы пойдём своей дорогой,
Тропкой неприметною,
Со своей мечтой-тревогой,
С музыкой заветною...
Пальцы бегают проворно,
Плечи не сутулятся...
«Эх, подгорна, ты, подгорна,
Широкая улица!..»
А улица в посёлке –
Не видно ей конца...
Притихли молчаливо
Те двое, у крыльца,
Вдруг девушка спросила,
Степану глядя вслед:
– Давно его ты знаешь?
– Давненько. С малых лет.
А что?
– Да так я, просто...
Какой-то он чудной!
Едва меня завидит –
Обходит стороной.
– По-моему, боится,
Что влюбится в тебя... –
Задумалась Наташа,
Косынку теребя.
Потом опять с вопросом,
Прищурясь в полутьму:
– А ты не знаешь, Коля,
Кто нравится ему? –
И, словно спохватившись,
Добавила тотчас:
– Немало ведь хороших
Есть девушек у нас... –
В душе у Николая –
Обиды горький ком.
– Быть может, потолкуем
О чём-нибудь другом? –
Наташа рассмеялась.
– Уже приревновал!
Скажи, какой Отелло...
Ну, что ты замолчал? –
Мужское сердце слабо,
Чего греха таить!
За нежную улыбку
Готово всё простить.

Одно прикосновение,
Один приветный взгляд –
И снова счастлив парень,
Как пять минут назад.
– Вчера я стих составил, –
Промолвил Николай,
Наташа оживилась:
– А ну-ка, прочитай! –
Недавнюю обиду
Совсем забыть успев,
Читал он, как поэты, –
Немного нараспев.
Стихи, признаться, были
Шершавы, как метла,
Но девушка ни разу
Его не прервала.
Лишь там, где с медным тазом
Он сравнивал луну,
Она, как строгий критик,
Сказала: «Ну и ну!»
Умолк и ждал смущённо:
Сейчас начнёт ругать.
– А Стёпа всё играет... –
Услышал он опять.
Такого поворота
Не вынес Николай.
– Чего тебе он дался!
Беги к нему! Ступай! –
Ступай... Да разве это
Хотел сказать он ей?
Но слово не поймает,
Оно – не воробей.
– Прости, погорячился, –
Взмолился Николай.
Но девушка сквозь слёзы:
– Не тронь меня!.. Прощай!
– Куда же ты, Наташа?!
Наташенька! Постой! –
Один остался парень
На улице пустой.
Как тихо, мрачно стало...
И где-то в тишине
Звучал напев баяна
В заречной стороне.

***

Любой из нас, конечно,
Встречал в пути грозу –
Кто в уличной шумихе,
Кто в поле, на возу...
Безветренно, спокойно.
Палит нещадно зной.
Два облачка на небе

Сияют белизной.
Глядишь, наплыли тучи,
Откуда ни возьмись,
Вот молния шальная
Стрелой пронзила высь.
Вот страшный треск раздался
Над самой головой,
И сразу дождь ударил –
Тяжёлый, проливной...
Любовь приходит так же
Внезапно, как гроза:
Как молния, осветят
Нас чьи-нибудь глаза.
Спохватимся, да поздно –
Уж грянул в сердце гром:
И ливнем благодатным
Кипит волнение в нём...
Не ждал Степан, не думал,
Что в шахте, у клетки
Какая-то девчонка
Возникнет на пути,
Что ласковой улыбкой
Согреет, а сама
К другому повернётся.
Сходи теперь с ума!..
Когда кого-то любишь
И знаешь, что любим, –
Ты всех сильнее на свете.
Ни в чём непобедим!
Но где же взяться силам,
Коль сам себе не рад?..
На днях портрет Степана
С Доски почёта снят...
Уехать от позора!
Махнуть на всё рукой!
Ни шахте, ни девчонке
Не нужен он такой.
В те дни не замечала,
Как был ему почёт,
А чем её вниманье
Сейчас он привлечёт?
Уехать с глаз подальше!
Куда? Куда-нибудь...
Недолго холостому
Собраться, выбрать путь.
На рынке потолкался,
Распродал всё Степан;
Единственную радость
Оставил он – баян.
Хоть сам не знал, в какую
Податься сторону,
Придумал повод веский:
«Решил на целину»...

Расчётный лист – в кармане.
Под вечер – на вокзал...
Впервые Николаю
Ни слова не сказал.
А тот, узнав случайно,
На миг остолбенел,
Как был в шахтёрке, в каске,
Он в комнату влетел.
– Степан, так это верно?
В своём ли ты уме?
– Допустим, так. А что же
Прикажешь делать мне?
С работой неполадки,
Насмарку всё пошло.
И вообще, я вижу,
Мне здесь не повезло...
– Подтянешься, я знаю!
Я первый помогу.
Ведь то ли дело – вместе!
Останься!

– Не могу...

Степан сидел угрюмый,
В окно глаза скосив,
Наигрывая тихо
Излюбленный мотив.
– Так... – Николай в раздумье
Прошёл к столу, присел.
Зачем-то огляделся,
Снял каску, вновь надел,
Графин к себе подвинул,
Налил воды в стакан
И жадно, залпом выпил.
– Останься! Слышь, Степан?
Ни разу не бывало
Раздора меж друзей.
Молчали, как чужие,
Всяк с думою своей.
– Н-да...
Николай поднялся, –
– Какой же ты чужак...
Конец, выходит, дружбе?
– Ну, что ж. Выходит, так –
Хотел Степан открыться, –
Раздумал. Для чего?..
Несчастье – за несчастьем:
Был друг – и нет его...

***

Прощай, сторонка славная, –
Копры да терриконики!
Прощай, родная улица, –
Цветы на подоконнике!
Прощай, семья шахтёрская, –

Простые люди, стойкие,
И вы, ребята бравые,
И вы, девчата бойкие!
Прощай и ты, Наташенька,
Коварная насмешница!
Едва ли нам когда-нибудь
Ещё придётся встретиться...
Быть может, выйдет, сжалится,
Услышит грусть-тоску мою...
«Она о нём печалится,
А я о ней всё думаю»...
Не только, видно, в книгах
Бывают чудеса:
Мелькнула за калиткой
Наташина коса.
Ведь вот народец вредный!
Куда ещё вредней!
Узнала – скрылась в доме...
Скрывайтесь! Вам видней.
Степан прибавил ходу,
Минуя дом и сад.
Спешил, но с каждым шагом
Душа рвалась назад.
Какой знакомый голос! –
Наташа за спиной:
– Далёко ли собрался?
Не по пути со мной? –
Как будто кучер крикнул:
«С дороги» Берегись!»,
Так парень растерялся,
Что ноги отнялись.
Застыл, моргая часто,
Не зная, что сказать.
Решил ответить шуткой:
– Отсюда не видать.
А по пути ли с вами –
Смотря куда идти...
Коль с кем-то на свиданье,
Тогда не по пути. –
По тону, вроде шутит,
А взгляд... печальный взгляд.
– Нет, правда, вы далёко?
– Куда глаза глядят...
Уже дома всё реже,
Вблизи простор полей...
Смешно смотреть на робких,
Застенчивых парней!
Смешно, когда вы сами
Семейные давно,
А каково герою?
Ему-то не смешно!
Идёт Степан, потупясь.
Нелёгкий, братцы, путь!..

Боясь задеть Наташу,
Идёт поодаль чуть...
А мог ты сделать проще:
Взять под руку её,
Признаться откровенно,
Что счастье в ней твоё.
Оно не за горами,
А рядышком с тобой –
В цветистом лёгком платье,
В косынке голубой.
Твоё оно – от длинной
Каштановой косы
До белых босоножек,
Промокших от росы.
Не потому ль Наташа
Травинку так грызёт,
Что хочет скрыть волненье
И ждёт чего-то, ждёт?..
Ещё одно мгновенье –
Всё выскажет Степан.
Невольно шаг замедлил...
Эх, пан или пропал!
Но память в это время,
Как будто невзначай,
Услужливо шепнула:
«А как же Николай?»
Поморщась от досады,
Он глухо произнёс:
– Ну, счастья вам желаю!..
Вон... кличет паровоз. –
Рывком пожал ей локоть
И грузно зашагал
Туда, где свет вечерний
Над полем догорал.
Решись он оглянуться
Хотя б на краткий миг, –
Увидел бы: Наташа
Едва сдержала крик.
Стояла на дороге,
Ладонь подняв ко лбу...
Казалось, провожала
Любовь свою, судьбу...
И долго так стояла,
Вся в розовых лучах.
Подбитой птицей билась
Косынка на плечах...
Вот он свернул направо,
Как в воду, канул в рожь...
Иди домой, Наташа,
Чего ещё ты ждёшь?..
Тихонько повернулась,
Пошла. Быстрее, быстрее...
И вот уж побежала,

Да так, что пыль – за ней.
Мешают босоножки –
Долой! И босиком,
Пригнувшись, без оглядки –
К посёлку напрямиком.
В какой-то двор метнулась
На фары «Москвича»
И двери распахнула,
Взволнованно крича:
– Скорее, дядя Ваня!
Машину мне... Скорей...
– Наташа, что случилось? –
Шахтёр-хозяин к ней.
– Уедет!..
– Кто уедет? –
Шахтёру невдомёк.
Но снял с гвоздя фуражку
И тут же – за порог...

***

А Николай тем часом
Подушку мял, курил.
За выпад свой ревнивый
В душе себя корил.
К стихам прилип! Растяпа!..
Степана проглядел!
Ведь даже попрощаться,
Как надо, не сумел!
И с девушкой, и с другом
Порвал, выходит, нить...
Сходить к Наташе нужно –
Проверить, уяснить!
...Бродил он по посёлку,
Покинутый поэт.
Был в клубе, на квартире –
Нигде Наташи нет.
На окнах пламенели
Закатные лучи...
Куда она девалась?
Хоть в каждый дом стучи...
Бродил, и незаметно
К околице пришёл,
Где буйная крапива
Скрывала частокол.
Нежданно в ту крапиву
Попал он, сторонясь, –
Стремительная, с рёвом,
Машина пронеслась.
Ожоги потирая,
Дивился Николай:
Какой дурак сорвался?
Хлебнул, так не гоняй...
Глядел он на дорогу,

Ругая лихачей.
А там лишь пыль клубилась
И таял сноп лучей...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 223)

* * *

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Венок сонетов

*Ю. Д. Баландину – фронтовику,
журналисту*

1

Немалый путь – полвека за спиною.
Река годов стремительно течёт.
Уже виски искрятся сединою,
Но жизни даль по-прежнему влечёт.
Что сделал я, какие планы строю –
Наверно, время дать уже отчёт...
Считаем юность лучшею порою,
С неё ведём делам своим отсчёт.
Пора весны, когда простор так светел
И так чиста небес голубизна,
Когда всё внове, в диво, что ни встретил,
В груди – любви горячая волна!..
Но я весну не видел, не заметил –
В огне, в дыму прошла моя весна.

2

В огне, в дыму прошла моя весна.
Вовеки не забуду город Броды.
Нас на рассвете подняла война,
Пятная чёрным дымом неба своды.
Я это с нар увидел из окна
(Поньше вижу, хоть промчались годы):
Горел аэродром. И мы со сна
Не понимали всей беды невзгоды,
Что принесла нам свастика с крестом
На крыльях, распростёртых над страной.
За край родимый свой, за отчий дом
Встал наш народ единою семьёю...
Вступая в жизнь в том возрасте моём,
Пусть сыновья не встретятся с войною!

3

Пусть сыновья не встретятся с войною,
Из армии ушедшие в запас.
Пусть остаётся вечно запасною
Их форма, что в шкафу лежит сейчас.
Но если призовёт страна их к бою,

Я, как и все, скажу им: – В добрый час!
Год сорок пятый солнечной весной
Солдатских сыновей для жизни спас.
Для них открыты двери институтов,
Их на заводах, стройках ждёт страна.
Пусть в Мае только звёздами салютов
Волнует нас минувшая война.
Кто за войну, тех ненавидим люто.
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.

4

Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.
Как ни красив подчас боец с винтовкой –
Красивее в любые времена
Рабочий у станка, косарь с литовкой.
Особой величавости полна
Работа с вдохновеньем и сноровкой.
Всегда кого-то радует она,
Дитя – игрушкой, девушку – обновкой,
Любителя искусств – звучаньем строф,
Народной песней, пляской озорною...
Как в юности, заслушаться готов
Я пеньем соловьиным над рекою.
Готов всю ночь бродить среди цветов...
Прекрасно утро мирной тишиною.

5

Прекрасно утро мирной тишиною,
Когда отчётлив, резок каждый звук...
Вот лось прошёл неспешно к водопою –
Вода речная заплескалась вдруг.
Вот стриж простриг пространство над рекою,
Со свистом прочертил над нею круг,
Как «мессершмитт» той памятной порою,
Что учащал тревожный сердца стук...
Но прочь о давних днях воспоминанья!
Пусть торжествует мира тишина!
Вот трактора глухое рокотанье
За речкой в поле, где во ржи сосна...
Люблю с природой тихое свиданье.
Мила душе родная сторона.

6

Мила душе родная сторона
С тропой во ржи, с зеркально гладким плёсом,
С журчащим родником, что чист до дна,
И с лугом, где раздолье пчёлам, осам,
И с рощей, где берёзок белизна
Над пряным разнотравьем, над покосом,
Когда сквозит тумана пелена
И тает в пенье птиц многоголосом...
Куда б ни ездил, где бы ни бывал,
Горжусь своей родною стороною.

Я защищал её и воспевал
Простою задушевною строкою...
И вот уж осень – новый перевал.
Как нежно светит солнце над стернёю!

7

Как нежно светит солнце над стернёю,
Где буйно наливалась летом рожь.
Я эту нежность чувствую щекою,
Я счастлив, что осенний день погож.
Он дышит жаркой сухостью степною,
Где паутинок серебристых дрожь.
Он из оврагов сыростью грибною
Порою веет. Дождик был хорош!
Спокойное, чуть знойное приволье.
Здесь удила не сдержат скакуна.
И путь, что позади, – как это поле,
Где будущего зреют семена.
Отсюда, где дыханье ветра, воли,
И та и эта даль насквозь видна.

8

И та и эта даль насквозь видна.
Былое и грядущее – всё рядом.
Одно – как скрипки чуткая струна,
Другое – воет бомбой и снарядом.
Ещё у скрипки песня не одна.
Ещё звучать ей песенным каскадом.
Лишь только б в мире новая война
Не разнесла её тупым прикладом.
С годами к нам приходит мастерство,
Самих же нас нередко удивляя.
И так сберечь нам хочется его,
Как колосок большого урожая.
Мне большего не надо ничего:
Прекрасна эта осень золотая.

9

Прекрасна эта осень золотая.
Есть кое-что и в наших закромах.
Желанье есть и жажда молодая
Трудиться не спеша, не впопыхах.
Есть песня не заёмная, чужая,
А кровная, добытая в боях.
Есть даль, которой нет конца и края,
Где снежный блеск и летний луг в цветах.
Есть дума, что поведать людям надо,
Для них, как дверь, я душу отворю.
От злого, от завистливого взгляда
Хотел бы сохранить свою зарю...
Есть в возрасте моём своя отрада.
Распахиваю сердце сентябрю.

10

Распахиваю сердце сентябрю
Бестрепетно, доверчиво, открыто.
– Привет, сентябрь! – с улыбкой говорю.
Не всё войною страшною убито.
Мы юность посвятили Октябрю.
Не может быть такое позабыто.
С непониманьем на людей смотрю,
Кому своё лишь дорого корыто.
Поэтам замыкаться не к лицу.
Живём, всё к сердцу близко принимая.
Коль боль пришла к какому-то крыльцу,
Она и нас тревожит, обжигая...
Мир солнышку, лазури, багрецу!
Звенит земля, вся солнцем залитая.

11

Звенит земля, вся солнцем залитая.
Звенит зерном в колхозных бункерах,
Составом с углем, в далях замирая,
Рубином звёзд сияя на копрах.
Звенит, ракетой новой улетаю,
Чтоб осветить простор в иных мирах,
Чтоб нам сдалась Вселенная седая,
Друзьям на радость и врагам на страх.
Звенит тайгой, где бородач-геолог
Смеётся: – Трассу новую торю!
А было: так звенел-свистел осколок,
Чей посвист был нацелен в грудь мою.
Осколок тот вонзился в ближний колок...
За счастье жить судьбу благодарю.

12

За счастье жить судьбу благодарю,
О юности израненной не плача.
Душой по-молодому вновь горю.
А было очень трудною задачей
Не очерстветь, не огрубеть в бою,
Не потерять к добру любви горячей.
Но мы в победу верили свою.
Мы знали: будет так, а не иначе.
А скольким уцелеть не удалось!
Мы хоронили их, сердца сжимая,
На недруга обрушивая злость,
Предвидя праздник солнечного Мая.
Земля, где проливать нам кровь пришлось,
Люблю тебя, земля моя родная.

13

Люблю тебя, земля моя родная,
За то, что вижу солнце над тобой,
За то, что, в сквере весело играя,
Детишки гомонят наперебой.

Люблю тебя, о детстве вспоминая,
Что бегало над речкой голубой,
Где на заводе старом проходная
С утра гудит рабочею толпой.
Люблю за все печали и тревоги,
Что были – и ни капли не корю,
За трудные военные дороги.
Как мать, люблю, как мать, боготворю.
И в час, когда уж осень на пороге,
Венок сонетов я тебе дарю.

14

Венок сонетов я тебе дарю.
Прими его, коль он тебя достоин.
Про всё в нём откровенно говорю,
Как сын твой рядовой, как бывший воин.
Я в мудрые глаза твои смотрю.
Ты рядышком со мной. И я спокоен.
Я для тебя, земля моя, творю,
Тобою этой чести удостоен.
Прими его, родная сторона,
С любовью, самой скромною строкою.
Была бы только в ней душа видна –
И тем доволен буду я, не скрою.
Жизнь – счастье, коротка или длинна...
Немалый путь – полвека за спиною.

15

Немалый путь – полвека за спиною.
В огне, в дыму прошла моя весна.
Пусть сыновья не встретятся с войною!
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.
Прекрасно утро мирной тишиною.
Мила душе родная сторона.
Как нежно светит солнце над стернёю!
И та и эта даль насквозь видна.
Прекрасна эта осень золотая.
Распахиваю сердце сентябрю.
Звенит земля, вся светом залитая.
За счастье жить судьбу благодарю.
Люблю тебя, земля моя родная.
Венок сонетов я тебе дарю.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 11)

ЭПИГРАММЫ, БАСНИ, ПАРОДИИ

БАЛЛАДА О РОТОЗЕЯХ

Ввалился дядя в кабинет
К начальству райпрофкома,
Представясь кратко: – «Я поэт».
Расселся, словно дома.
На вид – уже немолодой.
В очках. В богатой шубе.
– Прошу помочь мне вечер мой
Устроить в местном клубе.
Моя фамилия Степняк.
Степняк – не Исаковский,
Но всё же... Всё же как-никак
И я – поэт московский.
– Да, был такой как будто встарь...
Про вас не слышал что-то...
– А вы возьмите календарь.
Там есть моя работа.
Хоть не шедевр, но все прочтут.
Удачная баллада!
И предрайкома понял тут:
«Читать мне больше надо.
Про Исаковского слышал.
Твардовского я знаю.
А Степняка вот не читал...
Однако не сплешаю!»
– Припоминаю ... В «Огоньке»
Как будто что-то было?
– Вот-вот! Статья о Степняке.
Статья меня хвалила...
Уверен я – на вечер мой
Соседи к вам прикатят.
Ну... И ещё вопрос такой:
Надеюсь, мне заплатят?
Я к вам с налёту, так сказать,
Но я могу, конечно,
Все документы показать, –
Добавил гость беспечно.
А пред раздумывал: «Ну, что ж.
Конечно, он покажет...
А после скажет: да, хорош...
Культурник тоже, – скажет.
Меня же все наверняка
Осудят в каждом доме:
Не знает, дескать, Степняка.
Профан сидит в профкоме.
Мол, документы попросил.
Придумал же, скажите!»

Он гостя за руку схватил:
– Не надо! Не ищите!

***

Едва растаял ночи мрак,
Порозовели дали,
«Поэт Степняк!»,
«Поэт Степняк!» –
Афиши крик подняли.
Ещё все улицы тихи,
Зарёй облиты крыши.
«Баллады, песни и стихи!» –
Кричат со стен афиши.
Нарушив утренний покой,
Все жители гадали:
– Степняк?
– Откуда?
– Кто такой?
– И слыхом не слыхали...

***

И вот на сцене сам Степняк.
Читает тексты песен...
И воскресает Железняк,
Который всем известен...
Смуглянка манит красотой...
Цветёт над речкой груша...
Выходит на берег крутой
Любимая Катюша...
И предрайкома тоже здесь.
Загадка – хоть ты тресни:
Как мог забыть?.. Профан и есть...
Знакомые же песни!
Листал он дома календарь.
Но Степняка – ни строчки.
Наверно, там, где был январь...
Найти бы те листочки!
Мы знаем: не было и там.
В киоске нет, в музее...
Степняк привык к другим местам:
Он там, где... ротозей.
1953

(Из сборника «На берегах Томи», 1953, с. 105)

***

ПОДБОРКА ИЗ СБОРНИКА «Майский снег», 1966 г.:

ОБОРОТЕНЬ

Медовые речи
При встрече,
И дёготь сплошной –
За спиной.
(с. 70)

ЭСТРАДА НЕ ПРЕГРАДА

Сатирик... Он с отменной хваткой
Клеймит, к примеру, тех, кто пьян,
Сам на часы глядит украдкой:
Не опоздать бы в ресторан!
(с. 71)

БЛАГОРАЗУМНЫЙ

– Мою статью заметили в газете?
– Заметил, как же. Вредная статья!
– Прошу учесть, я не держу в секрете:
Писал её помощник мой, не я.
(с. 72)

ИЗДЕЛЬЯ ПРОМАРТЕЛИ

Куклы – как старушки,
Корабли – что доски...
Продавцу – игрушки,
Ребятишкам – слёзки.
(с. 73)

ТВОРЧЕСТВО И ХАЛТУРА

...Что удрала со мной Татьяна! –
В восторге Пушкин восклицал.
Теперь подчас герой романа
Вопит: – Что автор-то удрал!
(с. 74)

ПРИМЕТА

Есть у бездельников одна
Пилюлька с позолотою,
Всем преподносится она:
– Как много я работаю!
(с. 75)

ФЛЮГЕР

Стих ветер. Флюгер вмиг увял.
Ужасное явление!
Вдруг обвинят, что потерял
Он ветра направление?
(с. 76)

СЛЫШАЛА ЗВОН

Услышав слово «фильтровать»,
Одна особа восклицала:
– Ни в двадцать пять,
Ни в тридцать пять –
Я никогда не флиртвала!
(с. 77)

СО СВОЕЙ БОРОЗДЫ

Брезгливо морщась в борозде,
Ботва – невзрачнее мочала –
На мир презрительно ворчала:
– Как грязно, сумрачно везде!
(с. 78)

МАГИЯ БУМАГИ

Беда не в том, что приобрёл
Диплом какой-то там Осёл,
А в том, что глядя на диплом,
Уж не зовут осла ослом.
(с. 79; в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 139 –
в последней строчке слово «осла» – с заглавной буквы)

ПУСТОБРЁХ

Прибыл с лекцией в колхоз
Некий дядя – и понёс:
– В смысле диалектики,
Нормативной этики
Сей вопрос, как таковой,
Будет базой силовой
Для стабилизации
И консолидации
Всей кооперации...
Помолчал, вздохнул, затем
Бросил строго: – Ясно? Всем?
Не стерпел какой-то дед,
В том же духе дал ответ:
– Видишь... Так-то оно так,
И не как-то либо как.
Ну, а что касательно,
То не обязательно.

Хоть и применительно,
Страсть обременительно.
В общем, относительно
Мало нам пользительно.
Да... Оно бы и не надо,
Ни к чему, а доведись –
Завсегда, конечно, рады...
Ясно молвил я, кажись?
Часто лекции неплохи,
Жаль – их портят пустобрёхи.
*(с. 80; в сборниках «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 142 и «Вечерние
огни», 1989 г., с. 81 – всё то же самое, только без двух последних
строчек)*

***

ПОДБОРКА ИЗ СБОРНИКА «Спасибо сентябрю», 1972 г.:

ЛЮБИТЕЛЬ ДИСКУССИЙ

Речь начнёт – не поймёшь ничего:
Кто не мил ему, кто ему дорог.
Ограждает сужденья его
Частокол оговорок.
(с. 140)

СОАВТОР

– Как он в соавторы попал?
– Да так. Одно изобретенье
Внедрять в работу не мешал.
А это – тоже достижение!
(с. 141)

ЗАЯЧИЙ ПРОМАХ

Был подхалимом Заяц лопухий.
И вдруг себя повёл он в новом духе:
Начальника Медведя под орех
Разделал на собрании при всех.
Грудь у Зайчишки колесом!
Все говорят с почтеньем о Косом...
Однако где же взял он храбрость эту?
А дело в том, что день назад
Лиса ему шепнула по секрету:
– Медведь проштрафился... Он будет снят...
А вскоре Заяц убежал в леса:
Насчёт Медведя... наврала Лиса.
(с. 144)

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Один Медведь номенклатурный
На «Главмалину» брошен был.
Добро! Устроился недурно –
Он с детства ягоду любил.
Свой особняк,
Своя машина
И кабинет с окошком в сад,
Где эта... разлюли-малина,
Где груши, яблоки висят...
Дела идут, контора пишет.
Медведь от жиру еле дышит.
Вдруг... словно с неба, – ревизор!
Растрата крупная... Позор!
Как быть с Медведем?
Или – или...
Но вышло всё-таки одно:
Его немножко пожурили
И переслали в «Главвино».
И вновь живёт, как жил когда-то.
Своя машина, особняк...
А вскоре – новая растрата.
Начальство в гневе: – Как же так?
– Что как? – бормочет он, икая, –
Тут не моя ... ик... ик... вина.
Я спирт, конечно, потребляю,
Но не беру я в рот вина!
... Недавно стало нам известно:
Медведь посажен.
Да!.. В «Главмёд».
Живёт по-прежнему чудесно:
Сосёт... не лапу, брагу пьёт.
Мне скажут: – Старый разговор!
Но – Мишка в холе до сих пор...
(с. 145)

ПОПУГАЙ

Пришла мыслишка Попугаю
По-соловьиному запеть.
В тот час, от скуки изнывая,
Шатался по лесу Медведь.
– Послушай, Миша! – крикнул Попка. –
Могу я петь, как Соловей? –
И захрипел. Вначале робко,
Потом всё громче и смелей.
...Медвежьим словом окрылённый,
Наш Попка – прямо к Соловью:
– О, гений, Музой вдохновлённый,
Скажи мне, ладно ль я пою?
Что ж Соловей?
Повремените

Искать разгадку всех задач.
Он был в те дни как раз в зените
Своих успехов и удач.
А потому хрипенья Попки
Почти не слышал. Но сказал:
– Давай-ка выпьем, брат, по стопке.
Эх, как я счастлив, кто бы знал!
С тех пор пернатым нет прохода
От Попугая-болтуна.
Хотя прошло не меньше года,
Твердит с рассвета дотемна:
– Мне руку жал певец известный
На зависть жителям лесным.
Я с ним – учтите – в дружбе тесной,
Я даже выпил как-то с ним! –
Сам Соловей про Попугая
Давным-давно уже забыл,
А тот вопит, не умолкая:
– Он руку жал мне! Я с ним пил!
Мораль? Какая ж тут мораль.
Нам Попугая просто жаль.
(с. 147)

***

КАК НАПИСАЛИ БЫ МОИ ЗЕМЛЯКИ-ПОЭТЫ

...О НОВОГОДНЕЙ ЁЛКЕ:

Виктор Баянов

Всё в снегу село родное.
Навалило за ночь как!
Чудо хвойное, лесное
Я привёз на саночках.
Вся родня, встречая сказку,
Ей поклон отвесила,
Ёлка всем в ответ на ласку
Улыбнулась весело.
Разведёнкой молодою
В горнице красуется...
Ветер воет за стеною,
Рвётся в окна с улицы.
Но стоит она, сверкая,
Уж такая баская,
Ненаглядная такая
И нарядная такая,
Ёлочка кузбасская!

Евгений Буравлёв

Ты к ёлкам комнатным привык,
И рад ты им всегда.

А я скажу тебе, старик,
Всё это ерунда.
Я никогда б не променял
На эту мишуру
Таёжный лес, где аммонал
Начнёт свою игру.
Рванёт – и нету ни куста,
Скала взлетает вверх!
Вот это, знаешь, красота!
Вот это фейерверк!
Даёшь дорогу поездам!
Брысь, и медведь, и рысь!
...А ёлок-палок этих там –
Полно, хоть завались.

Владимир Измайлов

У ёлки – шум. Лишь я один притих.
Не слыша криков с хохотом бесовским,
Сижу, молчу, обдумываю стих,
Свой новый стих
С подтекстом философским.
...В лесу родилась ёлочка, жила.
Над ней мерцала ночью звёзд холодность.
Но вот её топор или пила
Сразили. Наступила безысходность.
Сейчас, в огнях, так празднична она!
А уж душа её – во тьме, в нирване.
И неизбежность ждёт её одна,
Которую предвижу я заране:
На днях хозяин встанет, засопит,
Возьмёт её и, выйдя, в снег уронит...
Под ветром дрогнув, ёлка заскрипит –
Почудится, что человек застонет...

Валентин Махалов

Если останусь совсем один,
Знаю: к блеску огня
Ёлочный праздничный серпантин
Властно потянет меня.
В чей-нибудь дом я тихо войду,
Ёлки найду красу,
Сердца трепетную звезду
В ладонях ей поднесу.
Меня, одинокого дикаря,
Она не прогонит, нет.
Огненно-рыжей копной горя,
Будет дарить мне свет.
Не оставаясь в долгу (поймёт
Ёлка мою мечту!),
Новый – с шорского – перевод
Ей с огоньком прочту.

Геннадий Юров

Я ближние ёлки не трону –
Люблю я свои берега.
Найду и срублю без урону
Вдали, где глухая тайга.
Во всё молодое влюблённый,
К родному вернусь рубежу
И ёлочку, факел зелёный,
Своим берегам покажу.
Пусть смотрят берёзки на левом,
На правом сосёнки глядят.
Я всем им, живым королевам,
Сказать что-то доброе рад.

О ВЕСНЕ:

Владимир Матвеев

Я о весне сказал бы кратко:
Она мне вовсе не сестра.
Весна, конечно, бюрократка,
Поскольку хмурится с утра...

Василий Фёдоров

Весна! Да это ж высота,
С которой виден день грядущий.
Целуй любимую в уста,
Живи до ста, вперёд идущий!
Что о тебе сказать самом
Пооткровенней и попроще?
Весной я – на «Небе седьмом»,
Весной я – словно в «Белой роще».

Александр Пинаев

Лишь снега сойдут ручьями в балку,
У меня – особенный настрой:
Я спешу рысцою на рыбалку,
Как спешил на милый Кузнецкстрой.
Ничего в пути не замечая,
Прямиком шурую по грязи...
Здравствуй, здравствуй, речка голубая,
Где клюют метровые язи!
(с. 149 – 154)

***

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ВЕЛИКИХ

*Я живу в Бакуриани,
Сладко щурюсь после сна...
Евгений Евтушенко*

Жил А. Пушкин на Кавказе.
Вдохновение копил.
Принимал, наверно, грязи,
Может быть, боржоми пил...
И. Тургенев жил в Париже,
Чехов – в Ялте, это ближе,
Л. Толстой – в своей Поляне.
Каждый где-нибудь да жил...
Я живу в Бакуриани,
И про это стих сложил.
Про красоток смуглоликих,
Про печальный звук зурны...
Местожителство великих
Знать читатели должны.

ПЕРЕСОЛ

*Соль моя! Мелкая... крупная... градом...
Спутница жизни, жена и сестра!
Виктор Боков*

Спутницей жизни, сestroю, женою
Мудро назвал я обычную соль...
Голос соседки звучит за стеною,
Будто бы отзыв-ответ на пароль:
– Сахар мой, сахар! Как нужен ты к чаю!
Сахар мой, сахар! Песок, рафинад.
Просто души в тебе, милый, не чаю,
Спутник всей жизни, мой муж и мой брат!
– Что сочиняешь ты сбоку припёку? –
Слышу я голос её муженька.
– Это не я сочиняю, а Боков,
Я переделала только слегка.

ДОГАДАЙТЕСЬ!

*Смотрит Марс горящим оком
На притихшего меня.
Смотрит, как дымы клубятся
От костра на берегу,
Будто хочет догадаться,
Что я выкинуть могу...*

Валентин Махалов

Марс мерцал дремотно, пресно...
Смотрит: я на берегу!
Очень Марсу интересно,
Что я выкинуть могу!

Разогнал рукой туманы,
Жарким оком стал остёр:
Может, я, как встарь шаманы,
Сигану через костёр?
Может, встану на ходули?
Может, шпагу проглочу?
На карачках поползу ли?
Над рекою ли взлечу?
Ну, а может, я – вприсядку,
Или твист хвачу как раз?
Ну-ка, кто решит загадку:
Что я выкину сейчас?

БЛАЖЬ ПОНЕВОЛЕ

*Мне знать бы правила сложенья,
И я бы циферки слагал,
Не знал бы блажи, дрожи, жженья,
Не клял, не славил и не лгал.
Пишу. Но мой удел не числа...*

Дмитрий Сухарев

Мне знать бы правила сложенья!
Но я не знаю их, увы.
И оттого-то дрожью, жженьем
Охвачен с ног до головы.
Не лгал бы я, не клял, не славил,
Да что поделать я могу?
Из-за незнания этих правил
Кляню и славлю, даже лгу.
(с. 155 – 173)

*** **

ПЕРЕВОДЫ

ИЗБРАННОЕ

«...ВСЕ РОДНИЛИСЬ
ПЕСНЕЮ ПРОСТОЮ...»

*Иллюстрация из сборника
«Спасибо сентябрю», 1972.
Художник Н. И. Кофанов*

СТЕПАН ТОРБОКОВ*

Вместо визитной карточки – стихотворение М. Небогатова «Мой шорский друг»:

С. С. Торбокову

Он мне и вам в отцы годится
Немало прожил – шестьдесят.
А как умеет он трудиться!
А как глаза его горят!
Седой, коричневый от ветра,
По тропам отчей стороны
Шутя полсотни километров
Пройдёт пешком – и хоть бы хны.
Дымит спокойно сигаретой.
И не спеша ведёт рассказ,
Как удалось в дороге этой
Пополнить записей запас.
Всё близко сердцу следопыта,
Душе сказителя-певца:
И ясли, что в селе открыты,
И магазин без продавца.
Он знает хватку и отвагу
Тех, кто рубает уголёк,
Снег на вершинах Ала-тага,
Костра таёжного дымок.
Бегут в тетради стёжки строчек,
Листвой колышутся слова...
– Давай-ка, друг мой, переводчик,
Засучим вместе рукава.
И допоздна сидим мы рядом,
Родним два разных языка,
Чтоб новым ладом, русским складом
Звучала шорская строка.

(Из сборника «Времени река», 1991 г., с. 22)

ШОР-КИЖИ В МОСКВЕ

С детских лет в тайге живу,
По траве хожу...
Не во сне, а наяву
На Москву гляжу.
В шуме улиц, площадей
Горный человек,
Столько радостных людей
Не видал вовек!
Слышу бой твоих часов,
Словно сердца стук.

---

* – переводы с шорского языка

Не найду от счастья слов,
Онемел я вдруг.
Это ты, Москва, спасла
В праведном бою
От насилия и зла
Шорию мою.
Верь признаньям старика,
Как самой судьбе:
Благодарен на века
Мой народ тебе.
За тебя в огонь готов
Каждый шор-кижи,
Лишь подай, коль надо, зов,
Слово лишь скажи!
Как поэт я, может, мал.
Ты прости, Москва,
Что от счастья растерял
Лучшие слова.

ИЗБА

Жили мы когда-то в тесной юрте,
Разъедал глаза нам горький дым.
О порядке добром, об уюте
И не снилось родичам моим.
На земле и ели мы, и спали,
Тёмный люд, слепая голытьба...
Но однажды в мир тоски, печали
К нам шагнула русская изба.
С четырьмя углами и трубою,
Под тесовой крышей, с потолком,
Светлая, пропахшая сосною,
С тёплым полом – шлёпай босиком!
Стали наши юрты вроде пугал,
По сравненью с таким жильём.
Ходим в полный рост. В передний угол
Грамоты почётные кладём.
И душа поёт, поёт, как птица,
Радуетя солнечной судьбе;
И не может счастье уместиться
Даже в этой праздничной избе!

СНЫ

Не раз, не раз я вспомню жизнь былую...
Когда-то я, признаться верил снам.
Увижу, скажем, девушку целую:
– Отец! – кричу. – Удача будет нам!
Найдём сегодня соболя в капкане!
– Что видел ты?
– Красавицу одну...
И шли в тайгу мы, радуясь заране,
Глядь, вот и соболю. Как не верить сну?

Вода приснится – значит, к непогоде,
Огонь костра – быть вёдру на дворе.
А что ещё мне, близкому к природе,
Могло тогда присниться на заре?
Я до сих пор бы верил в это чудо,
Но часто сны обманывают нас.
– Сегодня я два соболя добуду, –
Сказал отец однажды в ранний час.
Пришли на место – нет зверька в помине.
– Хозяин гор недобрый нынче к нам, –
Вздыхнул отец и по такой причине
Стал воздавать моление горам.
Он угостил их даже абырткою,
Но и назавтра соболь не пришёл.
Хозяин гор, видать, махнул рукою
На следопытов. Ухом не повёл...
Сильна во мне любовь к родному краю.
Он весь в огнях, неузнаваем, нов.
Что мне приснится ночью – я не знаю,
Но знаю: жизнь прекрасней всяких снов!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 113; 117; 121)

* * *

КАРОЙ ЙОББАДЬ*)

ЗВЕЗДОДУВЫ

В цехе с полумраком, полусветом
Звёзд-шаров стеклянных целый рой.
Те рои, подобные кометам,
Словно в небе, реют надо мной.
Свет куда-то в полумрак несётся,
Чтоб спокойно искорками лечь.
Посредине, как большое Солнце,
Пышет жёлто-огненная печь.
Радостно смотреть на всё на это,
С пристальным вниманием следя,
Как на трубке новая планета
Вспыхнет, на орбиту уходя.
Вот бокал, ещё слегка пурпурный,
Словно в нём лучистое вино,
Вырастает формою ажурной, –
Стал он тем, чем стать ему дано.
В полутьме, дающей отдых глазу,
Человек, всему дающий стиль,
Выдувает то кувшин, то вазу,
То пузато-толстую бутыль.
Тишину вопросом не нарушу,
Понимаю я и так её:

---

*) – переводы с венгерского языка

Человек вдыхает свою душу
В каждое изделие своё.

ЗВЁЗДЫ, ЗВЁЗДЫ...

Как над долиною два горных мыса,
Два чабана привстали над столом.
Два кубка, что наполнены кумысом,
В руках их были. Но они вдвоём,
Как где-нибудь на утренней побудке
При блеске первых солнечных лучей,
Вдруг заиграли весело на дудке
Мелодию, что славит здесь гостей.
Мелодию старинную, что правит
Обычаями, бытом. И права.
Мелодию, что пастбища их славит,
Где негустая, добрая трава.
На ней паслась и козочка вот эта,
Которой было вольно на земле,
Которая скакала в бликах света
И стала нашим блюдом на столе.
И кончилась та песня, словно чудо,
И кубком вдохновенья в тот же миг
Пошло по кругу дальше это блюдо,
Юнцу передавал его старик.
Дошло оно до польского поэта.
Поёт поэт, держа его в руке.
И зазвучали песни в знак привета
На русском, на болгарском языке.
Я тоже встал. Я видел одобренье
На лицах всех. Уж если слово тронь –
Найдёшь в нём всех связующие звенья,
Ведь в песнях наших есть такой огонь!
Я огляделся. Что мне спеть сегодня?
Вдали горела яркая звезда.
О звёздах буду петь... Я блюдо поднял,
Запел, про что подумалось тогда.
О, звёзды!.. И глаза родные вижу,
От них мой голос крепче стал, сильнее.
Сияйте!.. И мой голос выше, ближе,
Понятней для любого из гостей.
Пел чужеземец с длинными усами,
И знаю: песнь кочевничью мою
Все принимали добрыми сердцами
Совсем не как чужую – как свою.
Я пел про степь под солнцем и луною,
Про небо, всё в созвездьях золотых,
И все роднились песней той простою,
Как песней прародителей своих.
– А хорошо бы много дней, без счёта
Так, в мире жить, – промолвил кто-то вдруг.
– От нас зависит. От кого ж ещё-то?..
И на плечах моих – десяток рук.

ПЛАЧ ПО ТЕБЕ

«Ну, всё, конец», – решил я, не скорбя.
Уж много дней не думал про тебя.
Хожу я, одинок в своей судьбе,
И по ночам тянусь я не к тебе.
Но вот вчера, задумчивый, неловкий,
Я замер на трамвайной остановке,
Где столько нам прощаться довелось
(Прощались чаще). Как могу я врозь?
Казалось, проживу я не любя.
Нет, вижу, не прожить мне без тебя.
Не вытравить из сердца своего
Ни слов твоих, ни взгляда – ничего.
Смотрел на пустоту меж рук своих,
Давно ли ты была, родная, в них?
Я был в снегу, весь, с головы до ног,
Но охладить меня тот снег не мог.
Я был как лава. И капель, слепя,
Оплакивала, нежную, тебя.
И только ветер, полный злобных сил,
Потери ветер сердце леденил.

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 126; 132; 134)

СОДЕРЖАНИЕ

«НЕ УДИВЛЯТЬ, А УДИВЛЯТЬСЯ...»:

Поэмы, сонеты; эпиграммы, басни, пародии;
переводы

Предисловие 247

ПОЭМЫ

ФЁКЛА НИЛОВНА 248

ФЁКЛА ГРЕЧУШКИНА (Рассказ в стихах) 254

БРАТЬЯ 260

У НАС В ПОСЁЛКЕ (Из лирической поэмы) 279

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ (**Венок сонетов**) 289

ЭПИГРАММЫ, БАСНИ, ПАРОДИИ

БАЛЛАДА О РОТОЗЕЯХ 294

Подборка из сборника «Майский снег» 296

Подборка из сборника «Спасибо сентябрю» 298

ПАРОДИИ на собратьев по перу:

Виктора Баянова 300

Евгения Буравлёва 300

Владимира Измайлова 301

Валентина Махалова 301

Геннадия Юрова 302

Владимира Матвеева 302

Василия Фёдорова 302

Александра Пинаева 302

Евгения Евтушенко 303

Виктора Бокова 303

Валентина Махалова 303

Дмитрия Сухарева 304

ПЕРЕВОДЫ (Избранное)

Степан Торбоков (с шорского) 306

Карой Йоббадь (с венгерского) 308

VII

Михаил Небогатов

МИХАИЛ
НЕБОГАТОВ

Времени
река

ЖИЗНЬ

«...БУДЕТ СЛАВИТЬ ЖИЗНЬ МОЯ СТРОКА!»

**СТИХИ-РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЖИЗНИ**

*Иллюстрация из книги «Перепёлка».
Художник В. Першков*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самой важной в творчестве Михаила Небогатова, наряду со стихами о родном крае и о природе, о любви и о творчестве, является, конечно, тема с очень ёмким понятием «ЖИЗНЬ». Без преувеличения можно сказать, что всё, что написано поэтом на протяжении долгих лет в литературе, так или иначе связано с этой темой. Порой, нелегко отыскать стихотворение, в котором бы «в чистом виде» говорилось только о жизни, как таковой. Но попробуем всё-таки на основе этого сборника получить представление о том, как удалось Михаилу Александровичу решить столь непростую задачу.

Он дал однажды такое определение и своему творчеству, и своему отношению к жизни:

... Не удивлять, а удивляться
Я в этот светлый мир пришёл.
Где цвет черёмух и акаций
И в блеске дня жужжанье пчёл.
Смеётся ль синий май в Сибири,
Сентябрь ли хмурится, скорбя, –
Всё время что-то в этом мире
Я открываю для себя.
Моим открытиям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.
Всей жизни, бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь.
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь,
Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

В этом – весь Небогатов. И ему веришь, когда он говорит:

... И пока я вижу небо это,
Эту землю, солнце, облака,
Не умрёт во мне душа поэта,
Будет славить жизнь моя строка!

Поэт, чьи детство и юность были очень тяжёлыми, тем не менее, не озлобился, не ожесточился сердцем, не превратился в брюзгу, вечно недовольного всем и вся. Доброта – одно из отличительных его человеческих качеств. Он любил жизнь и людей, был распахнут душою. И это ярко и сочно вылилось в стихи, которые, действительно, славили жизнь. Их с полным правом можно назвать жизнеутверждающими!

В этом, завершающем серию тематических выпусков, сборнике читатели найдут самые разные строчки: о любви к жизни «бурной, многоликой»; о быстротечности времени; о детстве и отчем доме; об отношении к людям и о жизни среди людей. И слова эти – скромные, без ложной патетики – наверняка глубоко проникнут в души и сердца...

Автор-составитель.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

В те дни, как август на исходе,
А осень где-то за холмом,
Вдруг совершается в природе
Нежданно-резкий перелом.
В уютный мир, ещё цветущий,
Где по утрам тепла заря,
Влетает ветер вездесущий –
Лихой разведчик сентября.
Доволен осени посланец,
Что перемен немало внёс:
Скрыт в облаках зари румянец,
Роняет небо капли слёз;
Уже и в полдень так прохладно,
Что без плаща не выходи,
Клён непривычно неприглядный –
В лохмотьях жёлтых на груди.
А ветер скачет обозлённо
И скрыть не может торжества,
Когда, им сорванная, с клёна
Слетает мёртвая листва.
А ночью, спрятавшись в ложбине,
Невинно-чистый, как снежок,
Нагрязнул заморозок-иней
И землю воровски обжёг.
Осинка – та почти разделась,
Её сломил ребячий страх.
На диво ей упорство, смелость
В шумящих гордо тополях.
Горит в ней зависть не впервые:
Такую стойкость бы иметь!
Их кроны, пышные, густые,
Ещё не скоро тронет медь.
И ветер зря наскоком грубым
Пугает тополь у реки:
Он только встряхивает чубом,
Сжимая листья в кулаки.
И дальше в поле ветер мчится,
Туда, где с ропотом глухим
Волной кольшется пшеница,
Качая колосом сухим.
Тревога в сердце хлебороба:
Осенний месяц впереди.
Теперь гляди, дружище, в оба,
Не зарядили бы дожди.
...Ах, как люблю я дни уборки,
Загар на лицах и руках,
Поникший колос, и не горки,
А горы хлеба на токах!
Люблю я видеть в дождь и ведро
Задор душевный и подъём,

Когда прикрикнет кто-то бодро:
– А ну-ка, бабоньки, нажмём!
В обед присядут на полянку.
И бригадир – плечист, пригож, –
Прижав к груди своей буханку,
Вонзит в неё щербатый нож.
А как вкусна и запашиста
На свежем воздухе еда!
Всё под метёлку, чтобы чисто...
Тогда одобряют: – Это да!
Коль вместе сел, так ешь отважно:
Слыхал примету наших мест?
Тот и работает неважно,
Кто за столом лениво ест.
Я той приметой в сердце ранен.
Насчёт работы буду нем.
Но я ведь тоже горожанин,
Судите сами, как я ем.
А впрочем, это ради шутки...
Крадётся вечер по холмам.
Давай докурим самокрутки
И – на попутных по домам.
Не знаю в мире лучших грузов,
Гляжу – душа озарена:
В машине нашей – полный кузов
Живого, тёплого зерна.
Возьмёшь его – и на ладони
Крупинки золота горят.
О нём не только здесь, в районе –
По всей Отчизне говорят.
По сторонам пути-дороги
(Картина с детства дорога),
Бегут берёзки-недотроги,
Плывут пузатые стога.
Шагают, ноги в травах пряча,
Стального провода рабы –
Высоковольтной передачи
Тяжеловесные столбы.
Мы нашу радость не скрываем:
Хлеб в закрома пошёл, пошёл!
Румяным, пышным караваем
Он ляжет Родине на стол.
Мы, не надеясь на кого-то,
Ещё не так зажечь должны.
Одна у каждого забота:
Лишь только б не было войны...
Вдали – высокий элеватор.
Среди построек и оград,
Стоит он, будто бы оратор,
Который высказаться рад.
Ну, вот мы, друг, и дома вроде.
С колхозных нив несём привет...

В те дни, как август на исходе,
Наш город сумраком одет.
Над ним тяжёлых туч кочевья,
А на проспектах у витрин
Дождь моросит, шумят деревья
И слышен влажный шорох шин.
И хоть ещё на клумбах в скверах
Сверкает радуга цветов,
А в сердце сумрачно от серых,
Накрывших небо облаков.
Когда тебе уже за сорок,
Когда уж к старости идёшь,
Тебя гнетёт ненастный морок,
Ты солнце любишь, солнца ждёшь.
... Но что случилось? Ветер, сгнув,
Не тербит на лужах рябь.
То, на затылок тучи сдвинув,
Пришёл задумчивый сентябрь.
Он утром стынет в дымке синей, –
Смотри, всю даль заволокло, –
А в полдень ясность, чёткость линий,
Покой, безветрие, тепло.
И не беда, что солнце малость
Уже растратило свой пыл,
В нём, несмотря на грусть, усталость,
Ещё осталось много сил.
Простёрлось небо синей птицей,
Белеют перья облаков,
И око солнца вниз глядится
На ширь полей, дорог, лесов.
Его лучи, что светят косо,
Всё ловят с жадностью вокруг:
И волны дремлющего плёса,
И побуревший росный луг.
Пусть в небе жаворонка нету,
Зато в траве со всех сторон
Самозабвенным гимном лету
Звучит кузнечиков трезвон.
Вот мотылёк летит куда-то,
Совсем не думая о том,
Что скоро, скоро в час заката
Он сложит крылья под кустом.
Таща былинку за собою,
Мураш заботливый бежит.
Уж так ведётся – всё живое
Минутой каждой дорожит.
Короткий век твой или длинный,
Пусть будет светлой жизнь твоя!
Ведь даже в горечи полынной
Таится сладость бытия...
А дни летят, как птичья стая,
И, крася ржавчиной бугры,

Приносит осень золотая
Свои бездымные костры.
Вот вспыхнул куст над крутояром,
И пламя, что на нём зажглось,
Как при лесном пожаре ярое,
На ближний лес перенеслось.
Порхают листья. И похоже,
Что искры жаркие летят.
Стоят деревья в тихой дрожи,
О чём-то шепчет листопад.
О том, быть может, что не стоит
Быть недовольными судьбой:
Придёт весна и вновь построит
Зелёный терем, мир лесной.
А мне под шёпот листопада
На память давнее пришло.
...Вдали гремела канонада.
Горело русское село.
Катились мимо танки, пушки,
Чтоб справить наше торжество.
Мы ж хоронили на опушке
Солдата, друга своего.
Он самым первым из десятка
В село ворвался, знамя взвил.
Кровь запеклась под русой прядкой...
Как мало он на свете жил!
Молчал юнец, белей извёстки,
Окончив свой короткий путь.
И лист, сорвавшийся с берёзки,
Медалью лёг ему на грудь.
А сколько их, таких медалей,
Сложил на холмик листопад,
Когда мы залп последний дали,
Сказав: «Прощай, наш друг и брат!»
...А время мчит. Оно крылато.
С чего же нынче, в мирный день,
Того убитого солдата
Передо мной мелькнула тень?
Покоем лес осенний дышит,
Весь так и светится, горя,
Как будто золотом он вышит –
Любимым цветом сентября.
Приятна русскому картина
Природы, сердцу дорогой, –
Не заграждений паутина,
А паутинка над стернёй.
Хотим мы видеть над полями
Не взрывов тёмные кусты,
А золотых деревьев пламя
Необычайной красоты.
Над головою неба просинь.
Даль и пустынна, и светла.
Прощаясь с тёплым летом, осень

Знамёна жизни подняла.
С последним солнечным приветом,
Чей путь на запад, на закат,
Горит земля багровым цветом,
Шумит о жизни листопад...

(Из сборника «Родные просёлки», 1972 г., с. 50)

НАДО СПЕШИТЬ...

Было – вся жизнь впереди,
Вышло – немного осталось.
Ну-ка, теперь погляди:
Даже утрами усталость...
Как на подъём ни тяжёл, –
Труд ещё радость, отрада...
Было – вразвалочку шёл,
Вижу – спешить уже надо...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 63)

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Все знаем: на земле мы только гости.
Но мы судьбу за это не клянём.
Наш неизбежный холмик на погосте –
Мы отвлечённо думаем о нём.
На праздниках, в любом застольном тосте
Друг друга к счастью, к радости зовём.
Тех, кто хандрит, подбадриваем: «Бросьте!
Ещё мы повоюем, поживём!»
Идём. И лёгких троп не выбираем,
Нам по душе, которые трудней.
Скорбим, когда родных, друзей теряем,
Но в скорби любим жизнь ещё сильней.
И если от чего-то вдруг сгораем,
То чаще – от любви безмерной к ней.

*(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 52. См. также
сборник «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 51)*

***

Опыт жизни – горный перевал,
На котором с грустью и тревогой
Не один под старость горевал
Оттого, что шёл не той дорогой.

*(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 37. Эта же редакция в сборнике
«Свет в окне», 1969 г., с. 159, только «звёздочки» заменены названием –
«Опыт жизни» и поставлена дата создания стихотворения – 1960. То же
самое – т.е. с названием – в сборнике «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 66, но
уже без даты создания стихотворения)*

НО ВСЁ-ТАКИ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ...

Как быстро, стремительно крутится
И дней, и годов колесо!
Порой даже руки опустятся
От мысли: зачем это всё?
Зачем претворяем, не мешкая,
В какое-то дело мечту?..
Наверное, вечность с усмешкою
На нашу глядит суету.
Наверно, в душе издевается
Над нами прищуркою звёзд:
Любая дорога кончается,
Будь в сотню иль в тысячу вёрст.
Так что же ответим мы вечности?
– Как хочешь о людях суди.
Не ждём мы в пути бесконечности,
Но всё-таки – жизнь впереди.
Да, жизнь. С непокоем, тревогами,
С трудом и земной красотой,
И с новыми в космос дорогами,
И с новой надеждой – мечтой.
Способна ты, вечность незрячая,
Украсть, подарить ли нам час,
Зато жизнелюбья горячего
Убить не дано тебе в нас.
1975–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 32)

***

Как быстро, стремительно крутится
И дней, и годов колесо!
Порой даже руки опустятся
От мысли: зачем это всё?
Зачем претворяем, не мешкая,
В какое-то дело мечту...
Наверное, вечность с усмешкою
На нашу глядит суету.
Наверно, в душе издевается
Над нами прищуркою звёзд:
Любая дорога кончается,
Будь в сотню иль в тысячу вёрст.
Так что же ответим мы вечности?
– Как хочешь о людях суди.
Не ждём мы в пути бесконечности,
Но всё-таки – жизнь впереди.

(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 118)

НЕ ХВАТИТ ЖИЗНИ...

Жил поэт. Родной земли певец...
Нет, судьба, ты всё-таки жестока!
Всякий – даже в старости – конец
Неожидан, вроде он – до срока.
Как ни хочешь миг и век связать
На холсте ли, на листе бумажном,
Не хватает жизни – рассказать,
Может быть, о чём-то самом важном.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 49)

ВСЕСИЛЬНА ЖИЗНЬ

Всесильна жизнь! Из года в год
Цвести садам и злакам...
Всё чаще сердце знать даёт,
Что мне уж тридцать с гаком.
И мир от этого чуть-чуть
Милей по всем приметам...
Настанет день когда-нибудь,
Всё будет в мире этом:
Заря, что брызжет нам в окно
И щёки нежно гладит,
Чей вечный свет давным-давно
Встречал мой древний прадед;
Дорога дальняя в поля
С колёсным чётким следом;
В старинном парке тополя,
Посаженные дедом;
Грачиный гомон у крылец
И дым над тем заводом,
Где, по рассказам, мой отец
Сводил приход с расходом;
Широкий луг, где мать моя,
Не сломлена кручиной,
Косила сено, помню я,
Шагая в ряд с мужчиной;
Залитый солнцем школьный класс,
Всегда к звонку готовый,
Куда мальчишкой в первый раз
Входил я с сумкой новой;
Весёлый, шумный город мой,
Что стал навек любимым,
С поющей в рупорах Москвой,
С огнём над коксохимом;
Газета местная «Кузбасс»,
Где хвалят и ругают,
Где – с опечатками подчас –
Стихи мои бывают...
Всё это будет. Только мне
Услышать не придётся,

Как в лунной дали в тишине
Призывно песня льётся.
Как знать, когда своей рукой,
Взрастившей жизни почку,
Над незаконченной строкой
Поставит время точку.
Но не страшусь я той руки,
Не гнусь пред ней умильно.
Печальным датам вопреки
Жизнь на земле всеильна.
Гореть ей радугой-дугой,
Манить ей далью лунной!..
Уйдёт один – придёт другой,
Красивый, смелый, юный.
Он эту песню вдалеке,
Как зов любви услышит
И к недописанной строке
Свои слова припишет...

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 69)

ВСЕСИЛЬНА ЖИЗНЬ

Всеильна жизнь! Из года в год
Цвести садам и злакам...
Всё чаще сердце знать даёт,
Что мне уж тридцать с гаком.
И не с того ли мир чуть-чуть
Милей по всем приметам...
Настанет день когда-нибудь,
Всё будет в мире этом:
Заря, что брызжет нам в окно
И щёки нежно гладит,
Чей вечный свет давным-давно
Встречал мой древний прадед.
Грачиный гомон у крылец
И дым над тем заводом,
Где, по рассказам, мой отец
Сводил приход с расходом.
Широкий луг, где мать моя,
Не сломлена кручиной,
Косила сено, помню я,
Шагая в ряд с мужчиной.
Леса над Томью, город мой,
Что стал навек любимым,
С поющей в рупорах Москвой,
С огнём над коксохимом.
Газета местная «Кузбасс»
С обличьем деловитым,
Где – с опечатками подчас –
Стихи пестрят петитом...
Всё это будет. Только мне

Услышать не придётся
Ни песню в лунной тишине,
Ни тихий скрип колодца.
Как знать, когда своей рукой,
Взрастившей жизни почку,
Над незаконченной строкой
Поставит время точку.
Но не страшусь я той руки,
Не гнусь пред ней, двужильной.
Печальным датам вопреки
Жизнь на земле всеильна!
Гореть ей радугой-дугой,
Манить ей далью лунной!..
Уйдёт один – придёт другой,
Красивый, смелый, юный.
Он эту песню вдалеке,
Как зов любви услышит
И к недописанной строке
Свои слова припишет...

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 36. С небольшими изменениями в знаках препинания в конце четверостиший и с добавлением даты создания стихотворения – 1958 – см. сборник «Земной поклон», 1976 г., с. 76)

***

Всеильна жизнь! Из года в год
Цвести садам и злакам...
Всё чаще сердце знать даёт,
Что мне уж тридцать с гаком.
И не с того ли мир чуть-чуть
Милей по всем приметам...
Настанет день когда-нибудь,
Всё будет в мире этом...
Всё в жизни будет. Только мне
Услышать не придётся
Ни песню в лунной тишине,
Ни тихий скрип колодца.
Как знать, когда своей рукой,
Взрастившей жизни почку,
Над незаконченной строкой
Поставит время точку.
Но не страшусь я той руки,
Не гнусь пред ней, двужильной.
Печальным датам вопреки
Жизнь на земле всеильна!
Гореть ей радугой-дугой,
Манить ей далью лунной!..
Уйдёт один – придёт другой,
Красивый, смелый, юный.
Он эту песню вдалеке,

Как зов любви услышит
И к недописанной строке
Свои слова припишет.

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 66. Небольшие изменения заметны и здесь)

ЖИЗНЬ ВЕЛИТ...

Мы с тобой давно уж не мальчишки.
Жизнь велит: мудрей на мир гляди...
Не суди о людях понаслышке,
Хорошо ли, плохо – не суди.
Человек понятней за беседой.
Вот ты с ним и встреться для того,
О себе всё искренне поведай,
Расспроси о главном и его.
И о ком ты раньше думал плохо,
Потому что верил слухам всем,
От кого, быть может, ждал подвоха, –
Вдруг иным окажется совсем.
Не таким, как ты считал когда-то,
Рад тебе, как другу своему...
И, смутясь, осудишь сам себя ты
За былую холодность к нему.

(Из сборника «Времени река», 1991 г., с. 39)

БЕРЕГА

Утро – берег, откуда отчалим,
Вечер – берег, где кончится путь,
Где мы радостям нашим, печалям
Устояться дадим, отдохнуть.
Я хотел бы, свой плот направляя
По реке наступившего дня,
Чтоб погода была штормовая,
Чтоб кружила, мотала меня!
В этой вечно текущей дороге
Не нужна мне спокойная гладь.
Пусть людские заботы, тревоги
Не дают ни на миг задремать!
Пусть работают сердце и руки,
Забывая про отдых в пути,
Чтоб у тихой вечерней излуки
Мог спокойно на берег сойти.

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 13. В сборнике «Свет в окне», 1969, с. 170 добавилась дата – 1961 – и изменилась восьмая строчка: «...чтоб несло и кружило меня!». В этой же – последней – редакции см. стихотворение в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 110 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 36)

ПРИНЯТ НА УЧЁТ

Есть фраза: «Принят на учёт».
Есть и другая: «Снят с учёта».
Кто им значенье придаёт?
А в них, меж тем, большое что-то.
Спроси у друга, у родни –
Никто доподлинно не знает,
Когда, в какие годы, дни
Жизнь на учёт нас принимает.
Все дни и все твои дела,
Победы, срывы, жар в работе,

Борьба в тебе добра и зла –
Всё, всё у жизни на учёте.
А снимет – вот тогда беда:
Не будешь даже на примете,
Хоть, может быть, ещё года
Ты прокоптишь на белом свете...
Гори, душа! Гори сильней!
Чтоб неудача нас не смяла,
Чтоб до последних лет и дней
Нас жизнь с учёта не снимала...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 53)

***

Спроси у друга, у родни –
Никто доподлинно не знает,
В какие годы или дни
Жизнь на учёт нас принимает.
Все помыслы и все дела,
Победы, срывы, жар в работе,
Борьба в тебе добра и зла –
Всё, всё у жизни на учёте.
А снимет – вот тогда беда:
Не будешь даже на примете,
Хоть, может быть, ещё года
Ты прокоптишь на белом свете...
Гори, душа! Гори сильней!
Чтоб неудача нас не смяла,
Чтоб до последних лет и дней
Нас жизнь с учёта не снимала...

*(Из сборника «Перепёлка», 1988 г., с. 102. Эта же редакция
в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 50)*

СЕРДЦЕ ВИДИТ...

За сумятицей снежинок
Не видать дорог, тропинок,
Тесен мир от белизны.
Но великая отрада –
За стеною снегопада
Увидать простор весны.
Так вот мелочами быта
Жизни даль порой сокрыта
От твоих пытливых глаз.
Только сердце видит ясно:
По-весеннему прекрасно
То, что будет после нас.
1959

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 206)

ЖИЗНЬ

Рассыпаться росам,
Волноваться волнам
По покосам, плёсам,
Красотою полным.
Ну, а нам, как детям,
Любоваться этим,
Жить, пока живётся,
Петь, пока поётся.

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 87)

КАРТИНКИ БУКВАРЯ

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом,
Где, помню, до свету вставали
При звёзд сиянье голубом,
И через времени завесу
Всё вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли...
Согнула мать беда-кручина,
Нужда вошла под хмурый кров.
И на меня, как на мужчину,
Лёг труд отцовский – пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку, – он в первый класс пошёл!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально – бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре.
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.
Стучался ветер в дверь, в ворота,
Но в мир поэзии влюблён,
Я в этом сказочное что-то
Ловил, угадывал сквозь сон.
И ожидать мне было любо –
Со мной стихами говоря,
Не шапки снились и не шубы,
А те картинки букваря...

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 5)

КАРТИНКИ БУКВАРЯ

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом,
Где, помню, до свету вставали
При звёзд мерцанье голубом,
И через времени завесу
Всё вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли...
Согнула мать беда-кручина,
Нужда вошла под хмурый кров.
И на меня, как на мужчину,
Лёг труд отцовский – пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку, – он в первый класс пошёл!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально – бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре.
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.
Стучался ветер в дверь, в ворота,
Но в мир поэзии влюблён,
Я в этом сказочное что-то
Ловил, угадывал сквозь сон...
Мне до сих пор всё это мило:
Картинки те из букваря,
Метель, что окна серебрила,
Со мной стихами говоря...
1962

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 127. Новая концовка, многоточие после слова «сон», плюс дата создания стихотворения. Слово «сиянье» в 4-й строчке первого четверостишия заменено словом «мерцанье». Почти полностью эта же редакция в сборнике «Перепёлка», 1988 г., с. 113, только название заменено «звёздочками», снова точка после слова «сон» и нет даты создания стихотворения)

***

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом,
Где, помню, до свету вставали
При звёзд мерцанье голубом.
И через времени завесу
Всё вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли...

Я помню мамину кручину –

Нужда вошла под хмурый кров.
И на меня, как на мужчину,
Лёг труд отцовский – пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку, – он в первый класс пошёл!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально – бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре.
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.
Мне до сих пор всё это мило:
Картинки те из букваря,
Метель, что окна серебрила,
Со мной стихами говоря...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 10. Всё почти так же, как в предыдущем сборнике, только без предпоследнего четверостишия: «Стучался ветер в дверь...». Такая же редакция – в сборнике «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 62)

***

Есть всему своё предназначенье:
Песня – птице, молот – кузнецу,
Дням весны – беспечное цветенье,
И румянец – юному лицу.
Ну, а мне? Что мне дала природа,
Где мою тропинку провела?
Вдруг да я – на шее у народа,
Словно муха на рогах вола?..
Пусть не стану я большим поэтом,
Пусть со мной стихи мои умрут,
Но пока люблюсь белым светом,
Я не брошу свой заветный труд.
И пока я вижу небо это,
Эту землю, солнце, облака,
Не умрёт во мне душа поэта,
Будет славить жизнь моя строка!

(Из сборника «Родные просёлки», 1963 г., с. 105. См. также сборники: «Свет в окне», 1969 г., с. 110, где добавилась дата создания стихотворения – 1961-й год, и «Лирика», 1981 г., с. 124 – уже без даты и с заменой слова «заветный» словом «любимый»)

ДРУЖЕСКОЕ СЛОВО

Бывает день: не ладится работа,
Не манит даль росистою тропой.
И ты не то чтоб злишься на кого-то,
Ты просто недоволен сам собой.
Мелькает мысль, что люди безразличны
К твоим делам, стремленьям и мечтам.
И хоть минуты эти непривычны,
Да всё ж горьки и неприятны нам.
И вдруг – простое дружеское слово,
Звонок, письмо ли: – Как идут дела?
И ты воскрес. Кипит работа снова.
Вдвойне, чем прежде, жизнь тебе мила.

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 52)

***

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?
Зачем рашу траву,
Что никнет под косой?
Зачем дышу, живу
Под солнцем и росой?
...И снова – синева
И жаркий блеск в ответ:
Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.
Чтоб дождь над ней блестел,
Как искорка в очах,
Чтоб жаворонок пел
В живительных лучах.
Чтоб кто-то здесь прошёл,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчёл
Нарвал букет цветов!

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 110. См. также сборники: «Земной поклон», 1976 г., с. 30, в котором появилась дата создания стихотворения – 1970-й год, и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 60)

***

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?
Зачем растёт трава,
Что никнет под косой?
Зачем цветёт, жива,
Под солнцем и росой?

...И снова – синева
И жаркий блеск в ответ:
Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.
Чтоб дождь на ней блестел,
Как искорка в очах,
Кузнечик свиристел
И лютик не зачах.
Чтоб кто-то здесь прошёл,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчёл
Нарвал букет цветов!

*(Из сборника «Лето», 1981 г., с. 119. Эта же редакция в сборниках:
«Перепёлка», 1988 г., с. 13; «Вечерние огни», 1989 г., с. 28; «Времени
река», 1991 г., с. 50)*

БУДТО ВПЕРВЫЕ...

Врываются в зимний покой
Рассвета лучи заревые.
И утро над Томью-рекой
Я вижу как будто впервые.
В сиянье весь мир до краёв.
Искрятся снега голубые.
И радостный гвалт воробьёв
Я слышу как будто впервые.
В том гвалте – предвестье весны,
Все вешние звуки живые...
На краски родной стороны
Гляжу я как будто впервые:
На чуть розовеющий снег,
На тропку с мерцающей лужей.
Прощаюсь как будто навек
С недавнею вьюгой и стужей.
Вновь вижу, как будто впервой,
Что воздух зарёю просвечен...
И грезится: вместе с весной
И сам я бессмертен и вечен.
1973–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 214)

***

Пока живём, нужны мы многим людям,
Мы с ними рядом каждый день и час.
Но вот вопрос: нужны ли после будем,
Вздохнёт ли кто-нибудь, что нету нас?
Друг-человек, задумайся об этом.
Сумей понять, что надо жизнь прожить
Не просто так, любуясь белым светом,
А чтобы память чью-то заслужить.

Трудись, всю душу вкладывая в дело,
Не оставляя что-то про запас,
Как будто бы стоишь ты у предела,
Как будто на земле – последний час...
1966–75

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 85)

ЕДИНСТВО

Мы так зависим от людей!
Без них не ступишь ты и шагу.
Они дают душе твоей
Любовь, и радость, и отвагу.
В союзе с ними ты – велик.
Твои усилия не напрасны.
И коль чего-нибудь достиг,
То люди к этому причастны.
Живи, в работе молодежи,
Пусть силы новые придут,
Чтоб сделать что-то для людей.
Они-то, брат, в долгу не будут.
1962

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 119)

***

Мы сообща слагаем даже строчки,
Идём бок о бок с кем-то до седин.
А умираем все поодиночке,
Со смертью все один мы на один...
Придёт к нам радость – делимся с другими,
Нагрянет горе – на люди спешим.
С людьми – не только близкими, с чужими –
Мы на земле уверенней стоим.
И космонавт в небесном океане,
И водолаз в глубинах под водой –
Они не одиноки в ожиданье
Желанной встречи с солнечной землёй.
Не одинок сидящий в одиночке
В тюрьме франкистской.
Сквозь глухой бетон
Выстукивает он тире и точки –
С собратом разговаривает он.
Пока живём, любуясь синим маем,
Или печалюсь вместе с сентябрём,
Нигде мы одиночества не знаем,
В какую глушь порой ни забредём.
...Ловлю в ночи ветров и снега смуту,
А вижу полдень, радуги венки.
Я с целым миром каждую минуту!
Лишь в час последний буду одинок...

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 33)

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далёком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком –
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое –
Сады в черёмушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я, –
Здесь неизвестно никому.
И до чего ж я удивился,
Когда какой-то встречный дед
Вдруг снял картуз и поклонился
Под стать знакомцу давних лет.
А я с ним в жизни не встречался.
Впервые вижу старика.
Наверно, просто обознался,
Небось, в подпитии слегка...
Иду. Старушка мне навстречу.
И вновь – почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человече,
Живи и здравствуй, в мир влюблён.
И вроде больше стало света
И зацвели сады пышней
От мимолётного привета
Проживших долгий век людей.
Но нечем было мне гордиться.
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?..»
Подчас не бросит даже взгляда
Тот, кто с тобой знакомство вёл.
Да. Всем, пожалуй, знать бы надо
Обычай старых русских сёл.

(Из сборника «Моим землякам», 1958 г., с. 38)

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далёком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком –
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое –
Сады в черёмушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я, –
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда какой-то встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною
Под стать знакомцу давних лет.
А я с ним в жизни не встречался.
Впервые вижу старика.

«Наверно, принял за начальство
Или в подпитии слегка»...

Иду. Старушка мне навстречу.
И вновь – почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, в мир влюблён.
И вроде больше стало света
И зацвели сады пышней

От мимолётного привета
Проживших долгий век людей.

Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.

(Из сборника «Лирика», 1961 г., с. 17)

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далёком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком –
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое –
Сады в черёмушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я, –
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу.
И вновь – почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человеке,
Живи и здравствуй, в мир влюблён.
И вроде больше стало света
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.
1957

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 14. Изменения налицо: другими стали отдельные слова, убрано одно четверостишие, появилась дата создания стихотворения – 1957-й год. С этого сборника редакция стала окончательной. Стихотворение напечатано ещё в сборниках: «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 25; «Земной поклон», 1976 г., с. 64 – тоже с указанием даты создания; «Вечерние огни», 1989 г., с. 86 – без даты. Лишь в сборниках «Перепёлка», 1988 г., с. 99 и «Времени река», 1991 г., с. 59 изменилась строчка про поклон: «...и вот опять – поклон земной» и вторая половина фразы: «Живи и здравствуй...» – «...мой родной»)

***

Я помню, как на русской спал печи
В холодном, неудобном доме старом.
– Мам, где же тятя? – Спи сынок, молчи...
Я засыпал, печным согретый жаром.
Но снова дверью хлопали в ночи,
Мороз, клубясь, врывался белым паром.
Коптила лампа. Стыли кирпичи.
И в полусне – отец за самоваром.
А наяву – стук дверью без конца.
Бессонница с неясной мне бедою.
И слёзы мамы – нет на ней лица.
Сосед в тулупе с мёрзлой бородою...
Лишь день спустя нашли в лесу отца
У дровней под осиною седою.
Соседи – во дворе и на крыльце,
Одеты в шубы, в валенки обуты...
Я мало что запомнил об отце,
Но знаю про последние минуты:
Он левою рукою сердце тёр,
Так, вдавленная в грудь, она застыла...
Смерть, что ходила рядом до сих пор,
На этот раз, схватив, не отпустила...
Всё делать основательно и впрок
Любил отец. С мужицкой той привычкой
Он не расстался, сбитый смертью с ног:
Прикрыл глаза мохнатой рукавичкой...
1973–76

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 50. Рассказана реальная история из жизни поэта: ему не было ещё и пяти лет от роду, когда погиб его отец – Александр Алексеевич Небогатов, поехав однажды в лес за дровами)

***

Матери*

О, мама! Жизнь не отзвучала!
Всё помню: лавки, образа...
Как ты гостей тепло встречала.
Как правду резала в глаза...
Как ловко сено ты косила,
На вдовью долюшку не злясь.
И где бралась мужская сила,
Где нежность женская бралась?
1972–75

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 56)

---

* – стихотворение посвящено матери поэта – Клавдии Степановне Небогатовой (*Примечание Н. Инякиной*)

***

Сестре Наде

Ничего хорошего ты с детства
Не видала. Ровно ничего –
Без отца росли... Поздней в наследство –
Ребяunia и раннее вдовство.
Все подруги счастливы, по слухам.
Что ж, в родстве с бедой и нищетой
Никогда не падала ты духом,
Не слыла казанской сиротой.
Добротой твоею, простотою
Помыкали все, кому не лень.
Всё ж не стала чёрствой ты и злою,
Доверяешь людям по сей день.
И теперь, уже имея внука,
Вдруг да стариною и тряхнёшь:
– Дайте-ка гитару мне. А ну-ка... –
И легко, сердечно запоёшь.
Песня, песня... Душу в ней отводишь,
Бескорыстный, добрый человек.
В песне радость тихую находишь,
Будто впрямь был радостным твой век.
1976

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 57)

***

Что-то сердце защемило:
Перебой и перестук...
Жизнь прекрасна, всё в ней мило,
Но испуг порой: а вдруг?
Силы зрелостью налиты.
В дальний путь зовёт вокзал...
Сердце, сердце, не шали ты,
Я ещё не всё сказал.
1973

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 71)

***

Зори вёсен со мною,
Просыпаюсь – смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.
Славлю пору расцвета,
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветёт без меня.
Славлю осени просинь,
Желтизну на лугу.
А какую-то осень
Я воспеть не смогу.
Славлю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А каких-то снежинок
Не смогу увидеть.
Грустно думать об этом.
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко...

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с. 43. В сборниках «Свет в окне», 1969 г., с. 109 и «Земной поклон», 1976 г., с. 83 добавилась дата создания стихотворения – 1965-й год. См. также сборники: «Вечерние огни», 1989 г., с. 116; «Времени река», 1991 г., с. 67 и «Благодарю, благодарю...», 1995 г., с. 33)

ЗА ЧЕРТОЙ

Нужна какая-то черта,
Итог какой-то нужен,
Чтоб проявилась красота
Того, с кем годы дружен.
Пока ты рядом с ним идёшь
Среди лучей и тучек,
Он и не плох и не хорош,
А вроде так – попутчик.
Не придаёшь делам, словам
Особого значенья.
Порою, даже скучно вам
От частого общенья.
Расстались – что тут горевать.
Проходят дни в надежде,
Что скоро встретитесь опять,
Всё будет так, как прежде.
...Но вот не стало вдруг его,
И горю нет названья.
Не будет больше ничего –
Ни встреч, ни расставанья.
И видишь ты, простясь навек
Под горькой горя ношей,

Какой же этот человек
Был славный и хороший!
Что раньше было трын-трава,
Сегодня сердцу свято.
Припоминаешь все слова,
Что он сказал когда-то.
Не можешь сам себе простить,
Раскаясь запоздало,
Что не умел его ценить –
Чего-то не хватало.
А не хватало одного –
Внимания простого,
Чтоб разглядеть его
Всего,
Привычного, живого.

(Из сборника «Майский снег», 1966 г., с.20)

ВРЕМЯ

Как быстротечна времени река,
Как безгранична – нет конца ей, края.
Часы и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твоё письмо получит адресат,
А уж оно – посланье из бывшего.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чём-то, что уже прошло,
Тут настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, – всё прошедшим стало...
Читает человек твоё письмо,
И невдомёк ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том, как мимолётно всё на свете...

(Из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г., с. 86.)

ВРЕМЯ

Как быстротечна времени река!
Как безгранична – нет конца ей, края!
Часы и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твоё письмо получит адресат,
А уж оно – посланье из бывшего.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чём-то, что уже прошло,
И настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, –

Всё прошедшим стало...
Читает добрый друг твоё письмо,
И невдомёк ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том, как мимолётно всё на свете...

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 37. Эту же редакцию см. в сборнике «Перепёлка», 1988 г., с. 103. А в сборнике «Времени река», 1991 г., с. 5 – всё то же самое, только название заменено «звёздочками»)

ВРЕМЯ

Твоё письмо получит адресат,
А уж оно – посланье из бывшего.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чём-то, что уже прошло,
И настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, –
Всё прошедшим стало...
Читает добрый друг твоё письмо,
И невдомёк ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том, как мимолётно всё на свете...

(Из сборника «Вечерние огни», 1989 г., с. 117)

ЕСЛИ БЫ...

Если б детство вернулось опять,
Жизнь начать предстояло бы заново,
Не свернул бы с пути ни на пядь,
Мне судьбой от рождения данного.
Было всё: и военный пожар,
И народы, от гнёта спасённые,
И души поэтический жар,
Озаряющий ночи бессонные...

(Из сборника «Земля моя добрая», 1984 г., с. 39)

***

Любимой матери моей,
Которой я на свет рождён,
Ей, всех родней и всех милей –
Земной поклон!
Родному краю моему,
Где чист июльский небосклон,
Где вьюги любят кутерьму –
Земной поклон!
Всем землякам, сибирякам,

Кто работающ, умён, силён,
И кто заслон любим врагам –
Земной поклон!
Подруге, верной навсегда,
В кого я с юности влюблён,
С кем вместе горе не беда –
Земной поклон!..
Сибири, матери, жене,
Все́му, чем в жизни наделён,
Что и со мною и во мне –
Земной поклон!
1974

(Из сборника «Земной поклон», 1976 г., с. 216)

СОДЕРЖАНИЕ

«БУДЕТ СЛАВИТЬ ЖИЗНЬ МОЯ СТРОКА!»: СТИХИ-РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

Предисловие.....	314
ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ.....	315
НАДО СПЕШИТЬ.....	319
ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ.....	319
«Опыт жизни...».....	319
НО ВСЁ-ТАКИ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ (<i>Как быстро, стремительно...</i>).....	320
«Как быстро, стремительно крутится...».....	320
НЕ ХВАТИТ ЖИЗНИ.....	321
ВСЕСИЛЬНА ЖИЗНЬ.....	321
ВСЕСИЛЬНА ЖИЗНЬ.....	322
«Всесильна жизнь...».....	323
ЖИЗНЬ ВЕЛИТ.....	324
БЕРЕГА.....	324
ПРИНЯТ НА УЧЁТ (<i>Есть фраза: «Принят на учёт...»</i>).....	325
«Спроси у друга, у родни...».....	325
СЕРДЦЕ ВИДИТ.....	325
ЖИЗНЬ.....	326
КАРТИНКИ БУКВАРЯ (<i>Я рос в семье...</i>).....	326
КАРТИНКИ БУКВАРЯ (<i>Я рос в семье...</i>).....	327
«Я рос в семье, где добывали...».....	327
«Есть всему своё предназначенье...».....	328
ДРУЖЕСКОЕ СЛОВО.....	329
«На поле пала тень...».....	329
«На поле пала тень...».....	329
БУДТО ВПЕРВЫЕ.....	330
«Пока живём, нужны мы многим людям...».....	330
ЕДИНСТВО (<i>Мы так зависим от людей...</i>).....	331
«Мы сообща слагаем даже строчки...».....	331
РУССКИЙ ПОКЛОН.....	332
РУССКИЙ ПОКЛОН.....	332
РУССКИЙ ПОКЛОН.....	333
«Я помню, как на русской спал печи...».....	334
«О, мама! Жизнь не отзвучала!...».....	335
«Ничего хорошего ты с детства...».....	335
«Что-то сердце защемило...».....	335
«Зори вёсен со мною...».....	336
ЗА ЧЕРТОЙ.....	336
ВРЕМЯ (<i>Как быстротечна времени река...</i>).....	337
ВРЕМЯ (<i>Как быстротечна времени река...</i>).....	337
ВРЕМЯ (<i>Твоё письмо получит адресат...</i>).....	338
ЕСЛИ БЫ.....	338
«Любимой матери моей...» (<i>Земной поклон</i>).....	338

*Литературно-художественное
издание*

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕБОГАТОВ

«ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ СТРОКОЮ...»

СВОДНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Михаил Небогатов. **«ПРОСТОЮ ЗАДУШЕВНОЮ СТРОКОЮ...»**:
Сводный тематический сборник / Автор-составитель – Нина Инякина, дочь поэта.
– Кемерово, 2012-2021. – 341 с.: ил.

Компьютерный набор и вёрстка – Нина Инякина.
Художественное оформление – Павел Окунев, внук поэта.